

Комаки Курихара: актриса, сохранившая верность Москве и русской культуре (к 80-летию юбилею)

Е. Л. Катасонова

Аннотация

Статья написана в связи с 80-летием известной японской актрисы и общественного деятеля Курихара Комаки, кавалера российского Ордена Дружбы народов, которая на протяжении уже более 50 лет вносит большой вклад в движение за дружбу и развитие культурных связей между Японией и Россией. Большую известность на родине и у нас в стране принесло ей участие в таких совместных фильмах, как «Москва, любовь моя», «Мелодии белой ночи», «Экипаж», «Шаг» и др., а также в большом числе спектаклей, поставленных на основе произведений русских классиков, в которых Курихара выступила в качестве режиссера и исполнительницы главных ролей. В последние годы она возглавляет оргкомитет по проведению Фестиваля русской культуры в Японии, который в условиях резкого ухудшения политических отношений между нашими странами и блокады русской культуры в мире остается действенным каналом для поддержания двусторонних общественных контактов и поиска путей к нормализации межгосударственного сотрудничества.

Ключевые слова: Япония, Россия, русская культура, Курихара Комаки, А. Митта, С. Соловьев, «Москва, любовь моя», «Мелодии белой ночи», «Шаг», Фестиваль русской культуры, культура отмены.

Автор: Катасонова Елена Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований Института Востоковедения РАН Москва, 131031, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: [katasonova@rambler.ru](mailto:katsonova@rambler.ru)

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Komaki Kurirara: the Actress who Remained Loyal to Moscow and Russian Culture (For the 80th Anniversary of the Actress)

E. L. Katasonova

Abstract

The article is written on the occasion of the 80th anniversary of a famous Japanese actress and public figure Kurihara Komaki, a knight of the Russian Order of Friendship of the Peoples, who, for more than 50 years, has contributed greatly to the movement for friendship and development of cultural ties between Russia and Japan. Her participation in such co-production films as *Moscow, My Love*, *Melodies of the White Night*, *Crew*, *Step*, and others, as well as in a large number of performances based on Russian classics, in which Kurihara acted as director and performer of the main roles, brought her great fame in her homeland and in our country. In recent years, she has chaired the organizing committee of the Russian Culture Festival in Japan, which, in the context of a sharp deterioration of political relations between our countries and the blockade of Russian culture in the world, remains an effective channel for maintaining bilateral public contacts and finding ways to normalize inter-state cooperation.

Keywords: Japan, Russia, Russian culture, Kurihara Komaki, A. Mitta, S. Solovyov, «Moscow, My love», «Melodies of the White Night», «Step», Festival of Russian culture, cancel culture.

Author: *Katasonova Elena L.*, Doctor of Sciences (History), Head of the Center of Japanese Studies, Insitiute of Oriental Studies of RAS:

12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 103031

E-mail: katasonova@rambler.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение. Немного из прошлого

Мы познакомились с Курихара Комаки очень давно – в октябре 1973 г. в японском Посольстве в Калашном переулке на большом и представительном приеме в честь приезда высокой японской делегации во главе с премьер-министром Танака Какуэй. Это был редкий

случай в истории двусторонних отношений, когда японские гости такого уровня посещали нашу страну. И это было хорошим знаком: обе стороны стремились к расширению взаимного сотрудничества, для которого вырисовывались неплохие перспективы.

В тот вечер в старинном особняке собралось очень много гостей – политиков, общественных деятелей, артистов, журналистов, лица которых были знакомы по газетам и телевидению. И я, полная чувств смятения и радости, испытывала, наверное такие же ощущения, что и Наташа Ростова на первом своем балу. Недавняя выпускница Института стран Азии и Африки, я тогда только что приступила к работе в Обществе дружбы СССР–Япония, это был первый прием в моей жизни, тем более по такому поводу. Не зная лично никого из присутствовавших, я боялась с кем-то заговорить, и мне не оставалось ничего другого как держаться поближе к своим коллегам, которые тем временем знакомились и увлеченно общались с членами японской делегации.

И вдруг совершенно неожиданно кто-то из японцев подвел меня к Курихара Комаки, которая выглядела как королева этого вечера – изящная и обворожительная, в длинном белом вечернем платье, похожая на героиню волшебных сказок. Она оказалась известной японской актрисой, которая приехала в СССР сниматься в советско-японском фильме. Мы познакомились и общались почти весь вечер вперемежку на русском и на японском. С нами многие фотографировались, шутили, и все было интересно и весело. А когда пришло время прощаться, мы пообещали друг другу встретиться еще раз, хотя, как мне кажется, ни она, ни я не придали этим словам особого значения. А это стало началом нашего долгого дружеского общения.

О времени и детских мечтах

Она родилась 14 марта 1945 г. в творческой японской семье, где знали и почитали мировую культуру, а русскую особенно. Отец был драматургом, мать – актрисой, и уже только своим происхождением Комаки была призвана служить искусству. Шли последние самые трудные месяцы Тихоокеанской войны, когда Япония еще отчаянно, но уже практически безнадежно продолжала сражаться в той многолетней бойне, которую по существу сама и развязала внезапным нападением на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор в 1941 г.

Но самое страшное японцев еще ждало впереди – им еще предстояло испытать смертоносные ядерные бомбардировки городов Хиросима и Нагасаки в августе 1945 г. и пленение почти миллионной Квантунской армии советскими войсками. А потом настало 2 сентября, вошедшее в историю как День капитуляции Японии, что было зафиксировано в специальном Акте, подписанном представителями союзных держав на борту американского линкора «Миссури», ставшего символом военно-морской мощи США.

С этого момента Япония переходила на оккупационное положение и под прямое управление со стороны Вашингтона, откуда американцы руководили созданием нового современного государства по своим образцам начиная с политического устройства и экономической модели и кончая насаждением новых моральных, духовных и культурных ценностей. Оккупация Япония союзническими, а по существу американскими войсками под командованием генерала Д. Макартура растянулась на долгие семь лет, в течение которых японское общество претерпело тотальную американизацию всех сторон жизни. Японские кинотеатры были заполнены продукцией Голливуда, из многочисленных баров и пивных, появившихся словно по взмаху волшебной палочки, полились звуки джаза и американская речь, а молодые японки, словно забыв о столь любимых их бабушками и мамами кимоно, переоделись в европейские платья, фасоны которых черпали из американских журналов мод. Дело дошло до того, что в 1960-е гг. кумир миллионов японцев Чарли Чаплин, посетив Японию, с недовольством заявил о том, что «там слишком уж много кока-колы»¹, имея в виду – американского.

Конечно же, японцы начали осваивать американские новинки еще задолго до начала войны, увлекшись фильмами, прославлявшими незнакомую для японцев роскошную жизнь на Западе, откровенными для того времени любовными сценами и непременным «хэппи-эндом». Полюбились и анимация Диснея, особенно его «Белоснежка и семь гномов». Рассказывают, что еще в разгар Тихоокеанской войны в Японии был организован закрытый просмотр этой ленты для местной элиты. И все зрители были не только восхищены художественными достоинствами увиденного, но и приведены в некое замешательство из-за неожиданного осознания огромного технологического

¹ Музыкальная жизнь. № 17. 02.09.1987. С. 3.

отставания отечественной киноиндустрии от американской. И это потрясшее их открытие невольно навевало нерадостную мысль о том, что Японии вряд ли удастся победить в войне столь высокоразвитую страну, где даже анимация достигла такого непревзойденного уровня. И это предсказание оказалось пророческим.

А вот с приобщением японцев к русской культуре дело обстояло иным образом. Если Америка сразу же после войны начала тщательно насаждать и культивировать в Японии образцы своей так называемой поп-культуры, то Россия предстала прежде всего в образах своей нетленной классики. Все началось еще в 1880-х гг. с первых переводов на японский язык произведений Пушкина, Тургенева, Гоголя и др. Ну а затем настал черед современных на то время писателей – Толстого, Достоевского, Чехова, Горького, творчество которых не только познакомило японцев с загадочной русской душой, но и заложило основы для формирования нового театрального искусства западного типа – *сингэки*. Символом новой японской драмы стала постановка романа Толстого «Воскресение», осуществленная на сцене уже тогда популярной труппы «Гэйдзюцудза». А прозвучавшая в ней песня Катюши в исполнении одной из первых актрис токийской театральной сцены Мацуи Сумако (1886–1919) навсегда вошла в анналы японского театра. Не зря Комаки Курихара так долго мечтала воплотить ее образ на сцене.

Но еще больше, чем драматическое искусство Курихару еще с детских лет привлекал балет, причем, именно русский балет, настоящий бум которого всколыхнул Японию в 1920-е гг. Исторически сложилось так, что знакомство с этим искусством жителей Страны восходящего солнца произошло еще в 1912 г. благодаря приезду итальянского балетмейстера Джованно Роси в Токио по приглашению Императорского театра «Тэйкоку гэкидзё», где он стал преподавать классический танец, что продлилось в общей сложности около трех лет. Увлечение же русским балетом буквально накрыло Японию после триумфальных выступлений прославленной русской балерины Анны Павловой, посетившей эту страну в рамках своего мирового турне в 1922 г. Именно тогда возник огромный интерес японцев к классической хореографии, появились первые частные школы, где работали преимущественно русские эмигранты либо приглашенные из Советского Союза солисты Большого театра.

Одним из них был А. А. Варламов – заслуженный артист РСФСР, долгие годы выступавший на главной сцене страны, а потом занявшийся педагогической деятельностью. Он-то и стал одним из любимых наставников Курихара в частной школе русского балета в Токио, где она не только училась танцу, но и знакомилась с русской культурой, литературой и театром и сохранила этот интерес на всю свою жизнь. Ей даже довелось танцевать в кордебалете, когда в Японии гастролировали артисты Большого театра. Но в 1963 г. учеба заканчивалась, а далее перед начинающей балериной вставала дилемма: что делать дальше? Ведь в ее стране еще долгие годы отсутствовали балетные труппы, на сценах театров не шли балетные спектакли, да и японская балетная школа не имела международного признания. Так что эта ситуация заставила ее неожиданно изменить своему увлечению балетом в пользу драмы. И это решение далось ей далеко не легко, но помог буквально фантастический случай.

Потом она не раз вспоминала свою встречу с первым космонавтом СССР Ю. А. Гагариным во время его поездки в Японию в 1962 г., когда ей посчастливилось преподнести ему цветы и даже немного поговорить с этим «неземным» человеком. А суть его напутствий, высказанных тогда 17-летней девушке, заключалась в том, что надо всегда и во всем следовать своей мечте и не отступать ни перед какими сложностями. «Я исполнил свою мечту и полетел в космос, – сказал он. – Тебе надо усердно работать и когда-нибудь ты станешь балериной»².

Балет, драма и кино

Ее мечтой тогда все еще был балет, и от нее девушка не отказалась даже тогда, когда поступила в театральное училище при драматическом театре «Хайюдза», где ставили пьесы европейских авторов. А в 1966 г. вошла в его труппу. Ее талант был замечен и оценен профессионалами еще в начале ее театральной карьеры. В 1968 г. недавняя студентка получает одну из первых своих наград – премию Ассоциации режиссеров Японии за роль Ирины в телеспектакле по чеховской пьесе «Три сестры». И это стало для начинающей актрисы бессрочным пропуском в мир чеховской драмы, в котором она прожила всю свою сценическую жизнь.

² Басова О. Как сложилась судьба японской актрисы советского кинематографа – Комаки Курихара: <https://zen.ru/a/Y1kH-YvIOj5sBSUp>.

Тогда же состоялся и ее дебют в кино, после успеха которого она начинает много сниматься в кино- и телефильмах разных жанров, в том числе в криминальных драмах: «Сага о Магоити» («Сирикураэ Магоити», 1969 г.), «Мы умираем просто так» («Иноти бо фуру», 1971 г.), «Волки» («Сюсё иваи», 1971 г.) и др., снятых талантливыми режиссерами, получившими в дальнейшем большую известность. Один из фильмов – мелодрама «Любовь и смерть» («*Ai to shi*», 1971 г.) режиссера Накамура Нобору – непонятно какими путями попал в советский прокат и сделал актрису известной не только в Японии, но и в нашей стране. Сюжет картины строился вокруг любовного треугольника, все коллизии внутри которого разрешает внезапная смерть героини во время взрыва в лаборатории. И все кончается тем, что оба молодых человека, преодолев возникшую между ними из-за девушки вражду, каждый по своему с большой грустью вспоминают о своей любви к ней.

Такие фильмы в те годы японская киноиндустрия буквально штамповала на потребу публики. Да и среди советских зрителей было немало любителей японских мелодрам, которые, смахивая с глаз слезу, сопереживали героям из столь загадочной и малознакомой Японии. А если к трогательному сюжету добавить еще красиво отснятые незнакомые пейзажи, нетипичные для нас молодые лица героев, да еще и мелодичную и хорошо запоминающую музыку, то кассовый сбор нашим кинотеатрам был обеспечен. Достаточно вспомнить невероятный успех в советском прокате японской музыкальной мелодрамы «Сезон любви» («*Koi-no kisetsu*», 1969 г.), полюбившейся советской публике благодаря ставшей невероятно популярной в СССР песни в исполнении группы «The Peanuts», которую продолжают петь и в наши дни.

И тем не менее следует признать, что японское кино долгие годы все-таки оставалось «камерным направлением для узкого круга любителей» [Стоногина 2004, с. 239]. Среди десятков звездных имен японских кинематографистов вряд ли кто-то из наших зрителей мог назвать иную фамилию, нежели Куросава Акира или в лучшем случае его любимого актера Мифунэ Тосиро, долгие годы работавшего с ним, как говорится, «в одной упряжке». Как отмечал известный киновед Н. Клейман в частной беседе: «Было представление, что Куросава – одинокий гений: как гора Фудзи – также стоит Куросава, а больше никого и нет. Мы никогда не знали даже имен Идзикава

(Исикава. – Е. К.) или Кобаяси. Не только простые зрители – и специалисты не знали. Все поменялось только в 1980-е годы, в перестройку» [Там же, с. 240].

«Первой ласточкой» грядущих перемен стала Курихара Комаки, быстро ставшая самой популярной японской актрисой в СССР и в какой-то момент потеснившая даже Куросаву в пристрастиях советских людей. Впервые она посетила Москву в 1973 г., где на восьмом Московском международном кинофестивале был представлен фильм с ее участием «Ресторан Синобугава» («*Синобугава*», 1972 г.). Это была очередная мелодрама, рассказывающая о жизни двух глубоко несчастных молодых людей, обреченных никогда не быть вместе. Он – студент, весь в предчувствии скорой смерти из-за генетической болезни, унесшей из жизни еще в молодые годы почти всех членов его семьи. А она – официантка, работает в ресторане и тоже страдает от воспоминаний о своем тяжелом детстве. Из-за постоянной нужды и других трудных жизненных обстоятельств она вынуждена жить с нелюбимым, но хорошо обеспеченным человеком. Картина была снята режиссером-классиком японского кино Кумаи Кэй по повести писателя Миуры Тэцуо «Река терпения» («*Синобугава*», 1960 г.), переведенной нашим выдающимся японоведом Т. П. Григорьевой, и стала лауреатом престижнейших японских кинопремий. А исполнительница главной роли Курихара была признана в Японии лучшей актрисой года. Поэтому нет ничего удивительного в том, что фильм сразу же попал в число номинантов на главный приз за лучшую режиссуру на ММКФ.

В конечном итоге Москва тогда так и не порадовала японских кинематографистов наградами, зато наполнила их души незабываемыми впечатлениями о столице, советских людях. Курихара впервые увидела своими глазами и Красную площадь, и башни московских высоток, и переулки старого Арбата, хорошо знакомые ей по видовым открыткам, и конечно же, главную свою мечту – Большой театр, на сцене которого она в своем воображении столько раз танцевала и Одетту, и Одилию. И именно тогда у молодой актрисы возникла идея создать фильм о японской девушке из Хиросимы, приехавшей учиться в СССР. Своей мечтой она сразу же поделилась с коллегами из крупнейшей кинокомпании «Тозэй». И дело закрутилось. Почти сразу же родилось название будущей картины – «Москва, любовь моя» («*Мосукува вага аи*», 1974 г.). А дальше эту идею подхватили

и развили советские сценаристы – известный драматург Эдвард Радзинский и Александр Митта, ставший режиссером картины в содружестве со своим японским коллегой Ёсида Кэндзи. Причем сценарий писали специально под Курихару.

Как и сама актриса, героиня ленты родилась в 1945 г. и с детства мечтала о балете. Но дальше сюжет обрастал новыми поворотными моментами, связанными с появлением русского возлюбленного молодой японки – скульптора Володи, на роль которого идеально подошел голубоглазый красавец Олег Видов, и пробуждающимися в них чувствами чистой романтической любви, над которой нависла трагическая тень Хиросимы. А второй главный лейтмотив картины – это Москва во всем ее великолепии, которую открывает для себя героиня во время прогулок с любимым, а вместе с ней и мы.

Еще одна важная художественная деталь фильма – это сцены из прославленных балетов, которые исполняла сама актриса на сцене Большого театра. Конечно, ей стоило огромного труда восстановить свою некогда отличную балетную форму, но рядом с ней вновь был ее любимый учитель Варламов, который вселял в нее уверенность и помогал овладеть мастерством. А параллельно с этим Курихара не покладая рук учила русский язык, даже в мыслях не допуская возможность озвучки своих реплик другой актрисой, что не раз предлагали ей. В итоге она справилась и с этой непростой задачей и стала неплохо говорить по-русски. Митта впоследствии не раз вспоминал, как все поражались тогда трудолюбием и работоспособностью актрисы, проводящей за занятиями и репетициями по 14 часов в сутки.

Съемки шли полным ходом, фильм постепенно подходил к своему трагическому финалу, когда все прекрасное – и мечты, и надежды, и личное счастье героев – разрушает неизлечимая болезнь девушки, лейкемия, последствие атомного взрыва над Хиросимой, от которого пострадала ее мать. И тут уже не в первый раз в творчестве актрисы включается трагическая тема любви и смерти, которая никогда и никогда не может оставить равнодушным. К сожалению, на этой печальной ноте фильм заканчивается, но оставляет после просмотра добрые и светлые воспоминания о красивой, грустной и целомудренной истории любви, не знающей государственных границ.

Важно отметить, что вначале картина имела коммерческие цели и была ориентирована на массового японского зрителя. И ее создатели, сделав все для этого, в полной мере достигли своей цели:

японские кинозалы с большим восторгом рукоплескали и своей прекрасной соотечественнице, и всем создателям фильма. Но и в Советском Союзе ленту ждал не меньший успех: ее посмотрели тогда более 30 млн человек. И для большей части из них Курихара стала тем человеком, благодаря кому они в середине 1970-х гг. узнали много нового о культуре и народе Страны восходящего солнца, которая долгие годы оставалась для них чем-то загадочным и неизвестным. Одним словом, «Москва, любовь моя» стала абсолютным хитом как в СССР, так и в Японии, сделавшим Курихару звездой не только японского, но и советского экрана.

Продолжение творческих контактов с советскими кинематографистами

Но триумф Курихары в 1974 г. не ограничился только этой работой. В том же году у себя на родине она снялась еще в одном фильме Кумаи Кэя, ставшим этапным моментом в ее творчестве. Это военно-историческая драма «Публичный дом № 8» («*Сандакан Хатибан сёкан бонкё*»), демонстрировавшаяся у нас под названием «Тоска по родине». Фильм был отмечен двумя премиями Берлинского кинофестиваля и даже номинирован на «Оскар» как лучший фильм на иностранном языке, а также получил престижные японские награды. Все это работало на популярность актрисы не только у себя в стране, но и за рубежом, в том числе в СССР. На Курихару посыпались предложения о съемках не только от японских, но и от советских режиссеров, среди которых право первенства буквально завоевал молодой и талантливый кинематографист Сергей Соловьев, а его японскими партнерами стали режиссер Нисимура Киёси и кинокомпания «Тохо». Речь идет о фильме с поэтическим названием «Мелодии белой ночи» («*Бякуя-но сирабэ*», 1976 г.), рассказывающем о любви и несостоявшемся человеческом счастье двух героев – японской пианистки (Курихара Комаки), приехавшей в Ленинград, чтобы полностью погрузиться в мир столь любимой ею русской культуры, и талантливого русского композитора (Юрий Соломин), так и не посмеявшего переступить через свои моральные принципы.

По своей теме, жанру, сюжету, обилию музыки и по многим другим моментам этот фильм во многом напоминал ленту Митты. Здесь также присутствуют отзвуки трагедии Хиросимы, жертвой которой

на сей раз стал муж героини, и постоянное соприкосновение событий с миром русской культуры. В фильме каждый кадр буквально берет за живое – и волшебные белые ночи, и огромные гроздья майской сирени в каплях дождя, и туман над Финским заливом, и старинная деревянная дача как напоминание о прежней жизни, и удивительные по красоте архитектурные шедевры Ленинграда, и завораживающие виды Киото. А еще – потрясающая по своей эмоциональности музыка композитора Исаака Шварца, передающая муки и радости любви, сомнений и душевных метаний героев, которые так и не позволили себе навсегда остаться вместе. Так что фильм в итоге получился, талантливым, чрезвычайно красивым и очень трогательным, хоть и не совсем «соловьевским», как заметили тогда некоторые критики, привыкшие к любви С. Соловьева к различным необычным экспериментам и его неумейной фантазии.

Да и сам режиссер признавался впоследствии, что на сей раз ему так и не удалось воплотить в жизнь все свои задумки, а их было много. Помешали строгие регламентации, в том числе финансовые, которых педантично заставляла придерживаться японская сторона. Но на это мало кто тогда обратил внимание. Точно так же мало кто задумывался тогда еще над одной загадкой – резко возросшей популярностью советско-японских совместных фильмов в 1970-е гг. А секрет был прост. И его также раскрыл сам автор фильма в одном из своих интервью: «Решение о съемках картины было принято в начале 1970-х гг. Надо понимать, что после недолгой оттепели снова наступит зима, и мир, в том числе Япония, уже были охвачены антисоветской волной. И вот тогда появилась новая идея, суть которой сводилась к следующему: “Не надо углубляться в политические дискуссии, надо заняться налаживанием общественных и культурных связей, просто человеческого общения”. Мы – те, кто эту точку поддерживал, исходили из простой и ясной логики – все люди на Земле одинаковы. Небо для всех едино, солнце светит всем, и нет никаких изначально неразрешимых и страшных противоречий между нами, нет и не может быть. Сейчас это звучит довольно наивно, но тогда это было живым и полезным делом, давшим начало многим мощным инициативам»³.

Примечательно, что по годам выхода советско-японских совместных фильмов можно проследить чуть ли не все основные этапы

³ Вокруг ТВ: https://www.vokrug.tv/product/show/melodii_beloi_nochi/

развития отношений между нашими странами. 1970-е гг. совпали с периодом рязрядки международной напряженности. И Курихара стала олицетворением этого времени, как и совместные фильмы с ее участием. Казалось, что теперь она уже обеспечила себе постоянную «прописку» в советском кинематографе. Ее часто приглашали на крупные кинофестивали в качестве то почетной гостьи, то члена жюри, на открытие выставок или просто на мероприятия, связанные с Японией. Так, в 2006 г. она возглавила жюри четвертого Международного фестиваля кинематографических дебютов «Дух огня» в Ханты-Мансийске, на котором была отмечена премией «Золотая тайга» за вклад в киноискусство. В 2013 г. на девятом Международном кинофестивале стран Азиатско-Тихоокеанского региона «Меридианы Тихого» во Владивостоке Курихара получила специальный приз Губернатора Приморского края.

Во время одного из таких приездов Курихару Комаки по дороге буквально перехватил на несколько часов ее старинный друг – режиссер А. Митта. Узнав о том, что его любимая японская актриса будет проездом в Москве, он сразу же придумал для нее маленькую роль в своем фильме «Экипаж» (1979 г.), съемки которого как раз в это время были в полном разгаре. В этой картине советские летчики в иностранном аэропорту наблюдают за драмой вокруг захвата лайнера террористами. Одна из пассажирок выносит ребенка, отдает его спасателям, после чего возвращается на борт, где остался ее муж. У сегодняшних российских зрительниц этот эпизод вряд ли всплывет в памяти, впрочем, и сам этот замечательный фильм во многом подзабылся по прошествии стольких лет. Да и куда большей популярностью пользуется в наши дни его римейк, снятый режиссером Н. Лебедевым с использованием достижений современных технологий. Тогда же, в 1979 г., фильм Митты, ставший первой советской лентой в жанре фильма катастроф, вызвал бурю человеческих переживаний, в том числе благодаря эпизоду, где небольшую роль заложницы неожиданно для всех сыграла Курихара Комаки – любимица советской публики. Причем сыграла совершенно бесплатно. Это был ее подарок советским друзьям, которых, по словам актрисы, она приобрела много, особенно среди наших деятелей кино во время съемок в СССР и участия в российских фестивалях. В их числе были Владимир Высоцкий, Олег Табаков и др., а параллельно с этим Курихара также снималась в фильмах с участием немецких,

британских и китайских кинематографистов. Всего она сыграла более тридцати ролей.

После необычной истории со съемками фильма «Экипаж» прошло почти десять лет, и вот однажды утром Комаки получает долгожданный вызов на очередные съемки, и опять от А. Митты, который тогда приступал к работе над картиной «Шаг» (1988 г.), события которой происходили в Японии в 1959 г. Она рассказывала об эпидемии полиомиелита в этой стране и о том, как для спасения японских детей была применена советская вакцина. Комаки досталась роль японки, которая, потеряв одного сына, едет в СССР, чтобы любой ценой добыть вакцину для второго. Помочь ей пытается доктор Сергей Гусев (актер Леонид Филатов). Для достижения своей непростой цели этим людям приходится пробиваться через политические преграды, бюрократию и равнодушные чиновников обеих стран. Накал эмоций в фильме запредельный... Но в России подобные темы уже были неинтересны широкой публике. Шел 1988 г., многое изменивший в нашей стране. Теперь котирировалось больше всего то, что долгие годы было под запретом, – боевики, эротика и т. п. Так что серьезная и важная картина Митты не получила тогда должного внимания со стороны зрителей и вполне заслуженных наград со стороны профессионалов. А потом началась Перестройка, повлекшая за собой и кризисные явления в советском кино.

Возвращение в театр

Тем временем и сама Курихара стала все больше отходить от кинематографа, и от японского тоже, сосредоточив все свое внимание на театре. В разные годы на сцене «Хайюдза» она была задействована в пьесах Шекспира, Шиллера, Шоу, Чехова, Горького и др. Здесь она сыграла таких героинь, как Джульетта, Дездемона, леди Макбет, Мария Стюарт, Элиза Дулитл, Нина Заречная, Раневская, Васса Железнова и др.

Одновременно с этим, пользуясь своими широкими связями в театральных кругах Москвы, она стала приглашать для постановок на японских площадках самых известных режиссеров и актеров, среди которых были А. Эфрос, С. Юрский, О. Табаков и др. Настоящей легендой театральной истории стала ее Раневская в спектакле «Вишневый сад», который поставил в Токио в 1981 г. на сцене театра

«Тоэн» Анатолий Эфрос. Позже в одном из интервью Эфрос назвал Комаки «звездой, которую любят все в Японии», но которая «совершенно не избалована». По его словам, она обладает «особой внутренней грацией, тактом, вкусом и умом»⁴. В 1986 г. Курихара работала с Сергеем Юрским, который поставил в «Хайюдза» спектакль по пьесе С. Алешина «Тема с вариациями» о сложных отношениях между двумя мужчинами и женщиной. В театре Моссовета в Москве этот спектакль был специально поставлен для Р. Плятта и М. Тереховой, а здесь в главной роли выступила Курихара, а сама пьеса здесь стала называться «О любви».

В последние несколько лет в Японии все активнее говорят о закрытии театра «Хайюдза» из-за плохого состояния его помещений и отсутствия средств на ремонт. Не исключая, что основная причина кроется в другом – в политике отмены русского искусства, которое всегда составляло основу репертуарной политики его труппы. Но тогда, когда современная советская драматургия еще приветствовалась в этой стране, Курихара прямо заявила на одной из репетиций: «Наше обращение к советской драматургии отражает возрастающий интерес в Японии к советской культуре вообще. Ближе узнать, глубже понять друг друга – это можно поставить эпиграфом к будущей премьере»⁵.

Следуя этой своей философии, в середине 2000-х гг. Курихара, словно предвидя нынешние смутные времена, вместе со своим младшим братом создает собственный театр антрепризы, в котором показывают в основном русскую классику и прежде всего ею столь любимого Чехова, а также советскую драматургию и особенно те спектакли, что с особым успехом идут в российских театрах. И здесь она взяла на себя все возможные и невозможные функции вплоть до художника по костюмам, в чем также проявила большой талант. Конечно же, за репертуар тоже отвечает она. Один из громких проектов театра последних лет – новый спектакль по пьесе «Вишневый сад» в постановке ее брата (2017 г.). В нем актриса вновь сыграла Раневскую.

Ее труппа с русским репертуаром исколесила всю Японию, и везде японских артистов ждал большой успех, который во многом был

⁴ ИТАР ТАСС: <https://tass.ru/encyclopedia/person/kurihara-komaki>

⁵ Агафонов С. Вечная тема понятна всем. *Известия*. 17.01.1996: <https://sergeyursky.memorial/%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0-%D0%B2-%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%B8%D0%BE/>

объясним огромной популярностью у себя в стране самой Курихары. Так случилось, что даже я, работая в те годы в Японии в маленьком городке Цуруока, что в префектуре Ямагата, однажды оказалась на одном из таких спектаклей, проходивших в местном доме культуры. А потом по обыкновению был небольшой фуршет, на котором мы с Комаки снова встретились впервые за много лет, и я узнала много нового о ее жизни.

А ее жизнь уже тогда была расписана буквально по минутам, ведь вместе с напряженной гастрольной деятельностью на протяжении многих лет Комаки вела большую общественную работу. Она до сих пор является Послом доброй воли ЮНЕСКО по делам детей, занимаясь программами помощи детям Юго-Восточной Азии; входит в руководство Японо-китайской ассоциации культурного обмена, время от времени посещая Китай с миссией доброй воли. Но конечно же, основное поле ее деятельности – это движение за дружбу и культурные обмены с нашей страной. Не зря ее порой величают «культурным послом» Японии в России или России в Японии – с какой стороны посмотреть. Ведь какие бы ветра не дули в политике, Курихара Комаки никогда не предавала свою любовь к России и к друзьям, находившимся здесь, как и не отказывалась от русской культуры. Ее любят и высоко чтят в нашей стране.

Как в Москве отмечали 30-летие фильма «Москва, любовь моя»

В этом мне довелось убедиться в начале сентября 2004 г., когда известный русский танцовщик Андрис Лиэпа при поддержке созданного им международного фонда Мариса Лиэпы готовился отпраздновать в Москве 30-летие легендарного фильма о Москве, пригласив на торжество главных его героев – Курихару Комаки и Олега Видова, который уже тогда жил и работал в США. Она ответила согласием, он – отказом, сославшись на какие-то сложные обстоятельства. И этим, конечно же, всех огорчил, особенно Комаки. Она же обещала приехать и сдержала слово.

Я встречала ее тогда в еще старом международном аэропорту Шереметьево–2, и, признаюсь, не сразу узнала в большом потоке приехавших в Москву японцев – худая, слегка постаревшая, усталая, в черных очках и с волосами, спрятанными под берет, что защищало ее

от любопытных глаз. Из Шереметьево мы отправились прямо в гостиницу «Метрополь», и по дороге Комаки буквально оживала и молодела на глазах, любуясь из окна машины так хорошо знакомыми ей пейзажами. А потом, немного отдохнув, она решила прогуляться по Москве, сразу же направившись к своему любимому Большому театру. Завидев японскую знаменитость, москвичи махали ей рукой, посылали воздушные поцелуи, а те, кто был за рулем, громко приветствовали протяжными гудками.

Большой театр должен был открыть свои двери ровно через день большим гала-концертом с участием российских и японских артистов по случаю юбилея легендарной картины, а заодно планировали отметить и долгожданную встречу с любимой актрисой, и очередную годовщину Москвы в преддверии дня города. Но накануне случилась трагедия в Беслане, в связи с чем в стране был объявлен траур, и организаторы мероприятия до последнего момента не знали, состоится ли намеченное празднование в эти траурные дни. В конечном итоге только трагический финал фильма уберег гала-концерт от отмены, но у всех выступавших тогда с приветствиями на лицах была неподдельная печаль, говорить было трудно. И все ждали Курихару, и она эффектно появилась на сцене как бы прямо «из фильма» и произнесла искреннюю речь, в которой наряду с Чеховым и Достоевским упоминались бесланские события. Говоря о Беслане, Комаки искренне разрыдалась. На этом закончилась торжественная часть, и после перерыва на сцене царил классический балет.

Все было красиво, достойно и искренне. Было много цветов. И центром этого праздничного действа оказалась смущенная и растроганная Курихара, буквально не успевавшая отвечать на все приветствия и объятия. Каждый хотел не только пожать ей руку, но и пригласить на дружеский ужин, показать новый спектакль или просто поболтать в непринужденной обстановке.

Удачливее всех, как всегда, оказался С. Соловьев, который буквально выкрал нашу гостью и взял под свою опеку на целых два дня. И это было прекрасное время с обильной русской трапезой на даче, веселыми шутками и буквально непрерываемыми искрометными рассказами за столом, на что был способен, наверное, только Сергей Александрович. Все это напоминало атмосферу чеховских пьес: и прекрасный фруктовый сад, и старинная посуда, и настоящий дореволюционный клавесин. Но все это приятное времяпрепровождение неожиданно,

а может быть, вполне логично, подвело нас к обсуждению очень важной и серьезной темы. Соловьев намеревался вновь снимать Курихару в своем кино и даже придумал для этого захватывающий сюжет, а вернее, отыскал для этого подлинную историю, которая долгие годы оставалась под грифом «секретно».

Еще одна трагическая история любви

Речь шла о звезде японского экрана 1920-х – 1930-х гг. Окада Ёсико и ее печальной любовной истории, связанной с японским литератором Сугимото Рёкити – переводчиком романа Н. Островского «Как закалялась сталь» и других произведений советской литературы на японский язык. Он был коммунистом и много рассказывал своей любимой о счастливой жизни в Советском Союзе, куда они решили вместе бежать, оказавшись 3 января 1938 г. вблизи государственной границы, разделявшей южную и северную части Сахалина. Конечно же, эта поездка была специально инициирована актрисой под видом новогодних гастролей с концертами для расквартированных там частей японской армии. Наивные люди, они стремились в Москву и мечтали увидеться со Сталиным и поработать вместе с Мейерхольдом. Но своим побегом они лишь дали еще один серьезный повод для обвинения прославленного мастера в шпионаже в пользу Японии, которое уже готовилось против него органами НКВД. В итоге – расстрел. И та же участь после года допросов и пыток ждала ее возлюбленного. Ну а сама Окада на десять долгих лет была отправлена в сталинский Вятлаг. Однако это всего лишь первая и самая трагическая часть ее истории.

Вторая часть была куда более жизнеутверждающей: работа диктором на «Голосе России» Всесоюзного радио, учеба в ГИТИСе (класс Н. Охлопкова), который она окончила в возрасте 57 лет, после этого служба в театре им. Маяковского в качестве актрисы, а затем и режиссера, съемки совместного советско-японского фильма «До свидания, мальчики!», и наконец, ведение первых телемостов между Москвой и Токио в годы Перестройки, когда актрисе уже исполнилось 74 года. Правда, и это еще не все. Оказавшись на родине после долгого забвения, актриса успела сняться сразу в нескольких фильмах, заставивших вновь заговорить о ней в Японии. Но она предпочла вернуться в Москву.

Мне посчастливилось однажды встретиться с этой легендарной женщиной на Московском кинофестивале. Тогда я практически не знала ничего о ней, только то что это – в прошлом известная актриса. Меня привлекло ее лицо, спокойное, еще красивое, с явным чувством достоинства, аристократизма, а еще буквально удивило, как просто она была одета – скромная кофточка с юбкой и легкий газовый платочек на голове, повязанный на манер наших бабушек. Сидя рядом с ней на балконе уже несуществующего сейчас зала «Зарядье», мы смотрели внеконкурсную картину о японском мире кино 1920-х гг. Сюжет ленты был во многом списан с ее звездной жизни. Нетрудно представить себе что творилось в душе этой бывшей знаменитости, но она ничем не выдала своих чувств и не проронила ни слова. А уж ей было о чем рассказать, ведь ее судьба – это поистине головокружительная смесь искусства и политики, личных драм и мировых трагедий, будто хорошо выстроенная сценаристом в захватывающий сюжет.

А теперь после разговора с Соловьевым я смотрела на Комаки и понимала, как она идеально подходила для этой роли, несмотря на то что никогда ничего подобного пока еще не было в ее обширной фильмографии. И дело здесь не в прекрасных внешних данных актрисы – ее изяществе и тонкой восточной красоте, но и в прочном внутреннем стержне, что помогал и помогает ей по сей день преодолевать все те непростые обстоятельства, которые постоянно подбрасывает ей судьба. Она и сама понимала это и буквально горела желанием как можно скорее приступить к съемкам картины. Но у С. Соловьева на тот момент еще оставался незаконченным многосерийный фильм «Анна Каренина» с Татьяной Друбич в главной роли, работе над которым он посвятил многие годы своей жизни. Так что надо было ждать. И это ожидание в силу разных обстоятельств буквально превратилось в вечность, пока не прервалось неожиданной смертью режиссера в 2021 г. Для Курихары, конечно, это было огромным ударом.

Культура выше политики

А на следующий год ее ждало еще одно серьезное испытание. На волне мощного движения за отмену русской культуры, охватившего ведущие страны мира в связи с началом СВО, под угрозой закрытия

властями Японии оказался Фестиваль российской культуры, бесменным заместителем председателя оргкомитета которого, а по-существу его «основным мотором», являлась Курихара с первого дня его создания в 2006 г. Это было то, к чему она, собственно, и стремилась многие годы, ведь теперь японская аудитория получила возможность ежегодно знакомиться с российским театром, музыкой, цирком и другим искусством. И японцы уже начали привыкать к тому, что в начале очередного русского сезона они могут познакомиться с музыкальными шедеврами русского искусства, а в канун Нового года – насладиться прославленными балетами «Лебединое озеро» или «Щелкунчик» в исполнении ведущих солистов российских театров. И все, как казалось, развивалось по восходящей, но тут наступают трудные времена: происходит смена политического курса японского руководства и, более того, неожиданно трагически погибает бывший премьер Абэ Синдзо, взявший на себя обязанности лидера оргкомитета фестиваля в 2020 г.

Дело в том, что по сложившейся традиции, одобренной официальным Токио, оргкомитет всегда возглавлял один из бывших премьеров японского правительства – политических тяжеловесов, первым из которых стал Мори Ёсиро. И сам этот факт свидетельствовал о том, какое значение в Японии придавали широкой манифестации русской культуры. За прошедшие годы фестиваль охватил все 47 японских префектур, в его рамках выступило свыше 11 тыс. российских артистов, а зрительская аудитория на сегодняшний день уже превысила 23 млн. человек⁶.

В том, что фестиваль и сегодня по-прежнему успешно проводится, главная заслуга принадлежит Курихаре, которая в самый трудный и ответственный момент взяла на себя руководство этим сложным, но так необходимым народам двух стран проектом. Многие причастные к этим событиям деятели культуры признают, что она просто спасла его, поскольку именно этот ее шаг помог сохранить фестиваль. Как и планировалось, его очередной 17-й сезон открылся 29 августа 2022 г. А накануне Курихара и ее соратники обратились к японской и мировой общественности, деятелям культуры, политикам с открытым письмом, выступив за отмену

⁶ Фестиваль российской культуры в Японии с 2006 г. посетили 23 млн. человек. *ИТАР ТАСС*. 28.07.2023: <https://tass.ru/kultura/18388313>

отмены русской культуры и открыто заявив о том, что культура выше политики⁷. И надо сказать, на этот призыв откликнулись во многих странах.

В одном из интервью прошлого года перед открытием 19-го праздника русской культуры Курихара так обозначила свою позицию: «Каждый год замечательные артисты из России поражают японскую публику своим глубоким артистизмом. Я считаю, что важно продолжать проводить фестиваль, не слишком беспокоясь о масштабе проекта. Я также верю, что людям нужно искусство в трудные времена». И далее: «Музыка, балет, кино, театр: уважение японцев к русскому искусству остается неизменным, какова бы ни была ситуация. Для того, чтобы россияне поверили в нас у нас нет другого выбора, кроме, как верить в себя, что мы дружелюбны и сильны, что мы можем влиять на японские СМИ»⁸.

И действительно, оргкомитет представил в тот год чуть ли не самую интересную и насыщенную программу. Каждый год фестиваль приурочен к какому-нибудь очередному важному событию в русской культуре. В 2024 г. выступления артистов были посвящены юбилеям сразу трех деятелей русской культуры: А. С. Пушкина, М. П. Мусоргского и Н. А. Римского-Корсакова. Их произведения прозвучали со сцены во время церемонии открытия в исполнении русских и японских артистов, а потом исполнялись в течение всего года на специально посвященных им концертах. В конце мая в рамках фестиваля состоялись гастроли труппы МХТ им. А. П. Чехова, приуроченные к 125-летию тетра и 120-летию со дня смерти Чехова. Они познакомили японских зрителей со знаменитой постановкой повести «Дуэль». А вслед за этим началось празднование в Японии 100-летия киностудии «Мосфильм», в связи с чем японцы узнали много нового о российском кино.

В этом году фестиваль выглядит и вовсе особенным. Это его 20-й по счету юбилейный сезон, его открытие совпало с юбилеем Курихары Комаки, которая в этом году выступила уже в качестве председателя оргкомитета с японской стороны. И время для этого было

⁷ Швыдкой М. (2022). Отмена отмены: культура выше политики, считают знаменитые японцы накануне 17-го Фестиваля российской культуры. *RGRU* 14.06.2022: <https://rg.ru/2022/06/14/otmena-otmeny.html>

⁸ Актриса Курихара считает важным сохранить фестиваль культуры РФ в Японии в любом масштабе. *ИТАР ТАСС*. 22.04.2024.: <https://tass.ru/kultura/20610689>

выбрано самое красивое: начало цветения сакуры. И это не может не вселять самых светлых и радужных надежд на то, что «культура победит хаос мира»⁹. Эти слова взяты из интервью Михаила Швыдкого – сопредседателя оргкомитета фестиваля с российской стороны. Ему же принадлежит и следующая мысль: «Фестиваль русской культуры, так же как и Японская осень в России, были символом сохранения гуманитарных связей, необходимость в которых острее всего ощущалась в пору осложнения политических контактов»¹⁰.

К большому сожалению, в наши дни российско-японские отношения близки к градусу замерзания, но остается надежда, что культура станет основой для их возрождения. Во всяком случае, так уже не однажды случалось в нашей совместной истории.

Вместо заключения

В этом году Курихара Комаки исполнилось 80 лет. И тут невольно приходит на память известная реплика К. С. Станиславского: «Не верю!», которая, думаю, необычайно уместна в данном случае. Разговор о возрасте никак не касается этой моложавой и по-прежнему обаятельной женщины, находящейся в прекрасной форме и полной творческих сил. В 2009 г. актриса была награждена российским Орденом Дружбы «за большой вклад в развитие дружественных отношений и укрепление культурных связей между Российской Федерацией и Японией». Боюсь ошибиться, но, по-моему, она – единственная женщина среди японских обладателей этой высокой российской награды и, безусловно, заслужила ее за все, что она сделала для наших народов в те годы. Ну а сегодня слова президентского указа приобретают особый смысл в связи с той самоотверженной работой, которую проводит Курихара по продвижению русской культуры в Японии в исключительно сложных условиях, когда культурные связи стали чуть ли не единственным каналом нашего двустороннего общения.

⁹ Швыдкой М. (2025). История XX века не раз доказывала, что культура не предохраняет целые народы от погружения в бездну варварства. *ПСМД*. 22.04.2025: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/istoriya-khkh-veka-ne-raz-dokazyvala-chto-kultura-ne-predokhranyaet-tselye-narody-ot-pogruzheniya-v-/?sphrase_id=219518443

¹⁰ Швыдкой М. (2022). Отмена отмены...: <https://rg.ru/2022/06/14/otmena-otmeny.html>

А что с ее творчеством? – спросите вы и, наверное, удивитесь тому, что ее театр продолжает работать, что она по-прежнему выходит на сцену и сама ставит спектакли. Одной из последних ее работ стала инсценировка романа Л. Н.Толстого «Анна Каренина», и главная роль, конечно же, принадлежит ей. А другой ее любимый моноспектакль посвящен Эдит Пиаф. Вот уже несколько лет актриса выходит на сцену, повествуя о нелегкой судьбе легенды французской песни. Осенью этого года вся ее труппа планирует вновь отправиться на гастроли по району Тохоку. И, наверное, опять они заедут в столь близкий моему сердцу город Цуруока, где мы с ней когда-то случайно встретились. Так что творческая жизнь Комаки не останавливается ни на минуту.

Последний раз мы с ней виделись в конце сентября этого года. А когда я уже приступила к написанию этой статьи, не стало выдающегося российского режиссера А. Митты – большого друга и, можно сказать, творческого соратника Курихары, который снял ее в трех своих фильмах. И я подумала, что, наверное, об этом надо поскорее сообщить Комаки, но потом долго не решалась на это, боясь огорчить ее столь нерадостным известием. И все-таки, по моей просьбе, наш общий знакомый, находящийся сейчас в Токио, дозвонился до нее и сразу понял, что она уже знала о случившемся. Российские журналисты целый день звонили ей из Москвы с просьбами об интервью по этому печальному поводу. И она с душевной болью и грустью отвечала на их вопросы, все больше погружаясь в ту удивительную атмосферу 1970-х гг., когда снимался фильм «Москва, любовь моя». Этому замечательному фильму в прошлом году исполнилось уже полвека.

Сегодня Курихара Комаки уже не столь частый гость нашей столицы, но всегда желанный. И она по-прежнему любит Москву, которая подарила ей так много добрых друзей и встречу с русской культурой, которая всегда ассоциируется у нее с самой Россией.

Библиографический список

Катасонова Е. Л. (2020). *Новое японское кино. В споре с классикой экрана*. – Москва: ИВ РАН.

Стоногина Ю. Б. (2004). Культурные связи России и Японии в постсоветский период. *Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии*. – Москва: ИВ РАН. С. 236–256.

References

Katasonova, E. L. (2020). *Novoe yaponskoe kino: v spore s klassikoi ekrana* [New Japanese Cinema: In Dispute With Classics of the Screen]. Moscow: Insitiute of Oriental Studies, RAS. (In Russian).

Stonogina, Yu. B. (2004). Kul'turnyye svyazi Rossii i Yaponii v postsovetiskii period [Cultural Ties Between Russia and Japan in the Post-Soviet Period]. In *Rossiya i Yaponiya: sosedii v novom tysyacheletii* [Russia and Japan: Neighbors in the New Millennium] (pp. 236–256). Moscow: Insitiute of Oriental Studies, RAS. (In Russian).

Ежегодник Японии 2025. Т. 54. С. 290–322

Yearbook Japan 2025. Vol. 54, pp. 290–322

DOI: 10.55105/2687-1440-2025-54-290-322

Кукай о многообразии живых существ: разделы из «Трактата о десяти ступенях разума тайной мандалы»

Перевод и примечания М. В. Оськина

Аннотация

Во втором свитке «Трактата о десяти ступенях разума тайной мандалы», компендиума буддийской философии, Кукай (774–835) обсуждает низшую из стадий духовного совершенства, выделяя отсутствие у находящихся на ней существ любых правильных взглядов и стремления к благу в качестве главенствующего свойства их разума. Большая часть свитка отводится вопросам космологии, в том числе различным классам обитателей мира, образ жизни которых основывается на неблагих путях деяний, в результате которых страдание ощущается особенно остро.

Ключевые слова: «Десять ступеней разума», буддийская космология, классификация существ

Автор

Оськин Максим Викторович, студент магистратуры Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, 105066, Старая Басманная ул., 21/4.

E-mail: o.maksim2001@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Kukai on the Diversity of Living Beings (Sections from the *Treatise on Ten Stages of Mind of Secret Mandala*)

Translation and Notes by M. V. Os'kin

Abstract

In the second scroll of his *Treatise on Ten Stages of Mind of Secret Mandala*, a Buddhist philosophy compendium, Kukai discusses the lowest level of spiritual progress highlighting the absence of right seeing and inclination towards the wholesome among the beings of this stage as the dominating trait of their mind. The scroll is largely concerned with the cosmological issues including the various classes of living beings whose way of life is based on unwholesome courses of action, as a result of which the sense of suffering is particularly heightened.

Keywords: Ten Stages of Mind, Buddhist cosmology, classification of living beings.

Author

Os'kin Maksim V., HSE University, 21/4, Staraya Basmannaya st., Moscow, Russian Federation, 105066.

E-mail: o.maksim2001@yandex.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

«Трактат о десяти ступенях разума тайной мандалы» (祕密漫荼羅十住心論 кит. *Ми ми маньтуло ши чжу синь лунь*, яп. *Химицу мандара дзюдзюсинрон*) является последним и самым длинным сочинением Кукай 空海, составленным в 830 г. по велению императора Дзюнна 淳和. «Десять ступеней» представляют собой подробный тематический компендиум, в значительной степени имеющий формат антологии буддийской литературы, в которой описаны различные учения и соответствующие им ступени духовного совершенства.

Начало первого свитка Кукай уделяет предисловию, в котором излагает замысел своего сочинения, а также вопросам буддийской космологии [Оськин 2025]. После этого он поднимает тему видов живых существ, располагающихся на низшей ступени разума.

Давая характеристику «обычным людям и животным», Кукай проводит главную мысль: такие существа не знают природы реальности, не могут покинуть круга перерождений, творят зло и по этой причине нередко впадают в состояние *иччхантики* – того, кто отсек «корни благого» (*kuśalamūla*) и стремится исключительно к сансарическому существованию, а также оскорбляет буддизм махаяны и клеветает на него [Brown 1991, p. 70]. Кукай подтверждает свою позицию цитатой из «*Махавайрочана-сутры*», одного из главных текстов буддийской тантры, где также говорится об отсутствии правильного видения природы реальности как источнике привязанности к «самости» и, следовательно, к материальному существованию.

Подобный взгляд не является сугубо тантрическим и мог бы быть проиллюстрирован цитатой из другого текста, но именно «*Махавайрочана-сутра*» выбрана для цитирования из-за ее важности внутри восточноазиатской тантрической традиции. Апелляция к авторитету продолжается цитатой из важного «Комментария на Махавайрочана-абхисамбодхи-сутру» (кит. 大毘盧遮那成佛經疏 «*Да Пилучжэна чэн фо цзин шу*»), составленного Шубхакарасимхой (кит. 善無畏 Шань Увэй) и Исином 一行, причем внутри этой цитаты содержится еще одна цитата – из приписываемой Нагарджуне «*Махапраджняпарамитопадеша*» (кит. 大智度論 «*Да чжи ду лунь*»). В процитированном отрывке говорится о том, что Будда начинает объяснение видов разума с низшего, чем Кукай обосновывает свою концепцию десяти ступеней, а вложенная цитата еще раз повторяет положение о неправильном взгляде на мир. Приведя цитату, Кукай перефразирует тезис о ложности идеи «я» (*ātman*) и о необходимости добиваться правильного видения реальности, чем люди не занимаются, предпочитая искать лишь блага материального мира и тем самым уподобляясь животным.

Ведя такое существование, люди совершают десять неблагих деяний (*akuśalakarmapatha*, 惡業, кит. э е, яп. *акугэ:*) и испытывают закономерные неblaгие последствия в виде разного рода страданий в одном из пяти видов рождений (*gati*, 趣, кит. *цуй*, яп. *сю*). Из названных пяти видов «голодные духи», *преты*, «узники ада», *нараки*, и животные относятся к трем неблагим (*durgati*, 三趣, кит. *сань цуй*, яп. *сансю*), а люди и боги традиционно считаются двумя благами (*sugati*, 二趣, кит. эр *цуй*, яп. *нисю*), однако Кукай характеризует последние два как виды рождения со смешанными кармическими

свойствами, в которых совершаются и благие, и неблагие деяния с соответствующими последствиями.

Основываясь на двух значимых сочинениях поздней сарваствивады «*Абхидхармакошабхашье*» и «*Ньяянусаре*», Кукай выделяет пять видов живых существ и двадцать мест обитаний Сферы желаний. Кукай называет шесть характеристик сферы живых существ: ее элементы могут быть кармически благими, загрязненными (*kliṣṭa*, 染 *жит. жань*, *яп. сэн*), то есть подверженными притоку ментальных аффектов (*kleśa*) и, следовательно, неблагими, а также неопределенными (*avyākṛta*, 無記 *жит. у цзи*, *яп. муки*), то есть такими, чье кармическое следствие невозможно охарактеризовать как благое или неблагое. Помимо деления по кармическим свойствам Кукай разделяет сферу существования на мир живых существ, мир неодушевленный (*asattvākhya*, 無情, *жит. у цин*, *яп. мудзё*) и промежуточное состояние между перерождениями (*antarābhava*, 中有, *жит. чжун ю*, *яп. тю:ю:*). Далее Кукай характеризует формы существования как беспрепятственно-неопределенные (*anivṛtāvyākṛta*, 無覆無記, *жит. у фу у цзи*, *яп. муфуку муки*). Это утверждение повторяет позицию школы сарваствивада, согласно которой форма существования является созреванием (*vipāka*) плода кармы, которое сарваствивада рассматривает как беспрепятственно-неопределенное, то есть не препятствующее продвижению к духовной цели и не дающее кармического плода [Рудой, Островская 2001, с. 78; Dhammajoti 2015, p. 47].

Далее Кукай описывает виды живых существ в том порядке, в каком они рассмотрены в изобилующей космологическими деталями «*Саддхарма-смиртьюнастхана-сутре*», начиная с обитателей ада. Цитируя «*Ньяянусару*», Кукай приводит стандартный список шестнадцати адов, после чего, цитируя главу из «*Саддхарма-смиртьюнастхана-сутры*», описывает причины перерождения в каждом из восьми горячих адов, но опускает перечисленные в сутре сто двадцать восемь малых адов.

Следующими обсуждаются *преты*. Кукай приводит цитаты, согласно которым *преты* обитают в царстве Ямы, правителя ада, которое расположено за опоясывающей мир горной цепью Чакравадой или под южным континентом Джамбудвипой. Под *претами* Кукай понимает не только голодных духов, страдающих из-за былой скупости, но и таких персонажей индийской мифологии, как *якиши*, *ракишасы* и *кумбханды*. Затем Кукай перечисляет причины, которые, согласно «*Саддхарма-*

смритьюнапастхана-сутре», приводят к рождению среди восьми категорий *прет* (всего в сутре говорится о тридцати шести категориях).

Наконец, Кукай переходит к описанию животных. В буддизме животным даются разные оценки: они могут проявлять веру в Будду, совершать благие деяния (что нередко используется в джатаках для того, чтобы подчеркнуть, сколь далекими от Дхармы могут быть люди); подробнее см.: [Ohnuma 2017].

Однако, согласно стандартной точке зрения, животные постоянно испытывают всевозможные мучения и не способны к духовному совершенствованию. В «*Саддхарма-смритьюнапастхана-сутре*» акцентируется именно это свойство жизней животных, и таким же образом акценты расставляет Кукай. В сутре животные классифицируются по особенностям их поведения, способу рождения, питанию и месту обитания, приводится перечень деяний, приводящих к рождению среди животных той или иной категории. Кукай приводит классификации по поведению и способу рождения. Затем Кукай дает описания *нагов* и *асур*, которые здесь также относятся к категории животных. Полулюди-полузмеи *наги* обитают в подводном городе и делятся на следующих Дхарме и не следующих ей. Обе группы оказывают на мир воздействие в виде метеорологических явлений, приносящих пользу или вред. Чье влияние берет верх, зависит от того, насколько следуют Дхарме люди. *Асуры*, причисляемые к животным, обитают в подводных городах и делятся на четыре вида. Раху, один из их царей, постоянно, но с переменным успехом, ведет борьбу с богами, ход ее, как и в случае с *нагами*, зависит от того, как люди следуют Дхарме. Борьбу Раху с богами сутра и Кукай представляют как причину солнечного и лунного затмений: люди считают такие явления знамениями, но с буддийской точки зрения затмения таковыми не являются. После этого Кукай перечисляет причины перерождения среди четырех видов *асур*.

Богов Кукай пропускает, так как описание этого вида рождения, а также поклонения богам приводится в третьем свитке трактата, и переходит к людям. Характеристика людей заключается в двух аспектах: неблагие деяния и виды неправильных представлений. Описание неблагих деяний является неатрибутированной цитатой из «Жемчужной рощи сада Дхармы» (кит. 法苑珠林 «*Фа юань чжу линь*»), китайской буддийской энциклопедии, составленной Даоши 道世 в 660-е гг. Длинной в сто цзюаней, «Роща» освещает множество тем, связанных с буддийским учением, ритуалом и жизнью сангхи, буддийской общины,

приводя цитаты, в том числе из ныне утраченных текстов [Teiser 1985]. Цитируемый Кукаем пассаж дает обзор стандартного перечня десяти неблагих деяний по одной схеме: Даоши описывает последствия каждого деяния и иллюстрирует его цитатой из посвященной пути бодхисаттвы и его десяти ступеням «*Дашабхумика-сутры*». В трех случаях цитируется история встречи ученика Будды Маудгальяны с *премами* из «*Сутры разнообразного собрания*» (кит. 雜藏經 «*Цза цзан цзин*»), а затем объясняются причины получения тех или иных кармических плодов. Даоши при этом не просто перечисляет десять неблагих деяний, а выстраивает из них причинную цепь: совершение одного вида деяний приводит к совершению следующего.

Годы жизни Кукая, как и последующие несколько веков, были временем распространения буддизма среди представителей всех слоев японского общества. Содержащиеся в первом свитке систематизации дают представление о том, какого рода картина мира складывалась в умах японцев указанного периода благодаря значительному влиянию буддизма на их мировоззрение.

Перевод выполнен с оригинального текста на классическом китайском языке по версии издания ТСД 77, № 2425, 304a5 – 313c27.

Сокращения

ТСД – *Тайсё: синсю: дайдо:кё*: [Большое собрание сутр, заново составленное в годы Тайсё:]. <https://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/index.html>

Библиографический список

Оськин М. В. (2025). Тракта́т Кука́я «Де́сять ступе́ней созна́ния»: уче́ние об устройстве мира. *Вопросы Философии*. № 10. С. 146–162.

Рудой В. И., Островская Е. П. (2001). *Васубандху. Энциклопедия Абхидхармы, или Абхидхармакоша. Раздел III. Лока-нирдеша, или Учение о мире. Раздел IV. Карма-нирдеша, или Учение о карме*. Москва: Ладомир.

References

Os'kin, M.V. (2025). Traktat Kukaya «Desyat' stupenei soznaniya»: uchenie ob ustroistve mira [Kukai's treatise "Ten stages of mind": exposition of cosmology]. *Voprosy filosofii*, 10 (2025), 146–162 (In Russian).

Rudoï, V. I. & Ostrovskaya, E. P. (2001). *Vasubandhu. Entsiklopedia Abhidharmy, ili Abhidharmakosha. Razdel III. Loka-nirdeśa, ili Uchenie o mire. Razdel IV. Karma-nirdeśa, ili Uchenia or karme.* [Vasubandhu. Encyclopedia of Abhidharma or Abhidharmakośa. Part III. Karma-nirdeśa or Exposition of karma. Part IV. Loka-nirdeśa or Exposition of the world]. Moscow: Ladomir. (In Russian).

Brown, E. B. (1991). *The Buddha Nature: A Study of the Tathāgatagarbha and Ālayavijñāna.* Delhi: Motilal Banarsidass.

Dhammajoti, K. L. (2015). *Sarvāstivāda Abhidharma.* Hong Kong: The Buddha-Dharma Centre of Hong Kong.

Ohnuma, R. (2017). *Unfortunate Destiny: Animals in the Indian Buddhist Imagination.* Oxford: Oxford University Press.

Teiser, S. F. (1985). T'ang Buddhist Encyclopedias: An Introduction to Fa-yüan chu-lin and Chu-ching yao-chi. *Tang Studies*, 3, 109–128.

Десять ступеней разума тайной мандалы

Кукай

Свиток первый. Ступень разума обычных людей и животных [Виды живых существ]

...Далее объясняю пять видов существования. Пять видов живых существ распространены по трем сферам. В «Ньяянусаре» сказано: «Нараки и остальные – все четыре низших вида существования». Принадлежащие к богам называются шестью видами богов Сферы Желаний. Мир-вместилище и живые существа вместе называются Сферой Желаний. Эта сфера желаний «всего имеет двадцать местопребываний. Адов, континентов и иного – двадцать. Восемь великих адов называются разными адами». Здесь же и четыре великих континента [Оськин 2025]. «В эти двадцать входят шесть богов Сферы Желаний, преты и животные, они составляют двадцать местопребываний... Таким образом, сфера живых существ простирается от неба Паранирмитавашавартин до ада Авичи, а с миром-вместилищем доходит до круга ветра. Это все входит в состав Сферы Желаний¹».

В трех сферах есть пять видов живых существ. Четыре формы существования присутствуют только в Сфере Желаний. В каждой

¹ ТСД 29, № 1562, 456a25 – b8.

из трех сфер есть боги. Отчего становятся этими пятью, каковы их тела и названия? Ранее указанные *нараки*, животные, *преты*, а также люди и боги называются пятью видами существования. Благая, загрязненная, неопределенная, живая, неживая и промежуточная – все это природы сфер. Формы существования всего лишь принадлежат к беспрепятственно неопределенным. Это относится только к живым существам и не относится к промежуточному существованию. Что касается разбора пяти названий, то '*нара*' означает «человек», а '*ка*' означает «творить неблагое»². Люди, совершающие много неблагого, падут в ады, область *нарак*. От этого и произошло название '*нарака*'. Название «животные» ранее передавалось [знаками] 'выращивать' и 'жить'³. У этого вида существ по большей части тела расположены горизонтально [относительно земли], также их видов много, и много у них глупости, потому их название передаётся [знаками] 'сторона' и 'жить'⁴. *Претами* называются те, кто всю жизнь любил воровать чужое имущество, был алчным, а также был очень труслив. На вид они худы, истощены, тела их легки, разум беспокоен. Поэтому они называются *претами*. Люди много мыслят. У богов изобильны сияние и силы. Формы существования низших и высших сфер являются причиной загрязненных и благих форм существования. Из разделения при загрязнении происходят десять неблагих деяний. В «*Саддхарма-смритьюпастахана-сутре*» говорится сначала об адах, потом о *претах* и наконец о животных. Полагаясь на этот текст, выстрою последовательность.

Сначала объясню адскую форму существования. Строфы о двадцати великих горячих и холодных адах:

Где находятся ады?
 Кто созерцает собственный разум?
 Дважды восемь великих зол для людей.
 В горячих и холодных адах нет проникновения веры.
Нараки варятся, подобно рыбе и птице.
 В каком году окончится поджаривание?
 Ножи и мечи подобны каплям дождя.
 Нескоро закончатся рассечение и разрезание.

² Этимология слова *нарака* неясна.

³ 畜生

⁴ 傍生

При прегрешениях в трех видах деяний
После смерти во множестве накопятся страдания.
Не должно легкомысленно осуществлять деяния тела и речи,
Действовать, навлекая на себя холод и жар.

Объясняю. Про ады в «Ньянусаре» сказано: «Под Джамбудвипой на глубине двадцати тысяч *йоджан*⁵ находится Авичи... его высота и ширина такие же, как указанные выше, то есть по двадцать тысяч *йоджан* каждая, следовательно, до его дна – сорок тысяч *йоджан*... Остальные семь адов расположена над Авичи... Каковы эти семь: первый – Пратапана, второй – Тапана, третий – Махараурава, четвертый – Раурава, пятый – Сангхата, шестой – Каласутра, седьмой – Санджива⁶... У каждого из восьми адов есть шестнадцать дополнительных... За каждым из так называемых четырех врат есть по четыре дополнительных ада. В связи с тем, что не у всех них названия различаются, указываю лишь их обязательное число⁷.

Холодных адов также восемь... Первый – Арбуда, второй – Нирарбуда, третий – Атата, четвертый – Хахава, пятый – Хухува, шестой – Утпала, седьмой – Падма, восьмой – Махападма. Находящиеся здесь живые существа испытывают ужасный холод. В соответствии с звуками, увечьями и изменениями тел появляются представления об их названиях. Они называются по два, три и три, в таком порядке⁸. Эти холодные ады находятся в самом сокрытом месте за окружающей четыре континента Чакравадой⁹... Часто из-за клеветы на благородные существа навлекают на себя подобный плод страдания. Есть объяснение, что во всех таких случаях пребывают в горячих адах¹⁰... Остальные сторонние ады часто обусловлены двумя или одним особыми действиями. Некоторые находятся вблизи рек, в горах, пустынях, а некоторые находятся в местах под землей¹¹. В трех адах – Авичи,

⁵ От 6 до 16 км.

⁶ ТСД 29, № 1562, 516a26 – b12.

⁷ ТСД 29, № 1562, 516b28–29.

⁸ Арбуда и Нирарбуда названы по холодовой аллергии, Атата, Хахава и Хухува – по голосам мерзнувших, Утпала, Падма и Махападма – по трескающейся в виде лотосов коже *нарак*.

⁹ ТСД 29, № 1562, 517a14–19.

¹⁰ ТСД 29, № 1562, 517a22–23.

¹¹ Пример таких «отдельных» (*prādeśika*) адов см. в «Сангхаракишита-авадане». В Японии некоторые горы, например горы Татэяма в провинции Эттю, стали идентифицироваться как порталы в подобного рода ады.

Пратапане и Тапане – нет надзора стражей ада. В трех – Махараураве, Раураве и Сангхате – стражей ада меньше, так как посланцы Ямараджи время от времени прибывают, обходят и осматривают. Разного рода живые и неживые стражи ада осуществляют надзор, поэтому они карают за грехи живые существа¹²... Во всех адах форме тел [обитателей свойственно] вертикальное [положение]. Вначале речь такая же, как у благородных, затем постепенно изменяется». ¹³ Согласно «Саддхарма-смиртьюнастхана-сутре», все шестнадцать окружающих адов имеют разные названия. Если совершают легкие деяния, то рождаются в дополнительных адах. Если исключительно тяжкие деяния – рождаются в основных. Это лишь краткое объяснение восьми великих адов.

Высказывания о причинах и плодах восьми горячих адов:

- В Сандживу – за убийство добродетельных людей.
- В Каласутру – за многие деяния воровства.
- В Сангхату – за три неблагих деяния тела.
- В Раураву – за убийство, воровство, неверные взгляды и пьянство.
- В Махараураву – за неблагие деяния пяти видов.
- В Тапану – из-за деяний шести видов.
- В Пратапану – из-за деяния семи неблагих.
- В Авичи – из-за пяти непрощаемых грехов.

Объясняю. Про Сандживу в «Саддхарма-смиртьюнастхана-сутре» сказано, что если некто убивает добродетельных людей, принявших обеты и осуществляющих благое, с радостью прибегает к этому, увеличивает деяния, привыкает к ним, доводит до конца, то, когда его жизненные способности уже иссякли, а в разуме не появилось раскаяние, он падет в ад Сандживу. Пятьсот лет Четырех Махараджей¹⁴ там составляют одни сутки. Эти дни складываются в месяцы, они в годы, а срок жизни составляет пятьсот лет. (Берем эти сутки. Тридцать суток составляют месяц, двенадцать месяцев составляют год. Срок жизни – пятьсот лет. Про дальнейшие соседние ады в «Саддхарма-смиртьюнастхана-сутре» указано так же. Измеряемые сутки там такие же.)

¹² ТСД 29, № 1562, 517a25 – b2.

¹³ ТСД 29, № 1562, 517b10–11.

¹⁴ 9 миллионов лет

Что касается ада Каласутра, то если человек убивает живые существа и похищает имущество добродетельного человека, принявшего обеты и осуществляющего благое, с радостью прибегая к этому, увеличивает деяния, украв, сбегает к себе, и если в разуме не появилось раскаяние, то он падет в ад Каласутру. Тысяча лет продолжительности жизни на небе Траястримшп¹⁵ там составляют одни сутки. Эти дни складываются в месяцы, они – в годы, а срок жизни составляет тысячу лет.

Что касается ада Сангхата, то если человек убивает живые существа, ворует и прелюбодействует, с радостью прибегая к этому, увеличивает деяния, привыкая и доводя до конца, и если человек прелюбодействует с женой почитаемого, то падет в ад Сангхату. Две тысячи лет на небе Ямы¹⁶ там составляют одни сутки. Эти дни складываются в месяцы, они – в годы, а срок жизни составляет две тысячи лет.

Что касается ада Раурава, то если человек убивает живые существа, ворует, прелюбодействует и пьянствует, с радостью прибегая к этому, увеличивает деяния, дает алкоголь монахам сангхи, которые приняли обеты, и практикующим сосредоточение, то его разум замутнен и он падет в ад Раураву. Четыре тысячи лет на небе Тушита¹⁷ там составляют одни сутки. Эти дни складываются в месяцы, они – в годы, а срок жизни составляет четыре тысячи лет.

Что касается Махарауравы, то если человек убивает живые существа, ворует, прелюбодействует, пьянствует и лжет, с радостью прибегая к этому, увеличивает деяния, и если правитель и его окружение называют кого-то честным, но в споре двух сторон он не говорит истины, то лишится имущества, утратит жизнь и падет в ад Махараурава. Восемь тысяч лет на небе Нирманарати¹⁸ составляют там одни сутки. Эти дни складываются в месяцы, они – в годы, а срок жизни составляет восемь тысяч лет.

Что касается Тапаны, то если человек совершает тяжкие убийства, ворует, прелюбодействует, пьянствует, лжет и к тому же имеет неверные взгляды, с радостью прибегая к этому, увеличивает деяния, учит других людей не быть щедрыми, не обладать равным восприятием, а также отсутствию последствий благого и неблагого, то падет в ад

¹⁵ 36 миллионов лет

¹⁶ 144 миллиона лет

¹⁷ 576 миллионов лет

¹⁸ 2 миллиарда 304 миллионов лет

Тапана. Шестнадцать тысяч лет на небе Паранирмитавашавартин¹⁹ составляют там одни сутки. Эти дни складываются в месяцы, они – в годы, а срок жизни составляет шестнадцать тысяч лет.

Что касается Пратапаны, то если некто убивает, ворует, прелюбодействует, пьянствует, лжет и к тому же обладает неверными взглядами, часто прибегая к этому, увеличивая деяния, заставляет принадлежащих к соблюдающим обеты и ведущим чистую жизнь молодых людей и хороших монахинь, еще не нарушавших обеты, оступиться и говорит об отсутствии греха и блага, то падет в ад Пратапану. Срок жизни составляет половину промежуточной *кальпы*.

Что касается ада Авичи, то если человек с отягощенным разумом убьет мать, или убьет отца или прольет кровь будды или вызовет раскол в сангхе, или убьет архата, то падет в ад Авичи. В зависимости от содеянных непростительных грехов – от одного до пяти – длительность будет от одного срока до пяти, страдания от однократных до пятикратных. Срок жизни составляет одну промежуточную *кальпу*.

Далее объясняю форму существования *прет*. Строфы о форме существования *прет*:

Будучи жадными, они не делились имуществом.
Это предопределило получение ими голодающих тел.
Соплей и слюны у них не бывает.
Когда они подходят к реке, возгорается пламя.
В прошлые годы они могли придираться к внешности других.
Они крайне истощены и их лица подобны пеплу.
Ныне они холодны и подобны иссохшим деревьям.
Словно летящие листья, они вызывают жалость.
Родственники перестали справляться о них.
В одиночестве рыдают на могилах.
Делясь немногим и отрезая сладкое,
Умиrotворяя, облегчаете их мучения.

Объясняю. Про местопребывание *претов* в «Сутре о Возникновении Мира» сказано: «К югу от Джамбудвипы за Чакравадой находится обитель – дворец Яма-раджи. В ширину он ровно шесть тысяч

¹⁹ 9 миллиардов 216 миллионов лет

йоджан... состоит из семи драгоценностей»²⁰. В саду есть ряды деревьев, их цветы и плоды прекрасны. Многочисленные птицы гармонично поют. Так как это плод неблагого, то в шестой час появляется расплавленная красная бронза. Все дворцы полностью сменяются железными колодками. Раскрывают рот царю и вливают бронзу. Она постепенно прожигает рот и выливается снизу. Он главенствует над всеми *претами* и наказывает грешных людей. В «*Ньяянусаре*» сказано: «Все *преты* изначально обитают в царстве Ямы. Оттуда они распространились в другие места. Прямо под южной частью Джамбудви-пы, на глубине пятисот *йоджан* находится столица Ямы (это имя означает Удерживающий). В ширину она такова же.

Есть три вида *прет*. Они называются: не имеющие средств, с малыми средствами и с многочисленными средствами»²¹. Каждый из трех делится на три, так получается девять видов. *Преты* с большой силой называются *якшами*, *ракшасами* и *кумбхандами*. Богатство и радость, которыми они обладают, такие же, как у богов. Некоторые полагаются на деревья и леса, некоторые полагаются на храмы, некоторые живут в горах и долинах, некоторые обитают в пространстве. *Претам* по большей части свойственно прямохождение. В период начала *кальпы* они все имеют тот же язык, что и благородные. Затем в зависимости от места обитания языки становятся разными.

У *прет* один месяц людей составляет один день. Они складываются в месяцы и года, а срок жизни составляет пятьсот лет. В «*Саддхарма-смритьюпастьхана-сутре*» сказано: «Те, кто в царстве *прет*, живут в пяти сотнях *йоджан* под Джамбудви-пой на пространстве в тридцать шесть тысяч *йоджан*»²². «Существует тридцать шесть видов. Рождение *претой* всегда обусловлено жадностью и завистью. Из-за различных разумов осуществляются различные деяния»²³. Голод и жажда огнем обжигают их тела. Десять их лет для людей составляют одни сутки, а срок жизни составляет пятьсот лет. Далее другим образом кратко объясню восемь видов. (Однако в двух сутрах, в «*Йогачараб-хуми*» и в «*Ньяянусаре*» имеется много различий. Дальнейшее полагается только на «*Саддхарма-смритьюпастьхана-сутру*»).

²⁰ ТСД 1, № 24, 330b9, b12.

²¹ ТСД 29, № 1562, 517b11–14.

²² ТСД 17, № 721, 92a18–19.

²³ ТСД 17, № 721, 92a22–23.

Высказывания о *претах*:

Все тридцать шесть видов *прет*

Рождаются из-за деяний, вызванных жадностью и завистью.

Один месяц для людей составляет один их день.

Дни складываются в их месяцы и годы, а жизнь длится пятьсот лет.

Сучимукхи из жадности и зависти за плату убивали людей.

Ванташины — это женщины, что из-за заблуждений и зависти, ели [чужое].

Пуришахары испытывали чувство жадности и давали другим испорченную еду.

Нирахары несправедливо обходились с людьми, заточали и лишали еды.

Панияхары делали серое вино и не практиковали щедрость.

Нишипраджвалитагатры воровали имущество и подносили его правителям и советникам.

Камарупины следовали развратной дхарме и совершали дарение, будучи нечистыми.

Маракаики называли неверную дхарму высшей истинной.

Объясняю. Что касается *сучимукх*²⁴, то если за плату нанимают людей и посылают их совершить убийство, если муж посылает жену подать милостыню подвижникам, и эта женщина, испытывая чувство жадности, в действительности говорит им, будто у нее ничего нет, то такие люди падут в состояние *сучимукх*. Срок жизни — как указано выше.

Что касается *ванташин*²⁵, то если женщина, обманывая мужа, сама съедает прекрасную пищу, или у некоторых замужних женщин нет различий в разуме, так что у них возникают завистливые мысли и они в одиночку съедают вкусное, то они падут в состояние *ванташин*. Срок жизни — как указано выше.

Что касается *пуришахар*²⁶, то если люди из жадности и зависти дают нечистую пищу подвижникам, а те по неведению съедают ее, то падут в состояния *пуришахар*. Срок жизни — как указано выше.

²⁴ «Со ртом тонким, как игла».

²⁵ «Питающиеся рвотой».

²⁶ «Питающиеся экскрементами».

Что касается *нирахар*²⁷, то если люди из жадности и зависти, полагаясь на свою силу, обманывают добродетельных, заточают их в тюрьмы и лишают еды, то падут в состояния *нирахар*. Срок жизни – как указано выше.

Что касается *панияхар*²⁸, то если люди, продавая алкоголь, добавляют к нему смесь воды и пепла, тем самым обманывая людей, не практикуют щедрость, не осуществляют благого, не принимают правил и, содеяв, не раскаиваются, то падут в состояние *панияхар*. Срок жизни – как указано выше.

Что касается *нишипраджсвалитагatr*²⁹, то если люди из алчности и зависти обманом похищают имущество людей, разрушают города, убивают жителей и причиняют им вред, грабежом заполучают имущество и, преподнося царям и советникам, еще увеличивают злодейства и жестокости, то падут в состояние пылающих *прет*.

Что касается *камарупинов*³⁰, то если мужчины или женщины следовали дхарме разврата, этим путем добывали средства и жертвовали не полю заслуг³¹, жертвовали, не очистив разум, то падут в состояние *камарупинов*. Люди в мире говорят, что это *якши*, следующие желаниям. Срок жизни – как указано выше.

Что касается *маракаиик*³², то если следуют дурному пути, объясняя неверные взгляды и дхармы, называют их высшей истиной и не верят в Лучшую Дхарму, то падут в состояние *маракаиик*. Если монахи ходят или принимают пищу, то [*маракаиики*] в этот момент мешают им неприятными звуками и кошмарными видениями. Срок жизни – как указано выше.

Наконец, объясняю форму существования животных. Строфы о форме существования животных:

Откуда появляются животные?
Их основа – глупость людей.
Не различают черного и белого.

²⁷ «Не имеющие пищи».

²⁸ «Питающиеся напитками», в китайской версии 食水 – «питающиеся водой».

²⁹ «С телами, пылающими ночью», в китайской версии 熾然 – «пылающие».

³⁰ «Меняющие внешность по желанию», в китайской версии 欲色 – «[обладающие] желанной внешностью».

³¹ 福田, то есть не буддийской общине.

³² «Окружение Мары», в китайской версии 魔身 – «[обладающие] телами Мары».

Следуют чувствам и потворствуют телесному.
Не имеют веры в наставления благородных.
Откуда же им знать о страданиях будущих рождений?
Эти недалёковидные безумные дети!
Они – причина появления животных.
Сильные и слабые друг другу служат пищей.
На кого пенять за обман и несправедливость?
Как же мало уже оказавшихся на другой стороне!
Нельзя легкомысленно поступать с духами козлов и баранов.

Объясняю. В «Ньяянусаре» сказано: «Места, населенные животными, называются водой, сушей и воздухом. Проявленные формы живых существ бесконечно различаются. Что до свойств их походки, то мало прямоходящих и много ходящих на четырех конечностях. Изначально обитая в морях, впоследствии они распространяются в пяти формах. Подобные водяным *ракиасам* и *киннарам* принадлежат к животным, но им свойственно прямохождение. Вначале разделяют язык благородных, впоследствии появляются различия»³³.

В «Саддхарма-смритьюпаствхана-сутре» сказано: «...смотрит на животных, и разных видов оказывается три миллиона четыреста тысяч. Благодаря собственной силе разума рождаются на пяти путях. На пяти путях число видов животных самое большое. Разнообразны признаки их внешности, разнообразны их форм. Походка и пища не одинаковы. Сбиваются в стаи и летают все по-разному. Бывают враждебными и дружелюбными, не ладящими и согласными, вместе ходящими, парными и одиночными, сообща живущими и совместно странствующими»³⁴.

Однако в «Саддхарма-смритьюпаствхане», «Ньяянусаре» и «Йогачарабхуми» содержится много определенного. Враждующие, дружелюбные, боязливые, четыре вида рождения, четыре вида поддержания³⁵, перемещение в воде, по земле и воздуху. Причины и последствия действительно разнообразны, трудно полностью их изложить. Также похожие на Нанду [*наги*] хоть и являются животными, но по своей силе превосходят богов. Так как *асуры* с богами

³³ ТСД 29, № 1562, 517b7–11.

³⁴ ТСД 17, № 721, 103b24–28.

³⁵ *Catvāra āhārā* (四食 кит. *сы ши*, яп. *сисёку*) – пища (*kavalīkāra*), контакт (*sparśa*), намерение (*manasamcetanā*) и сознание (*viññāṇa*), «питающие» тело и разум.

не уживаются и враждуют, поддерживают связи и много льстят, то относятся к трем формам существ – богам, *претам*, животным. Однако в «Саддхарма-смритьюпаствхана-сутре» сказано, что бывает два вида *асур*: *преты* и животные. Так же в шастрах и сутрах они разделяются на три вида. Существуют разного рода животные, *наги* и *асуры*. Из первых, опираясь на «Саддхарма-смритьюпаствхана-сутру», кратко объясню семь разных видов.

Высказывания о животных:

Форм существования животных крайне много.

Формы водных, земных и воздушных не имеют предела.

Что до враждующих, если придерживаются дурной дхармы и злоуюно пререкаются,

То ядовитые змеи, вороны и совы друг друга убивают и причиняют вред.

Что до дружелюбных, если с привязанным разумом заключают союзы, То непременно рождаются мандаринками и голубями.

Что до боязливых, если, применяя силу, грабят и разрушают поселения, То впоследствии переродятся оленями и будут испытывать много страха.

Что до саморожденных, если выращивают шелкопрядов и убивают насекомых

Или совершают небудийские огненные подношения, то становятся саморожденными.

Что до рожденных из влаги, это те, кто убивает водных насекомых и черепах,

Следуя неверным взглядам, убивает насекомых и подносит богам.

Если три яда³⁶ еще не прекратились, но человек достиг мирских сверхспособностей

И от возникшей ненависти разрушает страны, то рождается из яйца.

Если обладают загрязненным разумом и спаривают коров или лошадей,

Следуют неверным взглядам и неучтивы, то рождаются животными из утробы.

Срок жизни подобных этим видов не определен.

Большая часть перемещается на четырех конечностях, оттого и их название.

³⁶ Triviṣa (三毒 кит. *сань ду*, яп. *сандоку*) – желание (raga), ненависть (dveṣa) и глупость (moha).

Объясняю. Что касается враждующих, то если люди следуют неверным взглядам, заучивают неверную дхарму и ссорятся друг с другом, после они рождаются среди враждебных животных и возвращаются к взаимному убийству и вреду. Называемые ядовитыми змеями, хорьками, лошадьми, а также водяными быками, воронами и совами – их видов крайне много, срок жизни не определен.

Что касается дружелюбных, то если люди по причине рождения и смерти, идя подавать милостыню, тотчас вместе приносят обет в будущих рождениях всегда быть мужем и женой, рождаются из жизни в жизнь утками-мандаринками и голубями, много радуются и привязываются. Их видов крайне много, срок жизни не определен.

Что касается боязливых, то если с радостью творят разбой, бьют в барабан и трубят в раковины, разрушая поселения, играют громкую музыку, что подобна всем ужасам, рождаются оленями, их разум всегда будет пребывать в страхе. Их видов крайне много, срок жизни не определен.

Что касается саморожденных, то если люди выращивают шелкопрядов, убивают их и варят коконы в воде, или когда рождаются бесчисленные насекомые – огненных пучки, а небуддисты сжигают их и преподносят богам, ища блага, то рождаются среди саморожденных животных. Существуют разные виды, этих существ крайне много, срок жизни не определен.

Что касается рожденных из влаги, то если люди следуют неверным взглядам, убивают и наносят вред черепахам, муравьям, крабам, устрицам, лягушкам, небольшим насекомым в прудах и соленой воде, а некоторые из-за ложных взглядов, служа богам, убивают насекомых и приносят в жертву, они появляются среди рожденных из влаги животных. Их видов крайне много, срок жизни не определен.

Что касается причины рождения из яйца, то если люди еще не прекратили желание, ненависть и неведение, но, практикуя дхьяну, достигли мирских сверхспособностей, и, породив в уме своем ненависть и гнев, разрушают страны, то появляются среди рожденных из яйца птиц, орлов и стервятников. Их видов крайне много, срок жизни не определен.

Что касается рожденных из утробы, то если множество живых существ из-за привязанного разума спаривают коров или лошадей, делая так, чтобы те вступали в связь, а некоторые побуждают других людей следовать неверным взглядам и быть неучтивыми, они

появляются среди рожденных из утробы животных. Их видов крайне много, срок жизни не определен.

Далее объясняю форму существования *наг*. (Они также принадлежат к форме существования животных.)

От огня ненависти испытывают форму существования *наги*.

Нельзя увидеть их грозный лик.

Раскаленный песок льется дождем на тела.

Кусающие насекомые скапливаются под чешуей.

Кожа несколько раз сбрасывается.

Ядовитое дыхание многократно становится туманом.

Асуры тянут веревку.

Гаруда машет крыльями неподалеку.

На Джамбудвипе осуществляется неблагое.

Вызываемые несправедливыми бедо многочисленны.

Если среди людей нет зла,

То источник благих *наг* стекает вниз.

Рассечение тела все же можно перенести,

А что уж до слов и звуков оскорбления!

Устрашает воздаяние за ненависть!

Долгое время не уйти от страха.

Объясняю. В «Сутре о Возникновении Мира» сказано, что *наги* и *гаруды* имеют по четыре вида рождений. Они называются рожденьями из яйца, из утробы, из влаги и саморождением. Под водой океана находится дворец правителя нагов Сагары шириной в восемьдесят тысяч *йоджан*, состоящий из семи драгоценностей. Многочисленные птицы в садах, у источников и озер гармонично поет. Во внутреннем море Югандхары (что означает Держащая Пару) находятся дворцы двух великих *наг* – Нанды и Упананды. На севере океана для всех *наг* и *гаруд* растет великое дерево. Оно называется *куташалмали*³⁷ (что означает Собрание Оленей³⁸). Окружность основания этого дерева составляет семь *йоджан*. Оно уходит в землю на двадцать одну *йоджану*, его высота – сто *йоджан*. Всего оно покрывает пятьдесят *йоджан*. На восточной стороне этого дерева находится дворец

³⁷ Хлопковое дерево, *bombax ceiba*.

³⁸ *Kūṭaśālmali* не имеет подобного значения.

рожденных из яйца *наг* и *гаруд*. На южной стороне находится дворец рожденных из утробы *наг* и *гаруд*. На западной стороне находится дворец рожденных из влаги *наг* и *гаруд*. На северной стороне находится дворец саморожденных *наг* и *гаруд*. У всех этих дворцов ширина составляет шестьсот *йоджан*, они украшены множеством драгоценностей.

В «Саддхарма-смиритьюпаствхана-сутре» сказано: «Если много... ненависти и неведения, то рождаются на глубине десяти тысяч *йоджан* в океане... Город, в котором обитают *наги*, называется Бхогавати. Ширина его ровно три тысячи *йоджан*, и в нем множество правителей *наг*... Одни праведные, другие неправедные. Первые защищают мир, последние вредят миру. Во дворцах, служащих местами обитания праведных *наг*, не идет дождь раскаленного песка»³⁹. Сказано, что, если принимают в прошлом рождении небуддийские обеты, осуществляют даяние, но не очищаются и из-за ненависти и гневного разума дают обет родиться *нагой*, но, вспомнив о заслугах, следуют Дхарме, то не имеют страданий от раскаленного песка. «Однако у них змеиные головы... Их имена: Семиголовый, Гаджана-на, Васуки, Таксака, Бхадрака... Из-за благого разума они в соответствии со временем приносят дожди, делая так, чтобы во всем мире пять злаков созревали, были изобилие, радость и спокойствие, и не обрушивают пожары и град. Они верят в Будду, Дхарму и Сангху... На четырех континентах они приносят благодатные дожди»⁴⁰.

«В местах обитания неправедных правителей *наг* постоянно идет дождь раскаленного песка... поджигая дворцы и их окрестности... *наги* погибают... и снова рождаются»⁴¹. Их имена: Праматха, Атопа, Кала и Хулухулу. Если «все множество живых существ не следует благой дхарме, не почитает отца и мать, не уважает подвижников и брахманов, то подобные этим дурные *наги* увеличивают свою силу»⁴². Они приносят четырем континентам неблагоприятные облака и дожди. Пять злаков не созревают, это способно навредить миру. «Если люди Джамбудвипы следуют благой Дхарме, то пять миллионов семьсот тысяч *наг* плывут во множестве потоков»⁴³. С

³⁹ ТСД 17, № 721, 105b13–19.

⁴⁰ ТСД 17, № 721, 105c13–20, 22.

⁴¹ ТСД 17, № 721, 105b13–19.

⁴² ТСД 17, № 721, 106a29 – b1.

⁴³ ТСД 17, № 721, 107a8–9.

опорой на эту сутру кратко объясню два вида. Что касается неправедных правителей *наг*, то если люди «из-за ненависти и гневного разума поджигают монастыри, поселения и города»⁴⁴, то «рождаются в океане... и обладают телами ядовитых *наг*. Ненавидя друг друга и гневаясь... плюются ядом и друг другу вредят»⁴⁵. Их жизни крайне длинны, срок составляет промежуточную *кальпу*. Что касается праведных правителей *наг*, если люди, приняв небуддийские обеты, дают нечистую милостыню, держатся за материальную пищу и дурные обеты, а также разбойничают, то рождаются *нагами*, но, вспомнив о заслуге, следуют Дхарме. Их жизни крайне длинны, срок составляет промежуточную *кальпу*.

В-четвертых, объясняю форму существования *асур*. Стихи об *асурах*:

Если из лстивого и гордого разума осуществляют щедрость,
То по окончании жизни непременно достигнут состояния *асур*.
Их разум желает *амриты*, они грабят Индру.
Индра декламирует сутру и уже вошел в лотос.
Солнечный диск поражает глаза, излучаются четыре сияния.
Когда видят луну, бродят по острову Удая.
Не выносят мечей Четырех Махараджей, подобных дождю.
Поднявшись на небо, падают обратно и часто страдают.
Их тела грубы, они располагаются на горных сидениях.
Природа разума не пряма и привязана к неверному.
Срок жизни составляет восемь тысяч, они не дают обетов выйти.
В темнейшей ночи бесцельно живут и стареют.

Объясняю. В «Сутре о Возникновении Мира» сказано: «К востоку от Сумеру в пяти сотнях *йоджан* за океаном находится страна царя *асур* Вемачитры...»⁴⁶. Ее ширина составляет ровно восемьдесят тысяч *йоджан*. Там есть большое дерево, которое называется Сучитра-патала⁴⁷. Окружность его основания составляет полных семь *йоджан*. Оно уходит в землю на двадцать одну *йоджану*, его высота – сто *йоджан*. Тень от листьев на ветках покрывает пятьдесят *йоджан*.

⁴⁴ ТСД 17, № 721, 105b24–25.

⁴⁵ ТСД 17, № 721, 105b14–15.

⁴⁶ ТСД I, № 24, 336a10–12.

⁴⁷ Предположительно, *bignonia suaveolens*.

Тамошний дворец весь состоит из семи драгоценностей. В садах на рядах деревьев множество птиц гармонично поет. Здесь также находятся дворцы меньших *асур*. В «*Саддхарма-сморитьянастхана-сутре*» сказано: «Враждующие с богами зовутся *асурами*. Вкратце есть два вида... первые – принадлежащие к *претам*, вторые – принадлежащие к животным. Принадлежащие к *претам* – это *преты* Мары, обладают сверхспособностями»⁴⁸. Принадлежащий к животным и живущий в океане «царь *асур* Раху в Сфере Желаний искусен в создании больших и малых магических форм, в соответствии со своим намерением»⁴⁹. Иногда он замышляет увидеть богинь и облачается в разные драгоценные камни. «Они ярко сияют... Его тело подобно горе Сумеру...»⁵⁰. Драгоценности блестят синим, желтым, красным и черным. «В его разуме огромное высокомерие, его называют равным богам»⁵¹... Если на Джамбудвипе не следуют благой Дхарме, не почитают отца и мать, не уважают брахманов и подвижников, поступают, не полагаясь на Дхарму... то силы всех богов уменьшаются⁵²... Если на Джамбудвипе следуют благой Дхарме, почитают отца и мать» и уважают подвижников, «то силы всех богов увеличиваются»⁵³. Тогда Четыре Махараджи⁵⁴ направятся туда, где пребывают *асуры*, и с неба польется дождь мечей. Если не покинувший неба *асура* захочет подняться, то выйдет солнце, тысячи лучей будут слепить глаза, и он не увидит небесных дворцов. «Тогда правой рукой он заслонит солнечный диск. Рука излучает четыре сияния – синее, желтое, красное, черное». На Джамбудвипе наставники с неверными взглядами, не имея представления о деяниях и плодах, ложно говорят о благих и дурных знамениях. Также *асуры* ходят по морю и смотрят на луну, что всегда восходит из-за горы Удая. Желая подняться на небо и рукой коснуться луны, излучают четыре сияния. На Джамбудвипе мастера магических формул с неверными взглядами, не имея представления о деяниях и плодах, ложно говорят о благих и дурных знамениях. Также *асура* воодушевляется, приходит в ярость и оглушительно рычит, подобно

⁴⁸ ТСД 17, № 721, 107a12–14.

⁴⁹ ТСД 17, № 721, 107a17–18.

⁵⁰ ТСД 17, № 721, 107a25, 26.

⁵¹ ТСД 17, № 721, 107a28.

⁵² ТСД 17, № 721, 107b3–6.

⁵³ ТСД 17, № 721, 107b8–10.

⁵⁴ Дхритараштра, Вирудхака, Вирупакша и Вайшравана, принадлежащие к низшему классу богов Сферы Желаний.

грому. Во всех странах сведущие в знаках говорят, что сошел небесный зверь. Ложно говорят о благих и дурных знамениях, предсказывают, хорош или плох будет урожай пяти злаков. Некоторые говорят о том, будут ли у царя беды, счастье или несчастье. Некоторые говорят, что начнется война, и, очищаясь, добиваются счастья. Должно понимать, что на все это способны оказывать влияние благо и неблаго, осуществляемые на Дхамбуддипе.

Опираясь на «*Саддхарма-смритью*настхана-сутру», кратко объясню четыре вида. Что до первого вида, то если брахман ставит на первое место мудрость, дает милостыню больным на развилке четырех дорог и, увидев, как дурные люди подожгли ступу, спасет ступу *татхагаты*, при этом не обладая верой и будучи привязанным к состязаниям, он родится среди *асур* Раху. Пятьсот лет людей составляют для них одни сутки, срок жизни – пять тысяч лет. (Тридцать этих дней складываются в месяц, двенадцать месяцев в год. Срок жизни – пятьсот лет. У всех остальных точно так же.)

Что касается второго вида, если люди, «раздавая много пожертвований, подают небуддийским подвижникам, дают нечистую милостыню, дают разного рода еду разным подвижникам, нарушающим заповеди, и не обладают правильными мыслями в разуме, то подобные дарители» родятся среди *асур* Дамакантхи. Шестьсот лет людей составляют для них одни сутки, срок жизни – шесть тысяч лет.

Что касается третьего вида, если люди «в дни сезонных собраний... всячески развлекаются», из этого добывают средства и «дают нечистую милостыню», дают еду больным, нарушающим заповеди, и не обладают правильными мыслями в разуме, то подобные дарители родятся среди *асур* Пушпамалы. Семьсот лет людей составляют для них одни сутки, срок жизни – семь тысяч лет.

Что касается четвертого вида, если люди, приверженные ложным взглядам и не имеющие представления о деяниях и плодах, увидят, что пришел монах, прилежно продвигающийся и соблюдающий обеты, и попросил еды, а они дадут, но скажут такие слова: «Ты низкий человек, какие у тебя могут быть заслуги?» – то родятся среди *асур* Прахасы. Восемьсот лет людей составляют для них одни сутки, срок жизни – восемь тысяч лет.

В-пятых, опишу форму существования людей. В форме существования людей есть два вида деяний. Они называются десятью благами

и неблагими деяниями. Неблагие низвергают в три неблагоприятные формы, благие возносят к трем небесам.

Строфы о десяти неблагих:

Деяния, обуславливающие три пути, – это десять неблагих.

Одно деяние непременно становится причиной пяти видов.

Речь и деяния личности производят неблагое.

Кто знает о множестве страданий в будущих рождениях?

Тело, три речи, четыре мысли – это основа.

Три яда распространяются и заставляют людей утопать.

Зная прошлое, непременно очищайтесь – и сравнивайтесь с мудрыми и благородными.

Добрые сыновья и добрые дочери, будьте терпеливы и осуществляйте милосердие!

Объясняю. В «Дашабхумике» сказано: «Грех убийства живых существ способен заставить пасть на три неблагих пути. Если родятся среди людей, то получают два плода: первый – короткая жизнь, второй – много болезней». Все десять подобных этому неблагих деяний дают пять видов последствий.

Во-первых: почему убийство живых существ приводит к адским страданиям? Так как убийство живых существ приносит страдания многим, то, когда тело разрушается и жизнь прекращается, множество адских страданий наступают и режут их. Во-вторых: почему убийство приводит к рождению животным? Так как в убийстве живых существ нет деяния, обладающего милосердием и состраданием, и оно расходится с людскими правилами, то, когда адские грехи исчерпываются, рождаются животным. В-третьих: почему убийство также приводит к рождению *претой*? Так как убийство живых существ непременно связано с жадным разумом и желанием вкуса, то становятся *претами*. В-четвертых: почему из-за убийства рождаются людьми, но с короткой жизнью? Так как убийство вредит жизни существ, то приводит к короткой жизни. В-пятых: почему убийство также приводит к частым болезням? Так как убийство живых существ идет вразрез с надлежащим и множество бед, состязаясь, скапливаются, то оно приводит к частым болезням. Должно понимать, что убийство есть большое страдание.

Также в «Сутре разнообразного собрания» сказано, что когда-то *прета* рассказал Маудгальяне⁵⁵: «У меня всегда на плечах глаза, в груди нос и рот, головы нет. По какой причине?» Маудгальяна ответил: «В прошлой жизни ты всегда был учеником палача. Когда наступало время убивать, у тебя всегда были радостные мысли. Ты связывал людей веревкой и вел их. По этой причине ты получил подобную кару, и вот последствие неблагих деяний. Плод адских страданий будет в последующем рождении». Еще один *прета* рассказал Маудгальяне: «Мое тело всегда подобно комку мяса, нет ни рук, ни ног, ни глаз, ни ушей, ни носа. Всегда оно служит пищей для насекомых и птиц, и страдания из-за греха трудно переносить. По какой причине?». Маудгальяна ответил: «В прошлой жизни ты всегда давал другим лекарство, чтобы произвести выкидыш. По этой причине ты получил подобную кару, и вот последствие. Плод адских страданий будет в последующем рождении».

Также из-за убийства желание причинять вред усиливается. Когда оно усиливается, то, не имея сдержанности, осуществляют воровство. Если в нынешней жизни воруют, не дают, но берут, то, умерев, падут в ад Железная Яма, где долгую *кальпу* будут всячески страдать. Когда страдания прекратятся, то падут в состояние животных. Их тела всегда будут нести тяжести, их будут подгонять и бить, и не будет им отдыха. Пищей им будут лишь вода и трава. В таком состоянии бесчисленны будут рождения и смерти. Если по изначальной причине – из-за встречи с мельчайшим добром – и получают вновь слабое тело человека, то всегда будут слугами. Их будут понуждать и посылать с поручениями, и не будет у них ничего своего. Пока их долг не будет возвращен, они не смогут услышать Дхарму. Происходящая из этого сансара мучений не имеет конца. Должно понимать, что причиной всего этого является воровство. Когда в этой жизни скрывают объяснение, не подносят Трем Драгоценностям ради света, а, напротив, берут свет Трех Драгоценностей и используют, то сами загораются, и, умерев, падут в ады Черное Ухо, Каласутра и Тьма, где долгую *кальпу* будут испытывать всяческие мучения. Когда страдания прекратятся, то падут в состояние вшей и не будут переносить света. В таком состоянии бесчисленны будут рождения

⁵⁵ 目連, кит. Мулянь, яп. Мокурэн, – один из архатов, в буддийской литературе часто выступает как персонаж, путешествующий по сферам разных живых существ, в том числе *прет*.

и смерти. Если по изначальной причине – из-за встречи с мельчайшим добром – и получают вновь слабое тело человека, то их форма будет пятнисто-черной, грязной, жирной и нечистой. Они зловонны, грязны, дурны, те, кого презирают и сторонятся люди. Их глаза слепы, они не видят неба и земли. Должно понимать, что причиной является сокрытие света и воровство. Поэтому в «*Дашабхумика-сутре*» сказано: «Грех воровства также способен заставить пасть на три неблагих пути. Если рождаются среди людей, то получают плоды двух видов. Первый – нищета. Второй – вместе добытые средства не достаются самому человеку».

Почему воровство приводит к падению в ад? Так как, воруя, отбирая и похищая чужое имущество, причиняют страдания живым существам, то, умерев, попадают в холодные ады и испытывают там всяческие страдания. Почему воровство приводит к рождению животным? Так как этим не осуществляют нормы людей, то получают тело животных и всегда несут тяжести. Давая мясо людям, возвращают старые долги. Почему это также приводит к падению в состояние *прет*? Так как из-за жадности осуществляют воровство, то, когда кара животного окончится, становятся *претами*. Почему делаются бедными? Так как воровство делает живые существа бедными, то отсюда и бедность. Почему вместе добытые средства не достаются самому человеку? Так как воруют, лишая должностей, то если есть средства, они будут разделены пятью домами и не достанутся самому человеку. Должно понимать, что воровство есть второе большое страдание.

Также в «Сутре разнообразного собрания» сказано, что когда-то *прета* рассказал Маудгальяне: «Бханте, мой живот крайне велик, подобен большому сосуду. Шея, руки и ноги очень тонки, подобно иглам, и невозможно ни пить, ни есть. По какой причине я испытываю подобные страдания?». Маудгальяна ответил: «В прошлой жизни ты был старейшиной поселения. Ты был самоуверен, [занимал] высокое положение, пил и ел, и всецело презирал остальных людей. Отбирал питье и еду и морил голодом множество бедняков. По этой причине получил подобную кару, и вот последствие. Плод адских страданий будет в последующем рождении». Другой *прета* рассказал Маудгальяне: «Всегда у меня подмышками вращаются два раскаленных железных колеса и тело обжигается. По какой причине?». Маудгальяна ответил: «В прошлой жизни ты давал монахам лепешки и утаивал две штуки, зажимая их подмышками. По этой причине получил

подобную кару, и вот последствие. Плод адских страданий будет в последующем рождении».

Также из-за воровства разум неверен, потекает чувствам и испытывает желание. Если сейчас прелюбодействуют, то в нынешней жизни будут опасности и часто будут испытывать страх. О некоторых узнают муж или соседи и в какой-то момент, добиваясь смерти, возьмут ножи и дубины и осуществят кару. Ноги и руки будут отсечены и жизнь оборвана. Умерев, попадут на железные лежанки в аду, некоторые будут обнимать бронзовый столб. *Ракишасы* ада будут жарить их на огне. Когда грех ада исчерпается, родятся животными: петухами, утками, гусями, воробьями, собаками, свиньями, мотыльками. В таком состоянии бесчисленны будут рождения и смерти. Долгую *кальпу* будут испытывать всяческие страдания. Когда страдания прекратятся, если по изначальной причине – из-за встречи с мельчайшим добром – и получают вновь слабое тело человека, то в женских покоях будут прелюбодеяние и раздор, жены и наложницы будут неверны. Если будет благоволимая, то людьми будет отобрана. Постоянно будут в страхе, много будет опасностей и мало спокойствия. Должно знать, что все эти опасности и страдания порождаются из-за прелюбодеяния. Поэтому в «*Дашабхумике*» сказано: «Грех прелюбодеяния также заставляет пасть на три неблагих пути. Если родятся людьми, то получают плоды двух видов. Первый – неверность жены. Второй – сварливые сородичи». Почему прелюбодеяние приводит к падению в ад? Так как прелюбодеяние, будучи нарушением и неподобающим вторжением, приносит страдания, отсюда адские страдания после окончания жизни.

Почему прелюбодеяние приводит к рождению животным? Так как прелюбодеяние не соответствует принципам людей, отсюда и рождение животным после выхода из ада. Почему прелюбодеяние также приводит к рождению *претой*? Так как прелюбодеяние всегда одинаково с жадностью и привязанностью, то по причине греха жадности и привязанности также становятся *претами*. Почему от прелюбодеяния жена будет неверна? Так как совращали чужих жен, то получаемое ими есть постоянная неверность жены. Почему от прелюбодеяния сородичи сварливы? Так как, прелюбодействуя, отбирали тех, кому благоволили люди, то получают сварливых сородичей. Отсюда и те, кого отбирают люди. Должно знать, что прелюбодеяние есть третье большое страдание. Подобно тому, как в «Сутре разнообразного собрания» сказано, что когда-то *прета*

рассказал Маудгальяне: «Я беру вещи и накрываю ими голову. Также всегда боюсь, что люди придут убить меня. Разум всегда в ужасе, и трудно это вынести. По какой причине?». Маудгальяна ответил: «В прошлой жизни ты прелюбодействовал с [теми, кто обладал] телесной красотой, и постоянно боялся, что люди увидят. Также боялся, что муж схватит, свяжет и забудет тебя до смерти. Также боялся, что чиновник перебьет жителей твоего города. Всегда испытывал страх, и страхи сменяли друг друга. По этой причине ты получил подобный этому грех, и вот последствие неблагих деяний. Плод адских страданий будет в последующем рождении».

Также из-за прелюбодеяния все произносимые слова являются ложными. Если сейчас лгут, принося страдания множеству живых существ, то умерев, падут в ад Плача, где долгую *кальпу* будут испытывать всяческие страдания. Когда страдания исчерпаются, падут в состояние *прет*. В этих страданиях бесчисленны будут рождения и смерти. Если по изначальной причине – из-за встречи с мельчайшим добром – и получают вновь слабое тело человека, то часто будут мучиться от болезней, будут немощными и истощенными, слабыми, измученными, будут испытывать боль. Сами будут страдать от ядов и люди не будут сочувствовать им. Должно знать, что все эти страдания порождаются из-за лжи. Поэтому в «*Дашабхумике*» сказано: «Грех лжи также заставляет пасть на три неблагих пути. Если родятся людьми, то получают плоды двух видов. Первый – часто быть оклеветанным. Второй – быть обманутым людьми». Почему ложь приводит к падению в ад? Так как ложь неистинна, она заставляет людей сомневаться, и так порождается страдание, потому, умерев, испытывают страдания ада. Почему ложь приводит к рождению животным? Так как ложь и обман расходятся с честностью и верой людей, то отсюда рождение животным после выхода из ада. Почему ложь также приводит к рождению *претой*? Так как ложь всегда одинакова с жадностью и обманом, то по причине греха жадности и обмана также становятся *претами*. Почему из-за лжи часто бывают оклеветаны? Так как ложь не является честной и истинной. Почему из-за лжи бывают обмануты людьми? Так как ложь обманывает людей. Должно знать, что ложь есть четвертое большое страдание.

Также из-за лжи приходят к клевете. Если сейчас их речь не обладает добротой, а оскорбительна и унижительна, неблагая речь беспорядочна, то умерев, падут в ады Вырывания Языка, Расплавленной

Бронзы и Вспашки, где долгую *кальпу* будут испытывать всяческие страдания. Когда страдания исчерпаются, падут в состояние животных и будут питаться нечистотами. Подобно пеликанам, будут лишены языка. В таком состоянии бесчисленны будут рождения и смерти. Если по изначальной причине – из-за встречи с мельчайшим добром – и получают вновь слабое тело человека, то способности языка будут ущербными, дыхание зловонным, они будут немými и заиками. Зубы не будут очищаться, будут с щербинками и редкими. Пусть и будут у них благие слова, люди не будут доверять. Сами будут страдать от ядов, и люди не будут сочувствовать и вспоминать. Должно знать, что вся грубость и смятение порождаются из-за клеветы. Поэтому в «*Дашабхумике*» сказано: «Грех клеветы также заставляет пасть на три неблагих пути. Если родятся людьми, то получают плоды двух видов. Первый – скверные сородичи. Второй – неуживчивые сородичи». Почему клевета приводит к падению в ад? Так как клевета разделяет людей с близкими и разделение заставляет страдать, то, умерев, испытывают страдания ада. Почему клевета приводит к рождению животным? Так как клевета есть дело раздора, такое же, как у гиен, то рождаются животными. Почему клеветники также становятся *пре-тами*? Так как клевета также вызывается жадностью, то из-за греха жадности становится *пре-тами*. Почему из-за клеветы люди получают скверных сородичей? Потому что клевета делает так, что у друзей и товарищей появляется неприязнь. Почему от клеветы получают неуживчивых сородичей? Так как клевета разделяет людей с близкими и делает так, что они не уживаются. Должно знать, что клевета есть пятое большое страдание.

Также из-за клеветы слова всегда оскорбительны. Если сейчас оскорбительными словами вызывают раздоры, наносят вред, а еще враждуют друг с другом и убивают множество живых существ, то, умерев, попадают в ад Ножей, где долгую *кальпу* будут испытывать всяческие страдания. Когда страдания исчерпаются, падут в состояние животных. Им будут отрубать ноги и продавать их мочевые пузыри, они будут терять кишки и лишаться бедренных костей, и долгую *кальпу* будут испытывать всяческие страдания. Когда страдания исчерпаются, окажутся здесь, и в таком состоянии бесчисленны будут рождения и смерти. Если по изначальной причине – из-за встречи с мельчайшим добром – и получают вновь слабое тело человека, то четыре конечности будут ущербны, люди эти будут скопцами, без-

ногими, клейменными и безносими, их тела будут увечными. Духи и боги не будут оберегать, люди не будут их замечать. Должно знать, что ущербные живые существа все порождены оскорблениями. Поэтому в «*Дашабхумике*» сказано: «Грех оскорблений также заставляет пасть на три неблагих пути. Если родятся людьми, то получают плоды двух видов. Первый – постоянное выслушивание неприятных слов. Второй – обращенные к ним слова всегда будут бранными». Почему оскорбления приводят к падению в ад? Так как оскорбления направлены на вред людям, люди, слыша их, испытывают страдания, отсюда падение в ад после окончания жизни. Почему оскорбления приводят к рождению животными? Так как оскорбления поносят людей бранят людей, как животных, то после выхода из ада и становятся животными. Почему из-за оскорбления также становятся *претами*? Из-за жадности оскорбляли, отсюда и становление *претами* после окончания страданий животных. Почему из-за оскорблений часто слышат от людей неприятные слова? Так как, произнося слова, были грубы, то слышимое ими всегда оскорбительно. Почему от оскорблений обращенные к ним слова всегда бранны? Так как, оскорбляя, шли против благого, то обращенные к ним слова всегда приводят к ссорам. Должно понимать, что оскорбление есть шестое большое страдание.

Также из-за оскорблений все слова всегда плавучи, украшены, совершенно бессмысленны и бесполезны. Из-за бессмысленности и бесполезности в нынешней жизни родится высокомерие и, умерев, эти люди падут в ад Связывания, где долгую *кальпу* будут испытывать всяческие страдания. Когда страдания исчерпаются, падут в состояние животных. Они будут помнить лишь о воде и траве и не будут иметь понятия о благодарности и заботе об отце и матери. В таком состоянии бесчисленны будут рождения и смерти. Если по изначальной причине – из-за встречи с мельчайшим добром – и получают вновь слабое тело человека, то родятся на краю земли, не будут знать о верности, сыновней почтительности, человеколюбии, долге, не увидят Три Драгоценности. Если родятся в срединных землях, то будут низкими, невзрачными, горбатыми и будут презираемы людьми. Должно понимать, что высокомерие всегда порождается бессмысленностью, несерьезностью и неумеренностью. Поэтому в «*Дашабхумике*» сказано: «Грех пустословия также заставляет пасть на три неблагих пути. Если родятся людьми, то получают плоды двух видов. Первый – сказанным ими словам не будут доверять другие люди. Второй – сказанные

слова не будут понятны». Почему пустословие приводит к падению в ад? Если уже слова бессмысленны, то все дела будут вредить другим, отсюда падение в ад после окончания жизни. Почему пустословие приводит к рождению животными? Так как пустословие расходится с принципами людей, то отсюда рождение животными после выхода из ада. Почему от пустословия также становятся *претами*? Если говорят бессмыслицу, значит, есть преграда жадности, и из-за жадности также становятся *претами*. Почему от порождения греха пустословия сказанным словам не будут доверять люди? Так как сказанную бессмыслицу невозможно принять. Почему от пустословия сказанные слова не будут понятны? Когда речь бессмысленна, это всегда из-за неясности, последствие неясности есть непонятность сказанных слов. Должно понимать, что бессмысленная речь есть седьмое большое страдание.

Также из-за бессмыслицы не могут быть честными и уступчивыми, и желания не имеют удовлетворения. Если в нынешней жизни от жадности и желания не осуществляют щедрость, то, умерев, падут в ад Кипящего Навоза, где долгую *кальпу* будут испытывать всяческие страдания. Когда страдания исчерпаются, падут в состояние животных и *прет*. У них не будет одежды и пищи, они будут полагаться на людей. Нечистоты, которые они поедают, им не будут подавать, и их будет не достать. В таком состоянии бесчисленны будут рождения и смерти. Если по изначальной причине – из-за встречи с мельчайшим добром – и получают вновь слабое тело человека, то будут голодать, мерзнуть, будут нагими, бедными и всегда неимущими. Люди не будут им подавать, и неоткуда будет добыть. Пусть и будет у них самая малость, она всегда будет отобрана силой. Им нечем будет защититься от страданий, их тела погибнут, жизнь утратится. Должно понимать, что нещедрость всегда порождается желаниями. Поэтому в «*Дашабхумике*» сказано: «Грех желания также заставляет пасть на три неблагих пути. Если родятся людьми, то получают плоды двух видов. Первый – много желаний. Второй – отсутствие удовлетворенности». Почему желание приводит к падению в ад? Из-за желаний осуществляются деяния тела и речи и приносятся страдания существам, отсюда и адские страдания после смерти. Почему желание приводит к рождению животными? Так как желание расходится с принципами людей, то, выйдя из ада, рождаются животными, и из-за желания также становятся *претами*. Из-за получения желаемого непременно

возникают алчность и сожаление. Из-за греха алчности и сожаления также становятся *претами*. Почему из-за желания многого хотят? Так как алчность еще больше увеличивает желаемое. Почему от желания отсутствует удовлетворенность? Так как из-за желания стремление к желаемому неудовлетворимо. Должно понимать, что желание есть восьмое большое страдание.

Также из-за желания не исполняют намерений, и оттого гnevаются и порождается ненависть. Если в нынешней жизни испытывают много ненависти, то, умерев, падут в ад Вспахивания Грязи, где в течении *кальпы* будут испытывать множество страдания. Когда страдания исчерпаются, падут в состояние животных и станут ядовитыми змеями, гадюками, тиграми и леопардами, дикими собаками и волками. В таком состоянии бесчисленны будут рождения и смерти. Если по изначальной причине – из-за встречи с мельчайшим добром – и получат вновь слабое тело человека, то опять будут испытывать много ненависти, их лицо и облик будут уродливыми, они будут ненавистны людям. Не только близкие и друзья не будут подавать им, в действительности глаза будут не рады их видеть. Должно понимать, что гнев и злоба всегда порождаются ненавистью. Поэтому в «*Дашабхумике*» сказано: «Грех ненависти также заставляет пасть на три неблагих пути. Если родятся людьми, то получают плоды двух видов. Первый – всегда будут искать его силу и слабость. Второй – всегда подвергаться мучению от многих людей». Почему ненависть приводит к падению в ад? Из-за ненависти вредят и приносят страдания существам, поэтому испытывают адские страдания. Почему ненависть приводит к рождению животными? Из-за этой ненависти не могут проявлять милосердие и сострадание, отсюда рождение животными после выхода из ада. Почему ненависть также приводит к рождению *претами*? Из ненависти возникает жадность, из-за греха жадности также становятся *претами*. Почему ненависть приводит к постоянному поиску силы и слабости? Так как из-за ненависти не могу проявлять терпимость, то все ищут их силу и слабость. Почему от ненависти всегда подвергаются мучению от многих людей? Так как из-за этой ненависти причиняли страдания и вредили людям, то люди тоже причиняют страдания и вредят. Должно понимать, что ненависть есть девятое большое страдание.

Также из-за ненависти следуют неверным убеждениям и не верят в правильный путь. Если в нынешней жизни препятствуют людям

в слушании Дхармы и декламировании сутр и сами не собирают пищу, то, умерев, падут в ад Глухоты и Тупости, где в течении долгой *кальпы* будут испытывать всяческие страдания. Услышав голос Трех Драгоценностей и Четырех Истин, не поймут, что это благо, услышав голос убийства, вреда и избиения, не поймут, что это неблаго. В таком состоянии бесчисленны будут рождения и смерти. Если по изначальной причине – из-за встречи с малейшим добром – и получают вновь слабое тело человека, рождаются, находясь в теле человека, то будут глухими и слепыми, не будут слышать, камень и стена не будут различаться, прекрасные слова и благое эхо совершенно не будут осознаваемы ими. Должно понимать, что трудные препятствия слушанию Дхармы всегда порождаются неверными взглядами. Поэтому в «*Дашабхумике*» сказано: «Грех неверных взглядов также заставляет пасть на три неблагих пути. Если рождаются людьми, то получают плоды двух видов. Первый – рождаются в семьях с неверными взглядами. Второй – их разум лъстив». Почему неверные взгляды приводят к падению в ад? Из-за неверных взглядов обращаются только к неверным путям и придерживаются привычных богов, клеветуют на Будду, Дхарму и Сангху, не почитают Три Драгоценности, отсюда попадание в ад Авичи после окончания жизни. Почему неверные взгляды также приводят к рождению животными? Из-за этих неверных взглядов не имеют представления о правильных принципах, отсюда рождение животными после выхода из ада. Почему неверные взгляды также приводит к рождению *претами*? Из-за этих неверных взглядов, жадного разума и алчной привязанности неверные убеждения не отброшены, а не отбросив неверные убеждения, становятся *претами*. Почему от неверных взглядов рождаются в семьях с неверными взглядами? Так как эти неверные взгляды ложно усвоены, то отсюда и рождение человеком в семье с неверными взглядами. Почему от неверных взглядов разум лъстив? Так как неверные взгляды не являются срединными и правильными, то разум таких людей всегда лъстив. Должно понимать, что неверные взгляды есть десятое большое страдание. Подобных мельчайших неблагих деяний – без числа и без края. Все они ведут к страданиям в аду. Невозможно сосчитать, узнать и затем кратко рассказать. Если кто-то способен отринуть неблагое и совершать благое, то это и есть мой наставник⁵⁶.

⁵⁶ ТСД 53, № 2122, 815b20 – 817c29.

***Микава моногатари* («Повесть о Микава»): фигура автора, время создания, автограф и списки рукописи (фрагмент свитка II)**

Перевод и комментарии С. А. Полхова

Аннотация

В статье рассматривается важный источник по истории периода Сэнгоку и начала эпохи Эдо *Микава моногатари* 三河物語 («Повесть о Микава»), принадлежащий кисти самурая О:кубо Тадатака. О:кубо, род наследственных вассалов Токугава (Мацудайра), сыграл важную роль в возвышении этого дома, исконные владения которого находились в западной части провинции Микава. Тадатака под началом своего брата Тадаё участвовал во многих военных кампаниях и битвах, был лично знаком с военачальниками дома Токугава и самим Токугава Иэясу.

Источниками для *Микава моногатари* послужили как воспоминания Тадатака, бывшего очевидцем многих событий, описанных в его сочинении, так и рассказы, услышанные им от родственников и других служилых людей дома Токугава. Кроме того, он обращался и к разнообразным письменным источникам. Сохранившийся автограф из трех свитков представляет собой финальную версию *Микава моногатари*, тогда как большинство списков-копий, по-видимому, воспроизводят изначальный, незаконченный вариант текста памятника. Несмотря на то, что в колофонах в трех свитках автограф датируется 8-м годом Гэнна (1622 г.), в действительности его рукопись, вероятно, была окончательно дописана позднее – между 1626 и 1632 гг. По-видимому, Тадатака приступил к написанию своего труда после 1615 г. и к 1622 г. подготовил первые его версии.

В *Микава моногатари* излагается история дома Токугава, прославляются деяния Токугава Иэясу, а также рассказывается о подвигах отпрысков клана О:кубо на службе Токугава. По замыслу Тадатака, его труд должен был выполнять как коммеморативную, так и дидактическую функции. В *Микава моногатари* его создатель видел средство поддержания должных связей

между его потомками и сюзеренами из дома Токугава, он призывал своих детей не прекращать верную службу ни при каких обстоятельствах. Можно также отметить, что О:кубо Тадатака адресовал свое произведение не только родственникам, но и самураям из других кланов. В данную публикацию вошел перевод на русский язык фрагмента свитка II *Микава моногатари*, в котором преимущественно рассказывается о войнах Токугава Иэясу с даймё Имагава Удзидзанэ, а также об участии Иэясу в военных походах Ода Нобунага.

Ключевые слова: Микава моногатари, О:кубо Тадатака, дом Токугава, Токугава Иэясу, период Сэнгоку, японские исторические источники

Автор: Полхов Святослав Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН:

107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: cjr-ran@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4705-7488

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Mikawa Monogatari (The Tale of Mikawa): Author, the Time of Creation, Autograph, and Manuscript Copies (Fragment of Book II)

Translation, and Notes by S. A. Polkhov

Abstract

The article examines a valuable source on the history of the Sengoku and early Edo periods, *Mikawa Monogatari* 三河物語 (*The Tale of Mikawa*), written by samurai Ōkubo Tadataka. Ōkubo, a family of hereditary vassals of Tokugawa (Matsudaira) house, played an important role in the rise of this house, whose original holdings were located in the western part of Mikawa Province. Tadataka, under the command of his brother Tadayo, participated in many military campaigns and battles, was acquainted with the Tokugawa warlords and Tokugawa Ieyasu himself.

The sources for *Mikawa Monogatari* were both the memoirs of Tadataka, who was an eyewitness to many of the events described in his work, and stories he heard from relatives and other vassals of the Tokugawa clan. In addition, he also turned to various written sources. The surviving three-book autograph represents the final version of *Mikawa Monogatari*, while most of the copies appear to reproduce the original, unfinished version of the text. Although the colophons in three books date the autograph to the 8th year of Genna (1622), in reality, the manuscript was probably completed later, between 1626 and 1632. Apparently, Tadataka began writing his work after 1615 and had prepared the first versions by 1622.

The *Mikawa Monogatari* recounts the history of the Tokugawa dynasty, glorifies the exploits of Tokugawa Ieyasu, and recounts the exploits of the Ōkubo clan's descendants in the service of the Tokugawa. Tadataka intended his work to serve both a commemorative and a didactic function. In *Mikawa Monogatari*, its creator saw a means of maintaining proper ties between his descendants and the overlords of the Tokugawa house, he called on his children not to stop their faithful service under any circumstances. It can also be noted that Ōkubo Tadataka also addressed his work not only to his relatives, but also to samurai from other clans. This publication also includes a translation into Russian of a fragment of the book II of *Mikawa Monogatari*, which primarily tells of the wars of Tokugawa Ieyasu with daimyo Imagawa Ujizane, as well as of Ieyasu's participation in the military campaigns of Oda Nobunaga.

Key words: *Mikawa Monogatari*, Ōkubo Tadataka, Tokugawa house, Tokugawa Ieyasu, Sengoku period, Japanese historical sources.

Author: Polkhov Sviatoslav A., PhD in History, Senior Researcher at the Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of RAS:

12, Rozhdestvenka St., Moscow, 107031

E-mail: cjr-ran@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4705-7488.

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

О:кубо Тадатака 大久保忠教 (1560–1639), сначала носивший имя Тадао 忠雄 и имевший прозвища Хэйсукэ 平助, а затем Хикодзаэмон 彦左衛門, происходил из рода наследственных вассалов (譜代, *фудай*) дома Мацудайра 松平 (Токугава 徳川). Он родился в год битвы при Окадзама, в эпоху беспрестанных смут и междоусобных войн

между японскими удельными князьями и владельцами, и стал свидетелем политической консолидации страны при Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэасу¹, пройдя вместе со своими братьями через многие сражения и военные кампании на службе дома Токугава.

Сведения о биографии О:кубо Тадатака содержатся в *Микава моногатари*, а также в томе IV генеалогического свода *Кансэй тё:сю: сёкафу* 寛政重修諸家譜 («Пересмотренные родословия всех домов годов Кансэй»)² и некоторых других источниках. Клан О:кубо – ветвь рода Уцуномия, относившегося к дому Северных Фудзивара. О:кубо Тадатака в *Микава моногатари* перечисляет три разряда потомственных вассалов Мацудайра³ – *сан гофудай* 三御譜代: *Андзё: гофудай*, *Яманака гофудай* и *Окадзаки гофудай*. Свой род он относит к *Андзё: гофудай*⁴, наиболее именитым вассалам [Mikawa... 1974, p. 32]. О:кубо служили ещё Мацудайра Нобумицу (XV в., точные даты жизни неизвестны). О:кубо Тадасигэ, дед Тадатака, вместе со

¹ Токугава Иэасу (1543–1616) в течение жизни менял имя, как и другие воины Японии в Средние века. В детские годы он прозывался Такэтиё, затем Мотонобу и Мотоясу, наконец – Иэасу. В 1566 г. поменял фамилию Мацудайра на Токугава. Из соображений удобства в данной публикации он везде именуется Токугава Иэасу или Иэасу.

² Ценнейший исторический источник, своего рода генеалогическая энциклопедия японской элиты эпохи Эдо из 1520 томов, к которым прилагались ещё 20 томов указателей. Создавался на рубеже XVIII–XIX вв. по инициативе Токугава бакуфу. Работу множества выдающихся ученых и чиновников военного правительства координировал Хотта Масаацу 堀田正敦 (1755–1832), занимавший пост *вакадосиёри*. Составление этого грандиозного труда было завершено в 1812 г. Записи предшествующих генеалогических сочинений, таких как, например, *Канъэй сёка кэйдзудэн* 寛永諸家系図伝 (1641–1643), подверглись редактированию и были дополнены информацией из новых источников, в том числе донесений, представленных вассалами сёгуна. В *Кансэй тё:сю: сёкафу* вошли родословные и подробные биографические сведения (в том числе о родственных связях, детях, титулах и должностях, наградах и т. п.) об отпрысках домов даймё, *хатамото*, *гокэнин*, а также некоторых кланов врачей, мастеров чайной церемонии и т. д. Вместе с тем в данную энциклопедию не включены генеалогии ветвей дома Токугава. См.: Yamamoto Takeo. *Kansei chōshū shokafu* // Kokushi daijiten: <https://japanknowledge.com/introduction/keyword.html?i=909>.

³ Дом Мацудайра, делившийся на многочисленные ветви, в эпоху Муромати владел землями на западе провинции Микава (совр. преф. Айти). Линия Андзё: Мацудайра, к которой принадлежал Токугава Иэасу, первоначально не считалась старшей.

⁴ Тадатака причислял к *Андзё: гофудай* наследственных вассалов, служивших главам дома Мацудайра – от Нобумицу до Хиротада [Mikawa... 1974, p. 32]. Танигучи Синко отмечает, что в этот разряд служилых людей входили семь родов – Абэ, Аояма, Исикава, О:кубо, Сакаи, Хонда, Уэмура, ставшие вассалами Токугава в период от годов Буммэй (1469–1487), когда Мацудайра Нобумицу вошел в замок Андзё:, до 1524 г., когда Мацудайра Киёёсу переехал в замок Окадзаки [Taniguchi 2011, p. 50, 51].

своими братьями служил Мацудайра Киёёсу (1511–1535), деду Токугава Иэёсу, а О:кубо Тадакадзу, отец Тадатака, – Мацудайра Хиротада (1526–1549), отцу Иэёсу. О:кубо Тадакадзу (1511–1582) был третьим сыном Тадасигэ [Kansei... 1923, p. 789]. Тадакадзу вместе со старшим братом О:кубо Тадатоси (1499–1581) сыграл ключевую роль в возвращении Хиротада в родовой замок в Окадзаки в 1537 г. после вынужденных скитаний, начавшихся в 1535 г. [Mikawa... 1974, p. 55–56]. В 1555 г. войско дома Имагава и союзные им отряды Мацудайра захватили замок Каниэ в провинции Овари. Во время штурма отличились О:кубо Тадакадзу, его сыновья Тадаё и Тадасукэ, а также один из их родственников; им вместе с еще тремя воинами Мацудайра впоследствии дали почетное прозвище «семь копий Каниэ»⁵ [Kansei... 1923, p. 789; Matsudaira ki 2014, p. 98]. Весь род О:кубо, как неоднократно подчеркивает в *Микава моногатари* Тадатака, сплотившись воедино, встал на сторону Токугава Иэёсу в его войне против *Микава Икко: икки* (1563–1564)⁶ и сыграл большую роль в подавлении этого восстания.

О:кубо Тадатака был восьмым сыном Тадакадзу, у него было девять братьев и две сестры. Мать Тадатака происходила из рода Косака 小坂. Мать Тадаё, Тадасукэ и Таданага, его старших братьев, была дочерью правого министра Сандзё:ниси Кинъэда 三条西公条 (1487–1563), сына Внутреннего министра Сандзё:ниси Санэтака 三条西実隆 (1455–1537) [Kansei... 1923, p. 789, 793, 794]⁷.

О:кубо Тадатака начал службу Токугава Иэёсу в 1575 г. в замке Хамамацу [Ibid., p. 847]. В 7-й луне 4-го года Тэнсё: (1576 г.), когда ему было 16 лет, Тадатака последовал в военный поход за старшим братом Тадаё и участвовал в штурме замка Инуи в провинции То:то:ми, добыв голову врага [Mikawa... 1974, p. 131]. В 1581 г. во время штурма замка Такатэндзин в То:то:ми⁸ Тадатака вновь отличился: он ранил мечом вражеского военачальника Окабэ Мотонобу (Наганори, ?–1581), а Хонда Мондо, воин из отряда его старшего брата Тадаё, сразил Окабэ [Ibid., p. 136]. Позднее Тадатака также доблестно

⁵ *Каниэ но ситихон яри* 蟹江の七本槍.

⁶ Выступление приверженцев Истинной школы Чистой земли (ветвь Хонгандзи) против Мацудайра (Токугава) Иэёсу.

⁷ О матерях остальных шести братьев и двух сестёр Тадатака ничего неизвестно.

⁸ Замок Такатэндзин тогда принадлежал дому Такэда, был захвачен после долгой осады.

сражался при штурме замка Ивао в уезде Саку провинции Синано во 2-й луне 11-го года Тэнсё: (1583 г.)⁹ и в 1-й луне 13-го года Тэнсё: (1585 г.) в битве у Аики 相木 в Синано. В 8-й повторной луне того же года Тадатака вместе с братом Тадаё был в войске Токугава, подступившем к Уэда, замку-резиденции Санада Масаюки (уезд Тийсагата провинции Синано). В результате искусной обороны замка Санада Масаюки армия Токугава вынуждена была отступить. Во время отхода О:кубо Тадаё и Тадатака, находясь в арьергарде, сдерживали отряды Санада, преследовавшие войско [Mikawa... 1974, p. 151–153; Kansei... 1923, p. 847].

Тадатака был назначен на должность *ояри бугё*:¹⁰ во время зимней Осакской кампании в 1614 г. Участвовал и в летней Осакской кампании в 1615 г.¹¹ Когда в 1613 г. умер Тадаканэ, его племянник, сын О:кубо Тадасукэ, Тадасукэ просил младшего брата стать его наследником и владельцем замка Нумадзу и земель, приносивших доход в 20 тыс. *коку* риса. Однако Тадатака будто бы отказался, ответив, что не подобает наследовать владения, которые он не получил благодаря своим заслугам [Kansei... 1923, p. 794].

Позднее Тадатака получил земли с доходом в 2 тыс. *коку* риса в уезде Сайтама провинции Мусаси во владениях О:кубо Тадатика (1553–1628), своего племянника. Тадатика в 1595 г. унаследовал замок Одавара и прилегающие владения в провинции Сагами от отца Тадаё. В 1614 г. по не вполне понятным причинам занимавший высокий

⁹ Замок Ивао защищал О:и Юкиёси, подчинявшийся дому Хо:дзё:. Во время ожесточенного сражения за замок пал Ёда Нобусигэ (1548–1583), один из главных предводителей войска дома Токугава. Несмотря на упорную оборону, Юкиёси принял предложение Сибата Кацутада (1538–1593), военачальника Токугава Иэясу, и оставил крепость.

¹⁰ Во время летней Осакской кампании двое *ояри бугё*: 御槍奉行, одним из которых был Тадатака, командовали отрядами копейщиков, находясь при двух *охата бугё*: 御旗奉行 («распорядители высочайших стягов»), которые предводительствовали воинами, несшими знамена Токугава Иэясу. Знамена (*охата*) полководца поднимали боевой дух армии и обозначали местонахождение главной его ставки или его местопребывание в тот или иной момент. Впоследствии обе должности превратились в почетные звания.

¹¹ Осака фую-но дзин 大坂冬の陣 – так называемая «зимняя Осакская кампания», эпизод противостояния Тоётоми Хидэёри, наследника Тоётоми Хидэёси, и Токугава Иэясу, ставшего сёгуном в 1603 г., соперничавших за верховную власть в Японии. Осада зимой 1614 г. хорошо укрепленного Осакского замка, резиденции Хидэёри, армиями лояльных Иэясу даймё, закончилась перемирием и засыпанием внешнего рва замка. Осака нацу-но дзин 大坂夏の陣 – так называемая «летняя Осакская кампания» (1615 г.), ее итогом стало падение Осакского замка и дома Тоётоми, а также самоубийство Хидэёри и его матери Ёдогими.

пост *ро:дзю*: Тадатика, которому прежде благоволил сёгун Хидэтада, внезапно оказался в немилости. Его владения были конфискованы *бакуфу*, а сам он сослан в провинцию О:ми. По принципу коллективной ответственности опала была наложена и на многих отпрысков рода О:кубо. О:кубо Тадатака лишился земель во владениях племянника, но затем его вызвали в Сумпу и пожаловали в уезде Нуката провинции Микава земли с доходом в 1 тыс. коку риса [Kansei... 1923, p. 797, 847].

Лишь в 1625 г. О:кубо Тадамото (1604–1670), внук Тадатика, получил прощение от *бакуфу*. Представители рода О:кубо, которых коснулись репрессии *бакуфу* при жизни Токугава Иэясу, сумели восстановить свое положение и отчасти вернуть утраченные земли во второй половине 1620-х гг. в правление сёгуна Токугава Иэмицу (1604–1651, сёгун с 1623 г.) [Taniguchi 2011, p. 43, 44].

Отношение *бакуфу* к Тадатака также переменилось. В 1626 г. он сопровождал Токугава Иэмицу во время его визита в Киото. В 25-й день 6-й луны 9-го года Канъэй (1632 г.) Тадатака был назначен *охата бугё*:. В 1-й день 7-й луны того же года в его подчинение были переведены один конный *до:син*¹² и 15 пеших (*асигару*) *до:син*. В 20-й день 11-й луны новым знаком милости сёгуна стало дарованное Тадатака разрешение носить одеяние *хо:и* 布衣¹³. В 26-й день 7-й луны 10-го года Канъэй (1633 г.) О:кубо Тадатака получил новое земельное пожалование с доходом в 1 тыс. коку риса в уезде Нуката в Микава. Он умер в 1-й день 2-й луны 16-го года Канъэй (1639 г.) на 80-м году жизни. У Тадатака было пять дочерей и четыре сына, а его наследником стал старший сын Тадана 忠名 [Kansei... 1923, p. 847, 848].

Японский филолог Кю:содзин Хитаку (1909–2012) допускал правдивость сообщений о том, что О:кубо Тадатака до 60 лет будто бы не знал грамоты, а затем стал усердно учиться [Куйсоjin 1970, p. 34]. В то же время Сайки Кадзума (1909–1988) считал, что Тадатака вовсе не был грубым, неотесанным воином, но с давних пор упражнялся на поприще литературы и был начитан. Наконец, он проявляет определенное мастерство, используя стиль устной речи в *Микава моногатари*. Ученый отмечал, что супругой О:кубо Тадакадзу, отца Тадатака, была дочь Правого министра Сандзё:ниси Кинъэда, который в свою

¹² *До:син* 同心 – в эпоху Эдо низкоранговые воины.

¹³ *Хо:и* 布衣 – в эпоху Эдо одноцветное, без узоров платье *каригину*, одеяние воинов.

очередь был старшим сыном Сандзё:ниси Санэтака, известного литератора, поэта и каллиграфа. Кинъэда также проявил себя как способный литератор и поэт. Вероятно, Тадатака должен был получить определенное образование в детские годы [Saiki 1974, p. 642, 643]¹⁴. Со своей стороны, Коикэ Ёсиаки усомнился в достоверности сведений из *Кансэй тё:сю: сёкафу* о том, что жена отца Тадатака была дочерью Сандзё:ниси Кинъэда. Едва ли был брак между девушкой из высококородной аристократической фамилии и провинциальным незнатным воином из Микава был возможен [Koike 2000, p. 43].

Расхожее представление о неграмотности О:кубо Тадатака до 60 лет, возможно, основанное на ремарке из *Кайсю: дзадан* 海舟座談, сочинения периода Мэйдзи, уже давно оспорено. Сохранился оригинал письма О:кубо Тадатака, в котором он рассуждает о содержании одной из «песен об учении Будды» (*сяккё:ка* 釈教歌) на японском языке. Наконец, в *Микава моногатари* содержатся пространные выдержки из средневековой военной повести *Сога моногатари*, цитаты из буддийских сутр, а также критика достоверности *Синтё: ки* 信長記 («Записи о Нобунага») врача и конфуцианского ученого Одзэ Хоан 小瀬甫庵 (1564–1640). Все это свидетельствует об определенном уровне образованности [Kobayashi 1977, p. 2, 3]. Можно согласиться с тем, что, скорее всего, О:кубо Тадатака имел уровень образования, достаточно высокий для воина начала эпохи Эдо. Едва ли склонность к литературному творчеству внезапно обнаружилась у Тадатака на склоне лет. Кроме того, создание столь большого сочинения, содержащего немало аллюзий, явных и скрытых цитат из разных источников (*Сога моногатари*, *Ши цзи*, *Лунь юй* и др.) говорит о начитанности создателя *Микава моногатари*. Наконец, и сам текст памятника написан преимущественно стилем *бунго*. Между тем первая версия *Микава моногатари*, возможно, появилась в 8-м году Гэнна (1622 г.), когда Тадатака было уже 62 года. Для невежественного воина освоить *бунго* в столь позднем возрасте, да еще и за такой короткий срок (примерно за два года) было бы весьма непростой задачей.

В *Микава моногатари*, состоящей из трех книг («свитков», «томов»), главным образом излагается история дома Мацудайра (Токугава) от Мацудайра Тикаудзи до Токугава Иэясу, основателя

¹⁴ Сайки Кадзума высказал предположение, что О:кубо Тадатака был автором еще целого ряда сочинений, однако установить их местонахождение в настоящее время не представляется возможным [Saiki 1974, p. 644].

сёгуната Токугава, при этом подчеркнутое внимание уделено заслугам наследственных вассалов из клана О:кубо в возвышении Мацудайра. Данное произведение также можно рассматривать как наставление автора О:кубо Тадатака своим потомкам.

В земле Микава находились исконные владения дома Мацудайра, которому служил клан О:кубо. Кроме того, в источниках периода Сэнгоку удельных князей могли обозначать не личными именами или фамилиями, а топонимами – названием провинции или уезда, которые составляли главную часть их владений, или же названием их замка-резиденции. Скорее всего, в названии сочинения О:кубо Тадатака провинция Микава является синонимом дома Токугава (Мацудайра), и соответственно его можно трактовать как «Повесть о доме Мацудайра».

Подобно «Записям о князе Нобунага (*Синтё:-ко: ки* 信長公記) кисти О:та Гю:ити 太田牛一 (1527–1613), вассала Ода Нобунага, *Микава моногатари* не тиражировалась ксилографическим способом в эпоху Эдо и копировалась в виде рукописей. Помимо автографа кисти О:кубо Тадатака, озаглавленного *Микава моногатари*, сохранилось более 20 копий, различающихся по объему текста и имеющих другие наименования: *О:кубо Хикодзэмон хикки* 大久保彦左衛門筆記 («Записи О:кубо Хикодзэмон»), *О:кубо Тадатака дзики* 大久保忠教自記 («Собственные записи О:кубо Тадатака»), *Микава ки* 三河記 («Записи о Микава»), *Микава ки тайдзэн* 參河記大全 («Полные записи о Микава») и др. [Mikawa... 1965, p. 232]. В настоящее время различные списки данного памятника хранятся в библиотеке университета Тэнри, библиотеке университета Цукуба, хранилище книг и документов Сонкэйкаку бунко 尊経閣文庫, книгохранилище Хо:са бунко 蓬左文庫¹⁵, библиотеке парламента Японии и др. После Реставрации Мэйдзи появились печатные издания *Микава моногатари* (1890 г., 1898 г., 1912 г., 1943 г.). [Sengoku gunki... 1997, p. 440]. В 1965 г. *Микава моногатари* вновь была издана в «Собрании исторических источников [посвященных Токугава] Изэсу», одном из томов серии публикаций исторических источников периода Сэнгоку. Однако

¹⁵ Хо:са бунко – библиотека (архив), где хранятся ценные документы и книги, расположена в г. Нагоя, преф. Айти. Была основана в 1616 г. даймё из дома Овари Токугава, ветви династии сёгунов Токугава. Сонкэйкаку бунко 尊経閣文庫 – хранилище книг и документов, основанное даймё Маэда, владевшими в эпоху Эдо княжеством Кага. Сейчас располагается в районе Мэгуро, Токио.

в основу изданного текста был положен не автограф, а один из списков, оригинал которого хранится в Библиотеке Кабинета министров (Найкаку бунко) [Mikawa... 1965, p. 232]. Вслед за этим в 1970 г. издательством «Бэнсэйся» в двух томах были опубликованы факсимильное издание рукописи автографа, а также ее текст, набранный типографским шрифтом, вместе с текстологическими исследованиями *Микава моногатари* [Mikawa... 1970]. Наконец, в 1974 г. в 26-м томе серии «Систематическое собрание [источников по] идеологии Японии» (издательство «Иванами») увидело свет новое академическое издание текста *Микава моногатари*, снабженное подробными примечаниями и комментарием, а также содержащее исследования содержания памятника [Mikawa... 1974].

Сам автограф, согласно заветам О:кубо Тадатака, передавался среди его потомков, пока в 1880 г. при посредничестве видных государственных деятелей периода Мэйдзи Кацу Кайсю: (1823–1899) и Ямаока Тэссю: (1836–1888) его не купил дом Токугава. Во время визитов императора Мэйдзи в резиденцию дома Токугава, ему часто показывали рукопись *Микава моногатари* [Kuyūsojin 1970, p. 10]. В 1934 г. рукопись была возвращена дому О:кубо, а в 1938 г. она снова сменила владельца – О:кубо Тоёхико передал ее известному политику, коллекционеру произведений искусства, документов и книг Хосака Дзюндзи 保坂潤治 (1875–1963). В 1940 г. автограф *Микава моногатари* получил официальный статус «важного произведения искусства». Впоследствии рукопись была приобретена Такэмото Тё:дзабуро: 竹本長三郎, главой компании по производству кунжутного масла и поверхностно-активных веществ (сурфактантов)¹⁶ [Saiki 1974, p. 627]. В 1974 г. автографу был присвоен статус «важного культурного достояния» (дзю:ё: бункадзай 重要文化財), в настоящее время он находится в хранилище книг и документов *Хонокуни бунко* 穂久邇文庫 (г. Тоёкава, преф. Айти)¹⁷.

Микава моногатари написана «смешанным» стилем (кандзи кана *мадзири бун*) – иероглифами и знаками азбук *хирагана* и *катакана*¹⁸.

¹⁶ Головной офис компании TAKEMOTO OIL & FAT CO.,LTD расположен в г. Гамагори в преф. Айти.

¹⁷ В этой библиотеке хранится один из списков *Гэндзи моногатари*, датируемый концом эпохи Камакура.

¹⁸ В I и II свитках наряду с иероглифами преимущественно применяется *катакана*, в третьем – в основном *хирагана*.

Автор проставил чтение многих иероглифов с помощью *фуригана*. Данное произведение – интереснейший источник по истории японского языка конца эпохи Муромати – начала эпохи Эдо. В тексте встречается множество старинных, редких и сложных по начертанию знаков, которые автор, скорее всего, находил в словарях, а также нередко даются нестандартные варианты чтения иероглифов. Иероглифические написания одних и тех же слов и топонимов в *Микава моногатари* далеко не всегда унифицированы. Кроме того, отмечается ошибочное использование некоторых графем [Nakada, Hayashi 1970, p. 50; Ōtsuka 1974, p. 651; Utsunomiya 2001, p. 1]. В памятниках эпохи Муромати и начала эпохи Эдо как правило отсутствуют (или встречаются лишь в незначительном количестве) знаки *нигоритэн*, однако в *Микава моногатари* они проставлены практически везде (за исключением «заветов» О:кубо Тадатака потомкам в конце свитка III) [Ōtsuka 1974, p. 650, 651]. Тадатака при написании текста ориентировался на модели старописьменного («книжного») языка *бунго*, однако в различных местах текста (в прямой речи действующих лиц) присутствуют и формы живой устной речи, пишет О:цука [Ibid., p. 655]. Основным для текста *Микава моногатари* с точки зрения лексики и словоупотребления является стиль *бунго*, частично используется и стиль устной речи, соглашается Уцуномия [Utsunomiya 1994, p. 222].

Три свитка («книги», «тома») автографа *Микава моногатари* дошли в трех тетрадах, обернутых в тёмно-синие бумажные обложки, формат бумажного листа рукописей *хансибан* 半紙判, брошюровка *фукуро тодзи*. Первый (70 листов) и второй (36 листов) свитки написаны черными чернилами на бумаге *гампи*¹⁹ с примесью луба шелковицы, третий свиток (99 листов) – на бумаге *гампи*. Рукописи помещены в двойной ящик. В каждой из трех тетрадей красными и черными чернилами проставлены синтаксические знаки, знаки *каэритэн*, *фуригана* и др. (в третьем свитке – только черными чернилами). Первый и второй тома имеют вид «чистовиков». В третьем томе много исправлений, следов соскабливания иероглифов, приписок, он имеет незавершенный, «черновой» вид [Saiki 1974, p. 627]²⁰.

Списки *Микава моногатари* имеют отличия от автографа, одним из которых является текст введения (зачина) в начале первого свитка.

¹⁹ Гамписи 雁皮紙 – бумага из волокон коры викстреми.

²⁰ Подробное палеографическое описание рукописи автографа *Микава моногатари* см.: [Kūyōjin 1970, p. 10–13].

В списках-копиях отсутствуют сложные и редкие иероглифы, а также старинные формы начертания знаков, особенные *атэдзи* 宛字 (графемы, употребленные фонетически), часто встречающиеся в автографе. В копиях соответствующие слова написаны знаками азбуки. Во всех списках повествование обрывается на моменте падения дома Тоётоми, отсутствует вторая половина третьего свитка – рассказ об инциденте *охата кудзурэ* 御旗崩れ, фрагменты текста, в которых Тадатака изливает свои обиды, а также его поучения детям. Почти во всех копиях нет предисловия и послесловия в первом и третьем свитках, а также послесловия во втором свитке. По-видимому, списки-копии отражают черновую, первоначальную версию автографа, однако воспроизводят ее не в точности [Saiki 1974, p. 629, 631]. Кроме того, в более ранних списках *Микава моногатари*, появившихся до автографа, отсутствуют заимствования из *Сога моногатари* и других источников, в частности буддийских сутр, нет и ссылок на *Лунь юй* и *Ши цзи*. Следовательно цитаты и ссылки О:кубо Тадатака включил на финальном этапе работы ради украшения текста [Koike 2000, p. 42].

О:кубо Тадатака в колофонах в конце каждого из трех свитков *Микава моногатари* поставил три даты, которые, вероятно, должны были обозначить время их записи (или же завершения работы над ними). В конце свитков I и II указаны одинаковые даты – 8-й год девиза правления Гэнна (1622 г.), старшего брата Воды и Собаки, 4-я луна, 11-й день, а также под именем автора (О:кубо Хикодзаэмон-но дзё:) стоит личная монограмма (ропись, *као*: 花押) Тадатака [Mikawa... 1974, p. 70, 108]. В конце свитка III вместе с монограммой Тадатака и его именем (О:кубо Хикодзаэмон) также стоит 8-й год девиза правления Гэнна, но без указания циклических знаков, указан другой месяц – 6-я луна, и не обозначен день [Ibid., p. 212]. Таким образом, все три свитка, согласно авторским колофонам, датируются 1622 г.

Вместе с тем в колофоне свитка II фигурируют «нынешний Великий министр его светлость Хидэтада», а также «нынешний сёгун, его светлость Иэмицу» [Mikawa... 1974, p. 108]. Между тем Токугава Иэмицу был назначен императором на должность сёгуна в 27-й день 7-й луны 9-го года Гэнна (1623 г.), а Хидэтада был удостоен поста Великого министра (*Сё:коку* 相国) в 12-й день 9-й луны 3-го года Канъэй (1626 г.) [Saiki 1974, p. 638]. В свитке III упоминается о разжаловании и последующей ссылке в Акита Хонда Масадзуми (1565–1637): его вместе с его отцом Хонда Масанобу (1538–1616)

Тадатака считал виновниками опалы своего племянника О:кубо Тада-тика в 1614 г. Тадатака пишет, что Масадзуми препоручили «господи-ну Сатакэ», а усадьба, в которую поместили Масадзуми, была обнесена изгородью и окружена рвом [Mikawa... 1974, p. 211]. Последнее событие, согласно дневнику одного из современников, имело место в повторной 4-й луне 3-го года Канъэй (1626 г.) [Takagi 1970, p. 40, 41]. Все это недвусмысленно говорит о том, что окончательно текст памятника сформировался позднее заявленных Тадатака временных рамок. Вместе с тем данное сочинение, по-видимому, было дописано до смерти Токугава Хидэада в 1632 г. [Ibid., p. 41]. Коикэ склонен считать, что окончательно текст памятника сформировался к середине 8-го года Канъэй (1631 г.), незадолго до смерти Токугава Хидэада в 1-й луне 9-го года Канъэй [Koike 2000, p. 31].

Кю:содзин Хитаку, изучивший рукопись автографа, пришел к выводу, позднее поддержанному и другими учеными, что выше-указанные датировки в колофонах свитков I и III создатель *Микава моногатари* надписал поверх первоначально поставленных знаков, которые были соскоблены и исправлены. Кроме того, Тадатака стер и поменял в колофонах и свои монограммы. Чтобы воссоздать изначально указанные Тадатака, но затем по не совсем понятной причине соскобленные цифры, Кю:содзин попытался разглядеть и реконструировать едва различимые черты стертых знаков. Кроме того, он обратился к *О:кубо Тадатака дзики*, одной из копий *Микава моногатари*, хранящейся в библиотеке университета Цукуба (бывший Токийский педагогический университет). В данном списке в колофоне свитка I указана совсем иная датировка: 18-й день 7-й луны 2-го года Канъэй (1625 г.), года младшего брата Дерева и Быка. В колофоне свитка II обозначена следующая дата: 28-й день 9-й луны 2-го года Канъэй (1625 г.) [Kuysojin... 1970, p. 30–32]. Между тем *О:кубо Тадатака дзики* из двух свитков, возможно, являются копией версии текста *Микава моногатари*, более ранней, чем дошедший до нас автограф. Следовательно, первые два свитка вначале были датированы 2-м годом Канъэй (1625 г.), и Тадатака позднее переставил знаки в колофоне автографа, указав более раннюю дату – 8-й год Гэнна (1622 г.).

Наконец, свиток III также был создан позднее. Кю:содзин в результате реконструкции соскобленных с листа рукописи автографа знаков определил первоначальную версию даты в колофоне – 10-й день

6-й луны 3-го года Канъэй (1626 г.), года старшего брата Огня и Тигра [Kyūsojin... 1970, p. 33].

Почему О:кубо Тадатака поменял знаки в колофонах и намеренно датировал свитки своего сочинения 8-м годом Гэнна (1622 г.)? В 7-й луне 9-го года Гэнна (1623 г.) новым сёгуном был утверждён Токугава Иэмицу, не причастный к опале, наложенной на род О:кубо в 1614 г. Иэмицу «реабилитировал» впавших в немилость родственников Тадатака и проявлял подчеркнутое уважение к нему самому. Согласно правдоподобному предположению Коикэ, автор *Микава моногатари* хотел показать, что явные и завуалированные упреки в адрес «немилостивых» сюзеренов его клана не адресованы Иэмицу. Соответственно недовольство Тадатака оказывается направленным против Токугава Иэясу и Токугава Хидэтада, а Иэмицу, ставший сёгуном после 8-го года Гэнна, из-под «критики» выведен [Koike 2000, p. 30].

Несмотря на то что в колофонах в автографе Тадатака изначально указал 2-й и 3-й годы Канъэй, а затем заменил их на 8-й год Гэнна во всех трех томах своего труда, скорее всего, первый набросок *Микава моногатари* был составлен к 8-му году Гэнна. Неслучайно именно эта датировка стоит в целой группе копий, в том числе в списке, хранящемся в Хо:са бунко. В период между 1622 г. и 1626 г. О:кубо Тадатака продолжал редактировать, дополнять и совершенствовать текст, вписывая новые цитаты из различных сочинений, насыщая текст редко употреблявшимися иероглифами; он также добавил краткие «послесловия» в конце каждого из томов своего произведения [Saiki 1974, p. 639].

Даже если «черновой вариант» *Микава моногатари* уже был готов в 1622 г., едва ли Тадатака создал его за один год, по-видимому, ему потребовалось для этого более длительное время. Нельзя исключать, что начало работы Тадатака над книгой можно отнести к более раннему периоду – возможно, часть третьего свитка, представляющая собой рассказ Тадатака об инциденте со знаменем Токугава Иэясу во время летней Осацкой кампании, была записана «по горячим следам» уже в 1615 г. Поводом для создания первого наброска *Микава моногатари*, вероятно, состоявшего лишь из двух свитков (многие списки содержат лишь два тома, а не три, как автограф), могла также послужить внезапная опала О:кубо Тадатака в 1614 г. и последовавшие репрессии бакуфу в отношении представителей клана О:кубо.

Таким образом, время создания первоначального варианта *Микава моногатари* можно гипотетически отнести к 1615–1622 гг.

В начале свитка I *Микава моногатари* встречаются длинные и короткие цитаты из военной повести *Сога моногатари* («Повесть о братьях Сога», окончательное складывание текста относят к эпохе Муромати). Фразы из этого памятника также содержатся в свитке III. Высказывалось мнение о том, что Тадатака при цитировании использовал список *Сога моногатари* из храма Бампо:дзи 万法寺 [Nakada, Hayashi, 1970, p. 47]. Сайки Кадзума более осторожен: трудно определить, из какой именно версии «Повести о братьях Сога» Тадатака взял фрагменты текста [Saiki 1974, p. 634]. Яманиси Акира допускает, что автор *Микава моногатари* мог обратиться к ксилографическим изданиям *Сога моногатари*, опубликованным к середине 1620-х гг. и, скорее всего, включил в свое сочинение отрывки из одной из копий, записанной слоговой азбукой (*канабон* 仮名本) [Yamanishi 1976, p. 68, 69].

О:кубо Тадатака во введении к свитку I, послесловиях к свиткам I, II, III завещал рукопись своего труда детям и наказывал не выносить книгу «за ворота» [Mikawa... 1974, p. 13, 70, 71, 108, 109, 212]. Однако, вероятно, еще до окончания работы над текстом «Повести» Тадатака отдавал ее на копирование, о чем могут свидетельствовать сохранившиеся копии, воспроизводящие ранние версии памятника.

Как уже было сказано, в центре внимания автора «Повести» – история рода Токугава (Мацудайра), неотделимая для него от истории преданной службы рода О:кубо. Повествование в основном построено по хронологическому принципу – от более ранних к более поздним событиям, хотя иногда он нарушается. В начале сочинения Тадатака в отрывке, по-видимому, заимствованном из *Сога моногатари*, говорит о том, что Япония берёт начало от божества Куни-но токотати-но микото, родившегося первым после разделения Неба и Земли, упоминает о богах небесных и земных, о государе Дзимму. Далее кратко излагается история родов Тайра и Минамото, отмечается их происхождение от отпрысков династии *тэнно*: [Mikawa... 1974, p. 14–18]. Однако все эти сведения нужны Тадатака для того, чтобы обозначить генеалогическую связь дома Мацудайра с родом Нитта, ветвью Минамото (Сэйва Гэндзи). В *Микава моногатари* император и его двор, как и сёгуны Асикага эпохи Муромати, по большей части остаются вне поля зрения. Тадатака лишь кратко останавли-

вается на изгнании сёгуна Асикага Ёсиаки из Киото в 1573 г. История правления Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси изложена весьма сжато и отрывочно, и скорее служит фоном для описания истории дома Мацудайра и деяний Токугава Иэясу.

Содержание *Микава моногатари* таково:

Свиток I. Рассказ о предках Токугава Иэясу; связь родословной Иэясу с историей рода Минамото (Сэйва Гэндзи); деяния Киёясу, деда Иэясу и седьмого главы рода Мацудайра, его гибель в походе против Ода Нобухидэ от меча собственного вассала; продолжение войн против Ода Нобухидэ при Хиротада, сыне и преемнике Киёясу; изгнание Хиротада из замка Окадзаки его дядей Мацудайра Нобусада, бегство Хиротада в землю Исэ и его последующее возвращение в Окадзаки благодаря поддержке рода О:кубо и других вассалов; войны между Ода Нобухидэ и Мацудайра Хиротада; похищение юного Такэтиё (Токугава Иэясу), сына Хиротада, посланного в качестве заложника в княжество Имагава, и его передача Ода Нобухидэ; смерть Мацудайра Хиротада.

Свиток II. Повествование о войне Имагава Ёсимото с Ода Нобухидэ, захват Тайгэн Сэссай, полководцем Имагава, замка Андзё: и пленение Ода Нобухиро, сына Нобухидэ, обмен Нобухиро на Такэтиё (Токугава Иэясу); прохождение обряда *гэмпуку* и первый военный поход Мацудайра Мотоясу (Токугава Иэясу), вассала Имагава Ёсимото; битва при Окэхадзама (победа Ода Нобунага над Имагава Ёсимото), отпадение Мацудайра Мотоясу от дома Имагава и его борьба за подчинение Микава; восстание *Икко:-икки* в Микава и его усмирение Токугава Иэясу; войны Иэясу с Имагава Удзидзанэ, раздел между Такэда Сингэн и Токугава Иэясу удела Имагава, завоевание Иэясу провинции То:то:ми; участие Иэясу в походах Нобунага против домов Адзай и Асакура; изгнание Ода Нобунага сёгуна из Киото, сожжение монастыря Энрякудзи по приказу Нобунага; критика *Синтё: ки* Одзэ Хоан.

Свиток III. Войны Токугава Иэясу с Такэда Сингэн и Такэда Кацуёри, битва при Микатагахара, битва при Нагасино; *сэмпуку* Токугава Нобуясу; захват замка Такатэндзин в То:то:ми, завоевание Ода Нобунага и Токугава Иэясу удела Такэда; гибель Ода Нобунага в монастыре Хонно:дзи, возвращение Токугава Иэясу из Сакаи в Микава; завоевание Иэясу провинций Каи и Синано, война с Хо:дзё: Удзинао,

заклучение мира между Иэясу и Удзинао; противостояние Тоётоми (Хасиба) Хидэёси, победа Иэясу в сражении при Комаки-Нагакутэ; признание Иэясу верховной власти Хидэёси, осада замка Одавара и падение дома Хо:дзё.; пожалование Тоётоми Хидэёси нового удела Токугава Иэясу в области Канто.; смерть Тоётоми Хидэцугу; битва при Сэкигахара, зимняя Осацкая кампания, описание инцидента *охата кудзурэ* во время летней Осацкой кампании; смерть Токугава Иэясу; наставления О:кубо Тадатака детям.

Микава моногатари безусловно нельзя назвать автобиографией О:кубо Тадатака, хотя пространные фрагменты из свитка III носят автобиографический характер. Источники информации, которые привлек Тадатака при создании своего труда, – это прежде всего его собственные воспоминания и, возможно, в отдельных случаях какие-то записи, сделанные через некоторое время после описываемых событий, рассказы, услышанные им от отца и старших братьев, а также от других вассалов Токугава. Тадатака стал опытным воином и со знанием дела описывает сражения, осады замков и военные действия. Однако автор *Микава моногатари* не мог быть очевидцем событий, происходивших до 1575 г., когда он поступил на службу Токугава Иэясу. Кроме того, он обращался к письменным источникам – военным повестям (*Сога моногатари*), хроникам (в частности, к *Мацудайра ки* 松平記, «Записям о Мацудайра», начало XVII в.), цитировал классические китайские памятники и буддийские сутры. Он не вел дневниковые записи подобно О:та Гю:ити, поэтому в *Микава моногатари* гораздо меньше хронологических маркеров, чем в *Синтё:-ко: ки*, а имеющиеся не всегда точны и надежны. В то же время О:кубо Тадатака и его старшие родственники, являясь наследственными вассалами дома Токугава «средней руки», все же были неплохо осведомлены о его внутренних делах, на постоянной основе взаимодействовали с высокопоставленными вассалами дома Токугава, а в некоторых случаях и с самим Токугава Иэясу. Именно поэтому в *Микава моногатари* есть уникальные сведения, не содержащиеся даже в аутентичных документах, письмах и дневниках периода Сэнгоку, обычно считающихся более достоверными источниками. При этом сообщения *Микава моногатари*, разумеется, нуждаются в верификации. Тадатака, как и О:та Гю:ити, стремится убедить читателя, что его труд полностью правдив, а сам он беспристрастен, не выгораживает и не выставляет

в книге в выгодном свете себя и свой клан [Mikawa... 1974, p. 109, 212]. Однако, естественно, как и любой историк, Тадатака был не беспристрастен. Уже в самом отборе материала, в оценках исторических деятелей и различных действующих лиц проявляется его точка зрения наследственного вассала дома Токугава, отчетливо видны его симпатии и антипатии.

Бесспорно, диалоги героев в *Микава моногатари* – это как правило не запись действительно произнесенных ими речей, ведь Тадатака просто не мог присутствовать при тайных совещаниях, семейных беседах и т.п. В большинстве случаев прямая речь в *Микава моногатари* задействуется как литературно-художественный прием для придания большего драматизма повествованию, указывал Сайки Кадзума, отмечая, что *Микава моногатари* – не только исторический источник, но и в определенной мере литературное произведение [Saiki 1974, p. 647]. Однако нельзя исключать того, что в эпизодах, рассказывающих о деяниях самого Тадатака и отпрысков рода О:кубо, в общем виде передается действительное содержание речей или по крайней мере реальное настроение действующих лиц в конкретный момент времени.

История дома Токугава, тесно переплетенная с историей верной службы рода О:кубо, по замыслу О:кубо Тадатака, должна была иметь как коммеморативную, так и дидактическую функции. Тадатака стремился запечатлеть в своем сочинении историю возвышения Токугава (Мацудайра) и славные деяния отпрысков своего рода, сыгравших большую роль в этом возвышении. Потомки Тадатака должны были, читая *Микава моногатари*, помнить о давней и крепкой связи их господ и их рода и продолжать преданную службу своим наследственным повелителям, не отрекаясь от них ни при каких обстоятельствах (Тадатака прямо призывает их к этому [Mikawa... 1974, p. 205]). Тадатака также, возможно, фиксировал в *Микава моногатари* идеальную модель наследственной службы не только для своих потомков, но и для других воинов. Заключительная часть свитка III содержит наставления и поучения Тадатака своим детям.

Наконец, фиксация подвигов и свершений представителей рода О:кубо в *Микава моногатари*, вероятно, должна была стать напоминанием о больших заслугах О:кубо, укором, адресованным дому Токугава, не воздавшему сполна за многолетнюю безупречную службу, способствовать восстановлению прежних позиций О:кубо и воз-

вращению владений, потерянных в результате опалы О:кубо Тадатика в 1614 г. Не исключено, что Тадатака рассчитывал на то, что сёгун Токугава Иэмицу ознакомится с его книгой, хотя неизвестно, оправдались ли его надежды [Taniguchi... 2011, p. 56, 57].

В заключение необходимо отметить, что *Микава моногатари* – ценный и разноплановый источник по политической и военной истории Японии периода Сэнгоку и начала эпохи Эдо, который может быть также использован для изучения духовного мира, мировоззрения, ценностей и норм поведения самураев, и в равной степени для исследования развития японского языка и литературы на рубеже Средневековья и Раннего Нового времени.

Перевод отрывка из свитка II *Микава моногатари* на русский язык осуществлён по комментированному изданию текста автографа *Микава моногатари*, опубликованному в 1974 г. издательством Иванами [Mikawa... 1974, p. 95–109]. Основное содержание данного фрагмента памятника составляет рассказ о войнах Токугава Иэясу с даймё Имагава Удзидзанэ (1538–1614) за земли провинций Микава и То:то:ми, а также об участии Иэясу в военных походах Ода Нобунага.

***Микава моногатари* («Повесть о Микава») Фрагмент свитка II**

После того [его светлость] соблаговолил наложить [свою] руку на восток Микава, замки в Западном уезде²¹ соблаговолил скрытно захватить [ночью], сразив Удоно Нагамоти, соблаговолил взять живыми [в плен] двух [его] детей²².

Меж тем его светлость Такэтиё²³ [Иэясу] соизволил [ранее] оставить в Суруга; [Иэясу] стал врагом [Имагава Удзидзанэ], оттого его светлость Такэтиё поносили: «Убьём сейчас; убьём потом; сегодня;

²¹ Уезд Хои провинции Микава (юго-восток преф. Айти).

²² Речь идёт об Удоно Нагатэру (?–1562), вассале дома Имагава и владельце замка Каминога: в Микава. Нагамоти (?–1557) был его отцом. Дети Нагатэру – Удоно Удзинага (1549–1624) и Удоно Удзигугу [Sengoku jinmei jiten 2006, p. 149]. В данном отрывке говорится о событиях 1562 г. – Иэясу (тогда носивший имя Мацудайра Мотоясу) выдал похвальную грамоту воину Томоно Ёситиро., убившему Нагатэру, датировав её 6-м днём 2-й луны 5-го года Эйроку (1562) [Aichi kenshi 2004, № 189, p. 94].

²³ Нобуясу, старший сын Токугава Иэясу, которому на тот момент было пять лет.

завтра», – но [приходился он] внуком господину Сэкигути Гё:бу-но сё:²⁴ и потому не убили. Однако же Исикава Хо:ки-но kami²⁵ сказал: «Коли малый летами молодой господин будет убит один, никого не будет вместе с ним, и люди подумают, что [ему] должно быть одиноко. Но я явлюсь и буду спутником [его светлости] в [его] последний час». Сказав так, отбыл в Суруга – среди благородных и низкорощенных, верхов и низов не было тех, кто бы не восхищался [Исикава].

Меж тем, когда [из Суруга] передали: «Обменяем заложника на сыновей Удоно Нагамоти», – и верхи, и низы, весь люд безмерно обрадовался; сказав: «Что ж, коль так», – [его светлость Иэясу] соблаговолил обменять [заложников]. Тогда Исикава Хо:ки-но kami сопровождал [молодого господина], [его светлость Такэтиё] прибыл в Окадзаки. И верхи и низы, весь люд, один за другим выходили навстречу, Исикава Хо:ки-но kami сбрил большие усы [в виде] знака «восемь», усадил молодого господина у передней луки седла; [его светлость Такэтиё вместе с Исикава], поднявшийся на Нэндзихара и ехавший [верхом] мимо, выглядел великолепно – «Верно никакое зрелище с этим не сравнится», – глядя [на него], говорили [люди]. «Ну не тупица ли Удзидзанэ. Поменять его светлость Такэтиё на [сыновей] Удоно. Что за болван», – говорил [народ]²⁶. После того [его светлость Иэясу] воевал без [всяких] опасений, напал на [замки] Усикубо и Ёсида, в непрерывных схватках все [его вассалы] бились, не щадя себя. И вот уже взяв замок Нагасава, напротив [замков] Усикубо и Нода в Итиномия [Иэясу] соблаговолил возвести форт. И [Удзидзанэ] из Суруга в Саваки и Явата возвёл форты, главными замками сделал Ёсида и Усикубо.

Тем временем Удзидзанэ собрал войско [земель] Суруга и То:то:ми, под стягом [Имагава] в Усикубо было около 10 тыс. [воинов]. [С войском] больше 5 тыс. [человек] напали на Итиномия, с [армией из] примерно 3 тыс. воинов, [его светлость Иэясу] прибыл на подмогу. «Удзидзанэ, коль ты муж, выйди и сразись [со мной]», – сказал [он],

²⁴ Сэкигути Удзихиро (Удзидзуми, Удзинага) – вассал дома Имагава, чья дочь стала женой Токугава Иэясу (Цукияма доно, ?–1579) и матерью Нобуясу.

²⁵ Исикава Кадзумаса (? – 1592), вассал дома Мацудайра (Токугава).

²⁶ Согласно некоторым источникам, матерью Удоно Нагатэру была младшая сестра даймё Имагава Ёсимото, соответственно, сам он доводился Имагава Удзидзанэ двоюродным братом, а двое его сыновей были его племянниками [Honda 2010, p. 33]. Возможно, этим и объясняется «неравный», на первый взгляд, обмен, на который решился Удзидзанэ.

с войском из примерно 3 тыс. [человек] соблаговолил выдвинуться [в район] между Явата и Саваки. Вышел на Хонногахара, соблаговолил прорваться через позиции [армии] Удзидзанэ, смел штурмовавших Итиномия, той ночью соблаговолил разместить ставку в форте. Когда рассвело, [его светлость Иэясу] вышел на прежнюю дорогу и соблаговолил [по ней] двинуться, но Удзидзанэ не смог [с войском на него] пойти. «Отход [войска] из Итиномия», – так называли [это люди], так говорила молва в Микава.

После того напали на Явата, Усикубо, Гои²⁷, на плато к востоку от Гои вступили в битву, сражались ожесточенно, бились [так яростно], что [от клинков] сыпались искры. Когда уже людей Гои вот-вот должны были разгромить, из Окадзаки соблаговолил быстро примчаться верхом его светлость повелитель, и потому, разгромив врага, сразили многих, продвинулись до Явата, пустив огонь, [его светлость Иэясу] отошел назад. Его светлость повелитель, не ведая, что враг вышел [из замка], соблаговолил выступить, чтобы напасть на Саваки, – хорошее стечение обстоятельств. Когда [Иэясу] соизволил напасть на Явата, из Нирэнги, Усикубо, Саваки, Явата к Катасака вышли [враги], завязали сражение. Вскоре [войско] было разгромлено, убили Итакура Дандзэ: и [его] зятя Итакура Мондо. Кроме того, оставили и форт в Явата, и форт в Саваки²⁸.

Меж тем, когда [его светлость] возвел форты напротив Косакаи, Ёсида и Усикубо, Макино Синдзиро:²⁹ из Усикубо [ему] покорился. Кроме того, Ситара³⁰, когда среди людей востока Микава ни один не покорился [его светлости], самым первым среди других явил предан-

²⁷ Гои – уезд Нуката провинции Микава.

²⁸ Итакура Дандзэ: и Мондо – вассалы Имагава Удзидзанэ. Данное событие датируется в *Мацудайра ки* 29-м днём 9-й луны 5-го года Эйроку (1562). Согласно этому источнику, из крепостей Саваки и Явата вышли с войском Итакура Дандзэ: и Мондо, разбили и заставили отступить отряды Мацудайра, а после стали их преследовать. Несмотря на победу, оба военачальника Итакура погибли. После этого силы Имагава оставили форты в Явата и Саваки [Matsudaira ki 2014, p. 106]. Датировка из *Мацудайра ки* подтверждается похвальными грамотами Имагава Удзидзанэ, выданными вассалам за доблесть, проявленную во время битвы у Явата в 29-й день 9-й луны 5-го года Эйроку. Документы, по-видимому, свидетельствуют о поражении Иэясу и чувствительных потерях его армии [Aichi 2004, №250–256, p. 116, 117].

²⁹ Макино Саданари, вассал дома Имагава.

³⁰ Здесь говорится о Ситара Садамити (1534–1596), главе клана Даминэ Суганума из уезда Ситара провинции Микава, который признал власть Иэясу в 4-й луне 4-го года Эйроку (1561 г.) [Kobayashi 2023, p. 90].

ность. Меж тем со всех сторон [были] враги, от Окадзаки было довольно далеко, потому [он] покинул замок-резиденцию, и ведя [за собой] жену и детей, вошел в Окадзаки и стал жить [там]. Среди самураев земли на востоке Микава Ситара был первым, следом за ним [явил] преданность Сайго:. Затем Суганума Симпатиро: из Нода³¹, Сираи из Гэдзё:³² приняли сторону [его светлости Иэясу].

Тем временем Тода Тамба-но kami из Нирэнги вступил в тайные сношения [с его светлостью], и чтобы выкрасть заложника из Нирэнги часто ходил в Ёсида, играл в *сугороку* с управителем замка³³, усыпил [его] бдительность, после этого нагрузил на спину [слуги] большой китайский сундук на ножках, в него поместил всевозможные вещи, и вошел [с ним] в ворота [замка] Ёсида. Сказав: «Стража, осмотрите это. Подозрительных вещей нет», открыл [сундук] и показал [содержимое]. «Нет, не нужно [осматривать]», – ответили [стражники], «Но [потом] снова вернем обратно этот китайский сундук, поэтому соизвольте пропустить. Коли будут [с вашей стороны] подозрения, я буду в [этом] замке, потому соизвольте известить. Приду и покажу [содержимое]», – сказал [Тамба-но kami]. «Этого не нужно. Поняли», – ответили [стражники]. «Извольте хорошенько запомнить сей китайский сундук», – сказал [Тамба-но kami], и, как всегда, сыграл в *сугороку* с управителем замка, пока, шумя, забавлялись, [все] приготовив, поместили туда старую мать, нагрузили [сундук] на спину [слуги] и пошли, [не встретив] никаких препятствий, выкрали [мать]; подав [условленный] знак, оставили [сундук], явился отрок,

³¹ Сайго: – Сайго: Масакацу (?–1562), Суганума Симпатиро: – Суганума Садамицу (1542–1604), владельцы востока Микава. Описанные события произошли в 1561 г. Имагава Удзидзанэ упоминал об измене Садамицу в одной из своих грамот, которая датируется 9-м днём 12-й луны 4-го года Эйроку (1561) [Aichi 2004, № 176, p. 88].

³² В *Мацудайра ки* подчинение клана Сираи из Гэдзё: власти Иэясу датируется 11-м годом Эйроку (1568) [Matsudaira ki 2014, p. 117].

³³ Согласно *Мацудайра ки* («Записи о Мацудайра»), в которых излагается похожий рассказ о похищении Тода Тамба-но kami Сигэсада своей матери, комендантом замка Ёсида был О:хара Сукэёси, вассал Имагава, похищение датируется летом 7-го года Эйроку (1564). Согласно этой версии истории, в сундук положили множество изящных предметов и сладостей, и Тамба-но kami, идя в замок Ёсида, поручил нести его своему старейшему вассалу (*каро*: 家老), который также стал ответственным за вынос сундука с матерью Тамба-но kami из замка, получив при этом расписку от господина (вероятно для беспрепятственного выхода за ворота) [Matsudaira ki 2014, p. 114]. Тода Сигэсада изменил дому Имагава ранее 17-го дня 5-й луны 7-го года Эйроку, эта дата стоит на похвальной грамоте Имагава Удзидзанэ, в которой упомянуто о предательстве Сигэсада [Aichi 2004, №366, p. 187].

неслышно ступая по белому гравию; вскоре [Тамба-но ками], приняв [исход игры], закончил играть в *сугороку*, встал и ушел. Вышел из ворот, [сидя] верхом на коне схватил [алебарду] *нагината*, посадил мать впереди и уехал. Поскольку условился [об этом] заранее, вассалы³⁴ прискакали верхом навстречу. Ёсида и Нирэнги расположены близко друг от друга, и потому все прошло благополучно. Столь искусное похищение заложника – несравненный [подвиг]. После того [он] принял сторону [его светлости], и потому тогда [Иэясу] пожаловал Тода Тамба-но ками [фамилию] Мацудайра, с тех пор он нарекся Мацудайра Тамба-но ками³⁵.

После того [его светлость Иэясу] подступил близко к Ёсиде и соблаговолил возвести форт. В форте Кикэндзи [был] Удоно Хатиросабуро:, остальные [командующие]: в форте Касудзука [был] Огасавара Синкуро:³⁶ форт у прохода в Нирэнги тогда удерживал Тамба-но ками. Когда [его светлость Иэясу] напал на Ситадзи³⁷, Хонда Хэйхатироси: и Макино Со:дзиро:³⁸ скрестили копья. Тогда Хатия Хан-но дзё:³⁹ немного опоздал, и потому [ему] сказали: «Хан-но дзё:, [начинается бой] копьями, торопись», – услышав [это], Хатия ответил: «Коли бьются копьями, я буду драться на мече. Досадно, коли скажут, что Хан-но дзё: вторым [скрестил] копье. Копье не принесу», – и не держал [копье]. Тогда подбежал к державшим наготове копья и зарубил двоих, пока третий – Каваи Сё:току целился из аркебузы, ...ударил мечом, Сё:току тоже был известным храбрецом, потому, не отступив, выстрелил и попал Хан-но дзё: в висок, и [тот], отступив оттуда, умер от этой раны...⁴⁰

Тем временем, когда матери [Хан-но дзё:] передали: «Господин Хан-но дзё: сражён [в бою]», – [его] мать поспешно вышла: «Неужто Хан-но дзё: пал [в бою]?». «Боюсь, что так», – ответили [ей]. «Какой

³⁴ *Ро:до*: 郎従.

³⁵ По всей видимости, автор *Микава моногатари* допустил ошибку: Иэясу даровал право носить фамилию Мацудайра не Тода Сигэсада (?–1564), владельцу замка Нирэнги (уезд Ацуми в Микава – совр. г. Тоёхаси, преф. Айти), а его племяннику и преемнику Ясунага (Мацудайра Ясунага, 1562–1633) [Mikawa... 1974, p. 98]. Однако в *Мацудайра ки* также говорится о получении Тода Сигэсада этой привилегии [Matsudaira ki 2014, p. 114].

³⁶ Огасавара Ясумото (1511–1590), вассал дома Имагава из уезда Хадзу провинции Микава, перешел на сторону Иэясу в 1564 г. [Kobayashi 2023, p. 90].

³⁷ Уезд Хо:и провинции Микава.

³⁸ Хонда Тадакацу (1548–1610), вассал Иэясу.

³⁹ Хатия Садацугу (1539–1564), вассал Иэясу.

⁴⁰ Здесь при переводе пропущен небольшой фрагмент текста.

же была [его] смерть?». «Беспримерно [доблестной]». «Вот теперь-то сердце [моё] спокойно. Коль услышала бы, что смерть Хан-но дзё: была недостойной, хоть я долго прожила – верно [всё] было бы напрасно, но [я] рада слышать, что смерть [его] была хороша. Пасть в бою – долг самурая, посему оплакивать [его] нет нужды», – сказала мать [Хан-но дзё:]. «Для женщины [такие слова] – редкость. Поистине, мать Хан-но дзё:», – говорили [люди].

Меж тем [Иэясу] вскоре передали [замок] Ёсида и отступили⁴¹. [Владельцы] Нагасино, Цукудэ, Даминэ⁴² тоже, моля о пощаде, сдались и предстали [перед ним].

Меж тем [его светлость Иэясу] договорился с Такэда Сингэн из Каи, «Иэясу пусть соизволит взять То:то:ми – до реки⁴³, я же возьму Суруга», – договорившись так, соблаговолили выступить в обе земли. [Его светлость Иэясу] с Суганума Дзиро:эмон-но дзё:, Судзуки Ивами, Кондо Нобори – с этими тремя как провожатыми в 11-й год Эйроку⁴⁴, [год] Дракона и старшего брата Земли, в 11-ю луну соблаговолил выступить в То:то:ми.

Тем временем [земля Суруга] была отнята Сингэн у Удзидзанэ, [и тот] изволил бежать в [замок] Какэгава⁴⁵. Когда его светлость

⁴¹ Согласно хронике *То:дай ки*, войско Иэясу подступило к замку Ёсида в 7-м году Эйроку (1564 г.). В 3-й луне 8-го года Эйроку (1565 г.) управитель замка О:хара Сукэеси сдал замок. После этого большая часть востока Микава покорилась Иэясу, пишет хронист [Tōdai ki 1995, p. 5].

⁴² Замком Цукудэ (уезд Ситара, Микава) владел клан Окудайра, замки Нагасино (уезд Ситара, Микава) и Даминэ принадлежали двум ветвям рода Суганума. Три этих клана вместе назывались *Ямага сампо:сю*: 山家三方衆, сам этот термин встречается в тексте *Микава моногатари*. Даминэ Суганума уже в 4-й луне 4-го года Эйроку (1561 г.) перешли на сторону дома Мацудайра, отпав от Имагава, о чем свидетельствует грамота Иэясу, адресованная Суганума Саданао и двум его родственникам, старейшинам Даминэ Суганума, в которой подтверждались права Суганума Садатада (Садаёси, ?–1582) на его исконные владения [Aichi 2004, №105, p. 61, 62]. Затем Даминэ Суганума изменили дому Мацудайра, о чём свидетельствует грамота о «помиловании», выданная Имагава Удзидзанэ Суганума Садатада в 14-й день 1-й луны 5-го года Эйроку (1562) [Aichi 2004, №181, p. 92], но впоследствии вновь приняли сторону Иэясу. Клан Цукудэ Окудайра признал власть Иэясу приблизительно во 2-й луне 7-го года Эйроку (1564 г.), о чём говорит грамота Иэясу о пожаловании земель Окудайра Садаёси, датированная 27-м днём 2-й луны 7-го года Эйроку (1564) [Aichi 2004, №352, p. 180].

⁴³ До реки Оигава в провинции То:то:ми (большая река, текущая с севера на юг по территории преф. Сидзуока).

⁴⁴ 1568 г.

⁴⁵ Уезд Огаса провинции То:то:ми (г. Какэгава, преф. Сидзуока). Удзидзанэ бежал в Какэгава в 12-й день 12-й луны 11-го года Эйроку (1568 г.) после одновременного

повелитель дошел до Инотани, [владелец замка] Футамата быстро [ему] покорился. Призвав Огасавара Синкуро:, [его светлость] Иэясу повелел: «Поскольку [он ваш] родич, ступайте в Мамусидзука⁴⁶, соизвольте привлечь [на мою сторону] Огасавара Ёхати́ро:», – тогда [Синкуро:] почтительно повиновался. После этого [он] пошел в Мамусидзука, Ёхати́ро: же, ведя заложников, шел к Акияма⁴⁷, встретившись [с ним] на дороге, [Ёхати́ро:] спросил: «Откуда и куда вы изволите идти?», – Синкуро: ответил: «Я иду к вам. Вы же, ведя [такое] множество людей, куда изволите следовать?». «Я, представ перед Акияма, намереваюсь передать заложников, [вот и] пришел сюда», – сказал [Ёхати́ро:]. «Коли так, возвращайтесь, обсудим [все меж собой]», – сказал [Синкуро:], и [уговорил его] воротиться назад⁴⁸. «Эта земля перешла под руку [его светлости] Иэясу. И вы не являйтесь к Акияма, а сколь можно скорее предстаньте перед Иэясу. Ради этого сюда и пришел», – сказал Синкуро:. [Ёхати́ро:], сказав: «Как бы то ни было замысел вашей милости вовсе не плох», – сразу же [решил] не являться к Акияма, и в сопровождении Синкуро: предстал перед Иэясу.

Его светлость повелитель соблаговолил раскинуть лагерь в Ириямадзэ, перед Какэгава. Акияма, выйдя из Синано к Атаго в земле То:то:ми, расположился лагерем в селении Мицукэ⁴⁹, старался привлечь [к себе] самураев земли [То:то:ми].

Меж тем от Иэясу передано было [высочайшее] послание. «Определено, что [граница пройдет] по [реке] О:игава, Суруга – владения Сингэн, а То:то:ми до О:игава – мои владения, но Акияма продвинулся, [перейдя через О:игава] – этому нет оправданий. Соблаговолите как можно скорее вернуть назад войско», – отрядил посланца [Иэясу], «Повинуюсь», – сказал [Акияма], отвел [войско] в Яманаси, поднялся на [плато] Сукумодагахара, прошел через долину Кавахара, прошел через Курами и Сайго:, дойдя до [горы] Саёнояма⁵⁰, вышел в Суруга.

вторжения армий домов Такэда и Токугава в его княжество. Такэда Сингэн заранее переманил на свою сторону многих вассалов Имагава в ходе тайных переговоров. В результате Удзидзанэ не смог оказать действенного сопротивления своим врагам.

⁴⁶ Уезд Огаса провинции То:то:ми.

⁴⁷ Акияма Торасигэ (1527–1575), военачальник дома Такэда.

⁴⁸ «[Уговорил] воротиться назад» – дословно «возвратил назад».

⁴⁹ Все три топонима относятся к провинции То:то:ми. Ириямадзэ, Мицукэ – уезд Ивата, Атаго – уезд Ямака.

⁵⁰ Топонимы провинции То:то:ми: Яманаси – уезд Кооти, Сукумодагахара, Курами, Сайго:, Саёнояма – уезд Огаса.

«Коли Акияма воспротивится, убью [его]», – рёк [Иэясу], но Акияма, не воспротивясь, отступил – недаром Акияма называли [человеком], искушенным в делах.

Меж тем в 11-й год Эйроку, [год] Дракона и старшего брата Земли Удзидзанэ был изгнан Сингэн из Суруга, соблаговолил бежать в Какэгава, [замок] Асахина Биттю:-но ками. Биттю:-но ками принял [Удзидзанэ], хоть и отчаянно оборонялся, [против войска Такэда] было не устоять.

Тем временем посредником Охара Бинго-но ками с давних пор был Огасавара Ёхатио:, и потому, [Охара], доверившись Ёхатио:, ведя жену и детей, бежал в Мамусидзука. Но [Огасавара], не впустив [их в замок], убил его вместе с женой и детьми всех до единого, никто не остался [в живых]. Поистине горестный и ужасный исход. «Какой же будет посмертная участь Огасавара», – изумлялись люди.

Меж тем из младших братьев Куно – Куно Садо, [Куно] Хю:га-но ками, [Куно] Дандзё:, [Куно] Авадзи, Хомма Дзю:эмон-но дзё: сказали: «Ну вот и пришло время выбиться в люди. Став врагами Иэясу, [вместе] с Какэгава⁵¹ стиснем [его] с двух сторон [в клещи], оттуда [ему] никуда не деться. Коли Куно станут врагами, то и самураи в То:то:ми все до единого всадника непременно станут врагами [Иэясу] и обернутся [против него]. Коли будет так, [восстания] *икки* в земле [То:то:ми] поднимутся тут и там. Меж тем, коли Иэсу соизволит зайти далеко вглубь [То:то:ми], окажется в ловушке. Теперь же послушаем главу клана⁵²», – обратились к Куно Сабуро:дзаэмон. «Сказанное всеми [вами] верно, однако коли рассудить – даже единожды изменить Удзидзанэ, покориться Иэясу и натянуть лук против Удзидзанэ – нарушение долга лука и стрел самурая; если же ночами не сомкнуть глаз, краснеть от бесчестья от пересудов молвы, и тотчас же снова предать Иэясу – это будет [низкое] вероломство. И коли люди на миру будут за спиной поносить [нас], зовя двурушниками, пусть и жизнь будет долгой, да что проку. Давайте же искренне явим приязнь к Иэясу», – сказал [Сабуро:дзаэмон] и не дал [своего] согласия, тогда все, встав, сказали: «Хоть и сказали тому, кто является главой клана, что [теперь-то] следует выбиться в люди, [он] не дал никакого согласия. Раз так, заставим главу клана взрезать живот,

⁵¹ Какэгава – Имагава Удзидзанэ.

⁵² *Со:рё:сики* 惣領職.

и поставим [вместо него] младшего брата Авадзи, обложим Иэясу спереди и сзади, верно не упустим никуда». Когда [они так] решили, Куно Садо и Хомма Дзю:эмон, посоветовавшись вдвоем, сказали: «Как бы ни было, [он] глава клана и господин, и потому, как ни посмотри, какие владения ни получить, и как легко ни возвыситься, принуждать [его] взрезать живот нельзя», – сказав [так], оба порвали [с остальными братьями]. Когда рассказали об этом, Сабуро:дзаэмон-но дзё: удивился, сказал: «Коли так, буду просить подкрепление [у его светлости Иэясу]», – когда доложил [обо всём], «Быть посему», – рек [Иэясу]; когда же соблаговолил прислать подмогу, Сабуро:дзаэмон сошел во вторую цитадель [замка], и поскольку в главную цитадель переместил подкрепление [его светлости], все обошлось благополучно.

Меж тем Авадзи заставили взрезать живот, Дандзё: же был племянником Сабуро:дзаэмон, и потому [его] изгнали. После того, подступив к Какэгава, [Иэясу] соблаговолил поставить [свой] стяг на Тэнно:дзан⁵³, из замка же вышли отборные воины, была жестокая сеча. Тогда были павшие [в бою] из тех, кто, потеряв честь у Нобунага⁵⁴, скитаясь, пришел в Суруга, явился к Удзидзанэ [на службу], и теперь вместе [с господином] заперся в замке. Мукухара Дзиэмон-но дзё: сразил [и добыл голову] Ито: Бухё:э. О:кубо Дзиэмон-но дзё:⁵⁵ сразил [и добыл голову] О:я Ситидзю:ро:. Косака Синсукэ прорвался до *нуритигаэ*⁵⁶ главного входа [в замок], у *нуритигаэ* сразил [и добыл голову врага]. Было и много других подвигов. Тогда Мукухара учтиво сказал. Доложил: «Сегодня вступал в рукопашную схватку», – тогда О:кубо Дзиэмон-но дзё: же сказал: «Нет, нет, [коли говорить о] сегодняшних подвигах – никто [не отличился] в рукопашной схватке. И убитый вами был одет в доспех из шкуры носорога, [в него] попали из аркебузы, и когда лежал мертвым, [вы] изволили отрезать [его голову]. [Что до] сегодняшних подвигов – все до единого – отрезанные от трупов головы⁵⁷. И я взял голову мертвого, [в которого] попали из аркебузы⁵⁸». Когда сказал [он так], пришел совершивший подвиг

⁵³ Уезд Огаса провинции То:то:ми.

⁵⁴ Здесь говорится о тех, кто попал в опалу у Нобунага.

⁵⁵ О:кубо Тадасукэ, старший брат О:кубо Тадатака.

⁵⁶ Значение слова *нуритигаэ* 塗違 неясно.

⁵⁷ «Отрезанные от трупов головы» – *хиэкуби* 冷頭.

⁵⁸ Согласно заключениям историка военного дела Судзуки Масая, основанным на исследовании довольно ограниченной «выборки» источников (129 военных отчетов, похвальных грамот и других документов за 1467–1561 гг.), на долю ран стрелами (после 1542 г.

в битве Найто: Сиро:дзаэмон-но дзё: и сказал: «Подвиг-то совершил, но подвиги сегодня – это, начиная с моего, все до единого – отрезанные с трупов головы», когда так доложил, все сказали: «Слова Найто: Сиро:дзаэмон-но дзё: и О:кубо Дзиэмон-но дзё: сходятся. У обоих так же, как у других».

Меж тем [Иэясу], соизволив возвести форт на Тэнно:дзан, соблаговолил разместить [там] Куно Сабуро:дзаэмон-но дзё:. На западе [он соизволил] возвести форт выше деревни Кавада, каждый [из военачальников] поочередно [его] охранял. На юге [соизволил] возвести форт на [горе] Согаяма⁵⁹, Огасавара Ёхатино: [его] держал. Тем временем в 12-й год Эйроку, год Змеи и младшего брата Земли, в 1-ю луну, 23-й день, замок [Какэгава] пал, Удзидзанэ соблаговолил бежать в Одавара⁶⁰.

Меж тем поступило донесение, что в 3-й луне в Хорикава поднялось [восстание] *икки*, потому [Иэясу] тотчас же соблаговолил примчаться верхом, [его воины] напали внезапно и вскоре уже, уцепившись за стены, взбирались [вверх]. Когда О:кубо Дзиндзю:ро:⁶¹, 17 лет от роду, взобрался первым, из [крепости] из аркебузы попали [ему] в левую щеку, и [Дзиндзю:ро:] пал в бою. Хираи Дзингоро: тоже пал в бою. И множество других пало в бою. В Хорикава во время прилива нет иного способа добраться, кроме как на корабле. А во время отлива – выход только с одной стороны, поскольку напали, когда [вода] не ушла, тотчас же вырезали [всех] – и мужчин, и женщин.

и аркебузными пулями, хотя раны от них в источниках, изученных Судзуки, практически не выделялись в отдельную категорию) в одном сражении периода Сэнгоку приходилось в среднем примерно 61% от общего числа ранений, раны от копий и пик получали в 20% случаев, раны от *нагината* (и других видов рубящего оружия) составляли около 3,9% от общего числа полученных в битве ранений, раны от мечей (*катана*, *тати*) – 0,71%, раны от камней – около 14%. По сравнению с периодом Намбокутё: в период воюющих княжеств при уменьшении числа ранений от мечей выросло число пострадавших от копий, по-прежнему был высок процент ранений от оружия дальнего боя, в отдельных сражениях на них приходилось до 75% от общего количества ранений [Suzuki 2003, p. 138, 139]. Анализ 80 документов за 1563–1638 гг., когда стали повсеместно использоваться аркебузы, показал, что в среднем в битвах на ранения от огнестрельного оружия приходилось уже около 41,5% от общего числа ранений; 20% – на раны от стрел [Ibid., p. 172].

⁵⁹ Согаяма, Кавада – уезд Огаса провинции То:то:ми.

⁶⁰ В 6-й день 5-й луны 12-го года Эйроку (1569 г.) Имагава Удзидзанэ заключил мирное соглашение с Токугава Иэясу, оставил замок Какэгава и бежал в удел Хо:дзё: Удзимаса (сестра Удзимаса была женой Удзидзанэ).

⁶¹ О:кубо Тадахидэ – племянник О:кубо Тадатака.

Упомянутый О:кубо Дзиндзю:ро:, в то самое время, когда поднялось вышеупомянутое [восстание] *икки*, часто проходил [мимо тех мест], именитые [люди] все до единого были вместе [с ним]. Были и те, кто волновался и шумел; Дзиндзю:ро:, прислуживая подле особы [его светлости Иэясу], имел хорошую память и подробно докладывал: «Такие-то и такие-то волнуются и ропщут, разбегаются в разные стороны, бывает, и в горы бегут. Такие-то и такие-то, не поддаваясь смятению, [ведут себя] смирно». «Хоть и мальчишка, превосходно, хорошо [всё] увидел», – рек [Иэясу] и восхитился.

Меж тем [Иэясу] соизволил сделать [своим] местожительством ставку в Мицукэ⁶², возвел замок, в полях построив усадьбы для всех [вассалов], соблаговолил поселить [их там], но, сказав: «Это [место] не годится», – соблаговолил переместиться назад, в Хамамацу, возвести замок и установить [там свое] местожительство⁶³.

Тем временем от Нобунага передали: «Соблаговолите собрать и послать подкрепление, намереваюсь напасть на север О:ми», – когда [это] передали, собираясь быстро оказать поддержку, Иэясу соизволил направить коня [в поход].

Первый год Гэнки, год Лошади и старшего брата Металла⁶⁴, 2-я луна. Нобунага соблаговолил напасть на Канэгасаки⁶⁵, но люди Этидзэн были сильны, и потому Нобунага, рассудив, что [сложившееся положение] опасно, соблаговолил оставить Иэясу позади, не предупредив⁶⁶; [его светлость] не ведал, что [Нобунага] соблаговолил отойти через проход Ёи. На рассвете [его светлость Иэясу] соблаговолил отступить, провожатым стал Киносита Токитиро:. [Это] зовут «отступлением из Канэгасаки», из-за [его милости]

⁶² В Мицукэ ранее располагалась ставка управителя провинции (*кокуси*) То:то:ми.

⁶³ Токугава Иэясу сделал замок Хамамацу (г. Хамамацу, преф. Сидзуока) в То:то:ми своей резиденцией в 1570 г.

⁶⁴ 1570 г.

⁶⁵ Другое название – замок Цуруга, уезд Цуруга в провинции Этидзэн (г. Цуруга, преф. Фукуи).

⁶⁶ Поспешное отступление Нобунага из провинции Этидзэн объяснялось тем, что он получил известие об измене – присоединении своего зятя Адзай Нагамаса, властителя севера провинции О:ми, к Асакура Ёсикагэ, даймё Этидзэн. Датировка начала похода Нобунага в Этидзэн неточна. Согласно *Синтё:-ко:* *ки* и дневнику придворного аристократа Ямасина Токицугу, Нобунага выступил в Этидзэн не во 2-й луне, а в 20-й день 4-й луны 1-го года Гэнки (1570 г.). Захват замка Канэгасаки датируется 26-м днём 4-й луны того же года [О:та Гю:ити 2024, с. 312, 325].

Нобунага то было опасное отступление. Тогдашний Токитиро: – будущий Тайко:⁶⁷.

Меж тем, когда Нобунага вознамерился напасть на северные уезды [О:ми], явились люди Эtidзэн, тут и там построили форты, перекрыли пути сообщения в столицу, поскольку [они] пришли [с войском] в 30 тыс. с лишним [человек], Нобунага тоже спешно направил коня в Ёкояма⁶⁸, изволил передать Иэясу: «Скорее соблаговолите собрать и послать подкрепление, пришли люди Эtidзэн, дам сражение». «Понял», – сказал [Иэясу] и тотчас же соизволил направить коня в поход. Нобунага соблаговолит несказанно обрадоваться, быстро направил коня в поход.

Меж тем [Нобунага] сказал: «Устанавливаю [порядок] для завтрашнего сражения. Приказываю первыми [вступить в битву] Сибата, Акэти, Мори Укон и другим, потому Иэясу прошу вторым [начать] битву». Через Мо:ри Синсукэ⁶⁹ и двух [других] соизволил [это] передать, тогда в ответ [Иэясу] соизволил передать: «Как бы то ни было оказываю помощь [вашему войску], что бы [вы] ни изволили сказать, непременно соблаговолите приказать [мне] первому [начать] битву». Нобунага в ответ [рек]: «Суждение Иэясу имеет основания, должно быть таковы [его] намерения. Однако коль скоро уже расставил боевые порядки, разве можно лишать их [права] первыми [вступить в бой], соблаговолите же как есть согласиться [быть] вторым. Кроме того, первые ли, вторые ли – суть одна. Хоть и говорится – вторые, часто бывает, что в зависимости от времени, становятся первыми, потому как бы то ни было прошу быть вторым», – таков был ответ [Нобунага], тогда [Иэясу], снова возразив, рек: «[Ваша] правда, изволите думать, что негоже приказывать [менять] первых на вторых, коли расставлены боевые порядки, и [с этим можно] согласиться. Изволите говорить: “Первые ли, вторые ли – суть одна”, – с этим согласиться

⁶⁷ Киносита Токитиро: – Тоётоми Хидэёси. *Тайко*: – почетный титул, присваивавшийся сановнику при императорском дворе, который покидал высокий пост канцлера *Кампаку* после назначения его сына на этот же пост. Как известно, в 1585 г. Хидэёси императорским указом был удостоен этой должности, а в 1591 г. ушел с поста *Кампаку*, на который был назначен его племянник и приемный сын Тоётоми Хидэцугу.

⁶⁸ Ёкояма – замок в уезде Саката на севере провинции О:ми (г. Нагахана, преф. Сига). Нобунага занял замок в конце 6-й луны 1-го года Гэнки (1570) сразу после победы в битве при Анэгава [О:та Гю:ити 2024, с. 315].

⁶⁹ В данном фрагменте текста упомянуты вассалы Ода Нобунага: Сибата Кацуиэ, Акэти Мицухидэ, Мори Ёсинари (Укон) и Мо:ри Ёсикапу.

[нельзя]. Разумеется, в завтрашнем сражении вторые, наверное, станут первыми. Это [определяется] обстоятельствами времени. Пусть даже [в силу этого] вторые стали первыми, в книгах в грядущие времена запишут, что первые – первые, вторые – вторые, и верно будет [так] и в будущие времена, потому как бы ни было, намерен принять [по вашему повелению право] первым [вступить в битву]. Кроме того, коли был бы я стар летами, могло так статься, что по [вашему] приказу стал бы и третьим, и четвертым, но досадно, когда и в будущие времена будут передавать – тот, кому не было и тридцати лет [от роду], придя на подмогу, не сумев получить первенство, стал вторым. Как бы ни было, соизвольте приказать первому [начать] сражение. Иначе завтра на битву не выйду. Коли [не будет] так, сегодня же отступлю и вернусь». Когда [так] отвечивал [Иэясу], Нобунага изволил выслушать. «Со сказанным Иэясу полностью согласен. Если так благоволит [он] думать, премного благодарен [за это]. Коли так, прошу первым вступить в битву», – рек [Нобунага], и на другой день в сражении Иэясу первым [начал] бой.

Меж тем все вассалы почтительно обратились [к Нобунага]: «Ранее [вы] изволили приказать [нам] первыми сражаться. Сейчас же [составлена] высочайшая грамота, согласно которой [право] первой битвы дается Иэясу – оттого [мы] досадуем». Когда так доложили, Нобунага благоволил разгневаться, повысил голос: «[Что за] дерзость, негодные юнцы, да [вы хоть] понимаете, что говорите?», – рек [он]; поскольку [в ответ никто] не издал ни звука, было решено, что Иэясу первым даст бой⁷⁰.

Иэясу рек: «На завтрашнее сражение в 28-й день прибыл сюда сегодня в 27-й день и получил [право] первой битвы – это ниспослание Пути Неба». Молвив так, безмерно возрадовался.

На рассвете 28-го дня 6-й луны первого года Гэнки, года Лошади и старшего брата Металла, когда [Нобунага и Иэясу] соблаговолили пойти вперед, люди Этидзэн также [с войском] больше 30 тыс. [человек] двинулись вперед. У Нобунага [было] больше 10 тыс. [воинов], войско Иэясу – больше 3 тыс. [бойцов]. [Два войска] атаквали одно

⁷⁰ О том, что Иэясу первым начал сражение при Анэгава (провинция О:ми – ныне г. Нагахана, преф. Сига) в 1570 г. (28-й день 6-й луны 1-го года Гэнки), упоминает и О:та Гю:ити в *Синтё:-ко: ки*. Описываемый спор из-за очередности вступления в битву – реальное событие, о котором упоминал Ода Нобунага в одном из своих писем [О:та Гю:ити 2024, с. 315, 330].

другое, тесня и отходя под встречным натиском, нападали и сражались. Отряды Иэясу разбили [врагов], преследуя, убивали [их], что же до отрядов Нобунага – [враги] пробились близко к стягу [Нобунага], отборные люди из [его вассалов] были убиты, но его светлость Иэясу победил, изволил глубоко вклиниться [во вражеские боевые порядки], и потому враги тотчас же бежали разбитые, [воины Иэясу] сразили всех врагов до единого. «В сегодняшней битве благодаря подвигам Иэясу стяжал славу в Поднебесной», – восхитился [его милость] Нобунага.

После этого, коли Нобунага соблаговолил бы нападать и здесь, и там, верно завоевал бы и Этидзэн, не говоря уже об О:ми, но Нобунага, сказав: «Побеждая, затягивай покрепче шнуры шлема»⁷¹, – тотчас соблаговолил отступить в Гифу.

И в битве при Окэхадзама, соблаговолив сразить Ёсимото, коли бы [его милость Нобунага] после того без приготовлений напал, верно, быстро соблаговолил бы подчинить Микава, То:то:ми и даже Суруга. И тогда [он] тоже от Окэхадзама соблаговолил отступить к Киёсу. Однако же в конце концов и О:ми, и Этидзэн, и Микава, То:то:ми, Суруга перешли под [его высочайшую] руку, ведь говоря: «Побеждая, затягивай покрепче шнуры шлема», – [его милость Нобунага] не был тем, кто, воспользовавшись победой, нападает со [всей] мощью.

Меж тем в 12-ю луну первого года Гэнки, года Лошади и старшего брата Металла, люди Этидзэн [числом] больше 30 тыс. [воинов] расположились лагерем на горе Хиэй. Нобунага соблаговолил расположить ставку в Сига⁷², соизволил передать Иэясу [просьбу] о подкреплении, [Иэясу] же отрядил [на подмогу] Исикава Хю:га-но ками.

Когда Нобунага изволил замыслить: «В Северных землях уже лежит снег, потому и провиант должен закончиться. Раз так, заморю врага голодом», – с горы Хиэй не только снабжали провиантом [армию Асакура], но и в довершение всего собрались, совершив притворное предательство⁷³, убить Нобунага. С горы передали: «Пустим

⁷¹ *Катитэ кабутто но о о симэё* 勝て銀之緒ヲ締メヨ. Призыв к осторожности и бдительности. Выражение, фигурирующее в источниках, по крайней мере, начиная с *Хэйдзи моногатари* 平治物語 (XIII в.). Также встречается в наставлениях даймё Хо:дзё Удзицуна (1541 г.) и *Ко:ё: гункан* 甲陽軍鑑 (не позднее 1621 г.).

⁷² Уезд Сига, провинция О:ми.

⁷³ «Притворное предательство» («обманное предательство») *каэри тё:ги* 帰調儀, – солгав о переходе на чью-либо сторону, осуществлять какой-либо план, направленный против нового «союзника» [Mikawa... 1974, p. 106].

огонь в лагере людей Этидзэн. В это самое время коли соблаговолите ударить, враги непременно будут разбиты. А коль так, ночью соблаговолите подняться на гору». Хоть и сказали, Нобунага недаром был [истинным] воином, соблаговолит не подниматься опрометчиво на гору, продвинулся до Сакамото, сказав, что нападет, если поднимется дым от пламени, соблаговолит ждать, и как [он] и думал, то было притворное предательство.

Меж тем людей Этидзэн было больше 30 тыс. Помимо того, земля О:ми по большей части была владением Этидзэн, потому и путь в Гифу перекрыли, у Нобунага же было не больше 10 тыс. [воинов], поскольку [с такими силами было с врагом] не совладать, [он] соблаговолит обратиться к посредничеству [для переговоров], соблаговолит написать клятвенную грамоту: «Пусть Поднебесной владеет господин Асакура, снова не буду притязать [на нее]⁷⁴», – заключив мир, соблаговолит отойти в Гифу⁷⁵.

Отступив, Нобунага соблаговолит в скором времени напасть [из Мино], тогда от Иэясу снова было прислано подкрепление. В то время [его светлость Иэясу] распределил людей из всех [вассальных] домов между всеми [командирами отрядов] и придал господину Мацудайра Кансиро:⁷⁶ соблаговолит направить [это войско Нобунага].

Меж тем, хотя Нобунага соблаговолит напасть на замок Мицукури⁷⁷, [его] никак [не удавалось] взять. Тогда [он] сказал: «Изводить время, штурмуя этот малый замок, толку нет. Покамест, отложив [приступ], нападём на столицу»; когда, сняв с замка осаду, осаждавшие

⁷⁴ Дословно «[у меня] нет повторных притязаний [на нее]».

⁷⁵ Нобунага прибег к посредничеству императорского двора для заключения мира с кланами Адзай и Асакура. Еще одной стороной переговоров был монастырь Энрякудзи, поддерживавший Адзай и Асакура. О:та Гю:ити в *Синтё:-ко:* *ки*, в отличие от О:кубо Тадатака, подчеркивает большую заинтересованность Адзай Нагамаса и Асакура Ёсикагэ в перемирии, Нобунага же, согласно Гю:ити, будто бы неохотно принял уговоры сёгуна Асикага Ёсиаки и согласился на мир. В данном фрагменте *Микава моногатари* не упоминается клан Адзай, который и владел севером О:ми (Тадатака ошибочно пишет, что большая часть О:ми принадлежала дому Асакура). Под «Поднебесной» Тадатака, скорее всего, подразумевает Киото и столичные провинции. Однако условия мирного договора были совсем иными, чем описывает Тадатака (см.: [О:та Гю:ити 2024, с. 338, 339]).

⁷⁶ Мацудайра Нобукадзу (1539–1624), вассал Иэясу.

⁷⁷ Замок Мицукури в провинции О:ми, принадлежавший дому Роккаку, был захвачен в 12-й день 9-й луны 11-го года Эйроку (1568 г.) во время похода Нобунага на Киото. О:та Гю:ити пишет о взятии этой крепости приступом за один день, не упоминая о подвигах Мацудайра Нобукадзу [О:та Гю:ити 2024, с. 271].

тыльный вход [в замок] стали отступать, господин Мацудайра Кансиро:, увидев это, соблаговолил атаковать со стороны главного входа, тогда осажденные побежали к тыльному входу, и [воины Токугава] ворвались в замок. Нечего и говорить – славный подвиг господина Мацудайра Кансиро:.

Тем временем, когда [Нобунага] соблаговолил войти в столицу, во время грабежа⁷⁸ столкнулись человек господина Ода Ко:дзукэ-но ками⁷⁹ и человек из Микава, отбирали друг у друга старую [шапку] *эбоси*, и человек из Микава изрядно поколотил человека Ода Ко:дзукэ-но ками, это стало стычкой, поскольку люди Мино и Овари, объединившись, подступили к господину Мацудайра Кансиро:, каждый из людей Микава, сказав: «Будь что будет», – все до единого вышли в город, изготовили к бою луки, аркебузы, копья, когда [на них] нападали, давали отпор, бились изо всех сил, оттого [воины Ода] и вовсе раздумали подходить ближе; когда донесли об этом Нобунага, Нобунага рек: «Неописуемое своеволие, что за смутьяны! Попросил подкрепление от Иэясу, неужто это подкрепление истребляете?! Коли есть допустившие дерзость негодяи, казнь каждого», – так рек, после того нападавшие, рассыпавшись [в разные стороны], исчезли из виду.

После того Нобунага, изволив призвать Кансиро:, рёк: «Недавние подвиги Кансиро: в Мицукури беспримерны, но теперь снова в стычке [он вел себя] беспримерно. Хоть Кансиро: и мал ростом, человек отважный. Кансиро: носит [меч] с ножнами, [украшенными] золотыми накладками, [полученными от Иэясу в награду], потому пусть в этом военном походе продолжит [нести безупречную службу]», – так рек. Для Кансиро: [сии слова] были честью.

Меж тем Нобунага рек: «Правителя Поднебесной⁸⁰ Асакура не смог принять, но я позвал [его] в Гифу и сделал второй раз Правителем Поднебесной. [Сёгун же] позабыл [мое] милосердие, и в довершение всего, объединившись с Асакура, соблаговолил стать мне врагом. Коль скоро не ведает [он о моих прежних] благодеяниях, хотел заставить [его] взрезать живот, но поскольку [он] – Правитель, пощажу», –

⁷⁸ Нобунага вошёл в Киото в 26-й день 9-й луны 11-го года Эйроку (1568 г.). «Грабеж» – *рандори* 亂取, в период Сэнгоку так называлось мародерство воинов во вражеских землях.

⁷⁹ Ода Нобуканэ (1543–1614), один из младших братьев Ода Нобунага.

⁸⁰ Асикага Ёсиаки. Был изгнан Ода Нобунага из Киото в 7-й луне 4-го года Гэнки (1573 г.).

сказав так, соблаговолил изгнать [сёгуна] из столицы. Тогда Нобунага рек: «Что же до горы Хиэй – то особы с длинными рукавами⁸¹, но, совершив притворное предательство, [они] хотели меня убить, коли так, горе⁸² [больше] не стоять», – после того древняя гора Хиэй разрушилась⁸³, но хоть [монастыря] и долго не было, [его] вновь соизволил возвести Иэясу, и теперь гора стоит.

Если же посмотреть *Синтё: ки*⁸⁴, там [найдется] много лжи. Только треть [всего написанного] – то, что [на самом деле] было. Одна треть – было что-то похожее [на описанное], одна треть – ни на чем не основана. Кажется, что создатель *Синтё: ки* создал [свой труд] хорошо – по мере своего разума [поведав] о тех, к кому был благорасположен. Кроме того, когда [Одзэ Хоан] пишет в разных местах [*Синтё: ки*] о сражениях, прежде всего ложью выглядит [вот что]: о тех, кому в ту пору исполнилось 10, 11, 12–13 лет, и не знавших [тогда], [где] запад, а [где] восток, и кто, повзрослев, гораздо позднее прошли [обряд] *гэм-пуку* и стали храбрыми мужами, как о [героях] из сказок написал, что [они] тут и там сражались, [свершили] беспримерные подвиги и иное, [в этой книге] сочинил много лжи. Есть и такое: при Нагасино и других сражениях в рукопашной схватке совершил подвиг, который не совершал. [О тех], кто в жизни ни разу не предводительствовал воинами, написано, что предводительствовали воинами. Помимо того, и о случившемся на том месте [сражения при Нагасино] много лжи. Тот же, кто часто отступал, [и кого] поносят за спиной люди, описан как божество-демон⁸⁵. Также не написано о тех, кто часто совершал подвиги, [кто] прославлен и известен во всех землях. Пишется о не

⁸¹ «Особы с длинными рукавами» – монахи.

⁸² «Гора» – подразумевается монастырь Энрякудзи.

⁸³ Монастырь Энрякудзи был сожжен войском Ода Нобунага в 12-й день 9-й луны 2-го года Гэнки (1571 г.). После гибели Нобунага в 1582 г. началось его восстановление, вклад в которое внесли Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу (продолжалось до годов Канъэй, 1624–1644).

⁸⁴ Скорее всего, речь идёт о *Синтё: ки* («Записях о Нобунага») Одзэ Хоан.

⁸⁵ «Божество-демон» — *онигами* 鬼神, «ужасное и свирепое божество» (фуриганное чтение в оригинале – *ヲニカミ*). Согласно Большому словарю японского языка, *онигами* – свирепые и ужасные боги (*ками*). Иероглифы 鬼神, прочитанные как *кидзин*, могут обозначать божеств-охранителей учения Будды (которые нередко изображались в виде яросных и неистовых воителей) и небожителей из буддийской мифологии, а также демонов-раکشасов. В японо-португальском словаре начала XVII в. *кидзин* 鬼神 – дьяволы. Onigami // *Seisenhan Nihon kokugo daijiten* <https://kotobank.jp/word/%E9%AC%BC%E7%A5%9E-50543#w-1522926>

имеющих силы, что [они] – великие силачи, все – ложь. А среди тех, о ком написано – великий силач – нет ни одного, кто силен сам по себе, [в одиночку].

В конце концов, [в этой книге] много лишенных силы, внешне приличных, но дурных внутри, а то, что [он] написал и так, и эдак [о них], – коли подумать, покажется, что сочинил небылицы о тех, к кому был расположен. Это похоже на то, когда у пишущего есть ум [только на первый взгляд], но [в действительности] ума нет. Оттого судачат, что в *Синтё*: ки много лжи.

О временах [высочайших] предков Иэясу записал здесь в общем виде. И в наше время, и в грядущие времена, верно, не будет тех, кто скажет, что хоть что-то [из написанного] – ложь. Однако же записал не для того, чтобы показывать другим. Для меня и моих детей его светлость Великий министр Хидэтада, нынешний сёгун его светлость Иэмицу⁸⁶ – восьмой и девятый светлейшие повелители. Хорошо служите и [их] высочайшим потомкам, какие бы времена [ни наступили]. [Оставил эти записи], чтобы после меня передать [моим потомкам]. За ворота не выносить.

8-й год Гэнна, Собаки и Старшего Брата Воды, 4-я луна, 11-й день

Передаю это детям
За ворота выносить нельзя

О:кубо Хикодзаэмон-но дзё:
(личная монограмма)

В этой книге в общем виде написал о наследственных вассалах [высочайшего дома Токугава], о своем роде написал подробно, и ничего другого. Подумав, что в будущем племянники, дети и родичи могут не узнать о происхождении давних наследственных светлейших повелителей, чтобы передать [их историю], написал как свои заветы и передаю детям, наказываю, не выносить [эту книгу] за ворота; эта книга – не для того, чтобы показывать свету, написал в книге о своем роде, и потому не пишу о других наследственных вассалах [высочайшего дома]. Преданность всех наследственных вассалов [высочайше-

⁸⁶ Токугава Хидэтада и Токугава Иэмицу.

го дома] неизмеримо велика, и потому все [они], чтобы впоследствии дети не забыли историю наследственных светлейших повелителей, в каждом из [вассальных] домов соблаговолят тщательно записать историю наследственных светлейших повелителей, а кроме того, давнюю историю потомственной службы [своим господам], равно как и историю [своей] преданности, и все соблаговолят завещать детям. И я так и [поступил].

Поскольку эту книгу за ворота выносить нельзя, другие [ее] видеть не должны, однако же коли неожиданно-негаданно разлетится [эта книга по свету] и люди посмотрят [ее], ради [их] разумения, так [написал].

Не извольте думать, что записал о своем клане, роде, а также о себе самом ради собственной выгоды. Поскольку это – книга с заветами детям, коли не напишу о своем роде, клане, а также о себе самом, дети верно не поймут [и не примут написанное].

Библиографический список

О:та Гю:ити (2024). Синтё:-ко: ки. Записи о князе Нобунага. / Пер. на русс., введ., исследов., комм., указ. С. А. Полхов. – Москва: ИВ РАН.

References

Aichi kenshi. (2004). *Shiryōhen* [History of Aichi Prefecture. Historical materials]. Vol. 11. Shokuhō [Oda–Toyotomi period] Part 1. Nagoya: Aichi Prefecture. (In Japanese).

Honda, Takashige. (2010). *Teihon. Tokugawa Ieyasu* [Tokugawa Ieyasu. Final Version]. Tokyo: Yoshikawa kōbunkan. (In Japanese).

Kansei chōshū shokafu. (1923). [Revised Genealogies of All the Houses of the Kansei Years]. Vol. 4. Tokyo: Kokumin tosho. (In Japanese).

Kobayashi, Akihiko. (2023). *Ieyasu no Mikawa ryōgokuka* [The Transformation of Mikawa Into Ieyasu's Domain]. In Kuroda Motoki (ed.), *Tokugawa Ieyasu to sono jidai* (pp. 77–102). Tokyo: Ebisu kōshō shuppan. (In Japanese).

Kobayashi, Takaaki (1977). Yōjihō kara mita Mikawa Monogatari no kōsei [The structure of “Mikawa Monogatari” in terms of the ways characters are used]. *Machikaneyama ronsō. Bungaku hen*. 10, 1 - 15.

Koike, Yoshiaki. (2000). *Mikawa Monogatari kō. Jihi to Inga no Sekai* [Research on Mikawa Monogatari. The World of “Compassion”

and “Retribution”]. *Tōyō daigaku bungakubu kiyō. Shigaku hen*, 26, 1–49. (In Japanese).

Kyūsojin, Hitaku. (1970). *Mikawa Monogatari no shoshi* [Mikawa Monogatari – bibliographic description]. In Nakada Norio (ed.), *Gempon Mikawa monogatari. Kenkyū: shakubun hen* [The Original of Mikawa Monogatari. Research and Interpretation] (pp. 2–38). Tokyo: Benseisha. (In Japanese).

Matsudaira ki. (2014). [“Records about Matsudaira”]. In *Aichi ken shi. Shiryō hen 14. Chūsei. Shokuhō* [History of Aichi Prefecture. Sources. Vol. 14. Middle Ages – [period] of Oda and Toyotomi] (pp. 91–152). Nagoya: Aichi Prefecture. (In Japanese).

Mikawa Monogatari. (1965). In *Ieyasu shiryōshū. Sengoku shiryō sōshō 6* [Collection of Historical Sources on Tokugawa Ieyasu. Series of Historical Materials on the Sengoku Period. Vol. 6] (pp. 231–436). Ono Shinji (comm.). Tokyo: Jimbutsu Ōraisha. (In Japanese).

Mikawa Monogatari. (1974). [The Tale of Mikawa]. In *Mikawa Monogatari. Hagakure* [The Tale of Mikawa. Hidden in the Leaves]. Nihon shisō taikai 26 [Systematic Collection of [sources on] the Ideology of Japan, Vol. 26] (pp. 9–219). Saiki Kazuma, Okayama Taishi, Sagara Tōru (comp. and comm.). Tokyo: Iwanami Shoten. (In Japanese).

Nakada, Norio, Hayashi, Chikafumi. (1970). *Kokugo shiryō Mikawa Monogatari no tame ni* [Mikawa Monogatari as a source for [the study of] the Japanese language]. In Nakada Norio (ed.), *Gempon Mikawa Monogatari. Kenkyū: shakubun hen* [The Original of Mikawa Monogatari. Research and Interpretation] (pp. 39–84). Tokyo: Benseisha. (In Japanese).

Ōta, Gyūichi. (2024). *Shinchō-kō ki. Zapsi o Knyaze Nobunaga* [“Records About Lord Nobunaga”]. S. A. Polkhov (translation into Russian, introduction, research, commentary, index). Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (In Russian).

Ōtsuka, Mitsunobu. (1974). *Mikawa Monogatari no kotoba* [Vocabulary of Mikawa Monogatari]. *Mikawa Monogatari. Hagakure* [The Tale of Mikawa. Hidden in the Leaves]. Nihon shisō taikai 26 [Systematic Collection of [sources on] the Ideology of Japan, Vol. 26] (pp. 649–656). Saiki Kazuma, Okayama Taishi, Sagara Tōru (comp. and comm.). Tokyo: Iwanami Shoten. (In Japanese).

Saiki, Kazuma. (1974). *Mikawa Monogatari kō* [A Study of the Mikawa Monogatari]. *Mikawa Monogatari. Hagakure* [The Tale of Mikawa. Hidden in the Leaves]. Nihon shisō taikai 26 [Systematic Collection of [sources on] the

Ideology of Japan, Vol. 26] (pp. 623–648). Saiki Kazuma, Okayama Taishi, Sagara Tōru (comp. and comm.). Tokyo: Iwanami Shoten. (In Japanese).

Sengoku gunki jiten. (1997). *Tenka tōitsu hen* [Dictionary of *Sengoku Gunki*. Unification of Japan [Period]]. Osaka: Izumi shoin. (In Japanese).

Sengoku jinmei jiten. Konpakuto han. (2006) [Dictionary of Names of the Sengoku Period. Compact Edition]. Abe Takeshi, Nishimura Keiko (eds.). Tokyo: Shinjimbutsu ōraisha. (In Japanese).

Suzuki, Masaya. (2003). *Teppōtai to kiba gundan. Shinsetsu Nagashino Kassen* [Detachments of Arquebusiers and Cavalry Formations. A New Interpretation of the Battle of Nagashino]. Tokyo: Yōsensha. (In Japanese).

Takagi, Shōsaku. (1970). *Mikawa Monogatari no Seiritsunen ni tsuite* [About the years of compilation of *Mikawa Monogatari*]. *Tōkyō daigaku shiryō hensanjo hō*, 5, 40–45. (In Japanese).

Taniguchi, Shinko. (2011). Fudai kashin to wa nani ka. Ōkubo Hikozaemon *Mikawa Monogatari no bunseki* [Who is the Hereditary Vassal? Analysis of *Mikawa Monogatari* of Ōkubo Hikozaemon]. *Shuppan to shakai hen'yō*, 11, 39–64. (In Japanese).

Tōdai ki. (1995). [“Records of This Time”]. In *Shiseki zassan* [Collection of Various Historical Books], Vol. 2. Tokyo: Yagi Shoten. (In Japanese).

Utsunomiya, Mutsuo. (1994). *Mikawa monogatari no buntai*. Bungotai to kōgotai [*Mikawa monogatari* style. Old written and [style] of oral speech]. *Aichi kyōiku daigaku kenkyū hōkoku*, 43, 220–234. (In Japanese).

Utsunomiya, Mutsuo. (2001). Okubo Tadataka jihitsu shakkyō waka shakugi. Yōgo to hyōki ni tsuite [Interpretation of the Japanese Song of Buddha’s Teachings Written Down by Okubo Tadataka. On Lexicon and Expressions]. *Fukuyama daigaku ningen bunka gakubu kiyō*, 1, 1–18. (In Japanese).

Yamanishi, Akira. (1976). Jihitsubon *Mikawa Monogatari* shoin no *Soga Monogatari*. Sono in'yō no sarekata to tokushitsu ni tsuite [Quotations From the *Soga Monogatari* in the Autograph of the *Mikawa Monogatari*. On the Ways and Features of Its Quotation]. *Kokubungaku gengo to bungei*, 83, 57–70. (In Japanese).

Ежегодник Японии 2025. Т. 54. С. 362–381

Yearbook Japan 2025. Vol. 54, pp. 362–381

DOI: 10.55105/2687-1440-2025-54-362-381

Трансформация идентичности в литературе японской диаспоры в Бразилии (1908–1941 гг.)

М. Р. Алексеенко

Аннотация

Статья выявляет механизмы изображения трансформации идентичности в «литературе японской диаспоры» (*имин бунгаку*) в Бразилии на материале «Сборника колониальных рассказов» (1975 г., переиздан в 2008 г.). Временные рамки исследования ограничены прибытием иммигрантов в 1908 г. и запретом изданий на японском языке в 1941 г. В статье описано формирование коллективной идентичности японцев в Бразилии в исторической перспективе. Выявлены ключевые особенности японской эмиграции, в дальнейшем отразившиеся в литературном творчестве диаспоры в Бразилии: региональная локализация, принадлежность мигрантов к крестьянству, формирование особого диалекта *корониаго*. Особое внимание уделено причинам раскола внутри диаспоры, ставшего основным мотивом литературных произведений. Внутригрупповая разобщенность в социальной структуре японской общины усилилась с урбанизацией 1930-х гг.

Статья анализирует формирование самобытного очага литературы в японской эмиграции в Бразилии с точки зрения теории печатного капитализма Б. Андерсона. Выявлены механизмы отчуждения *имин бунгаку* от национальной литературы, основанные на противопоставлении «чистой» и «массовой» литературы.

Болезненный процесс интеграции в принимающее сообщество обуславливает центральное место расово-этнической проблематики *имин бунгаку*. Произведения изображают конфликты японцев с бразильцами, отражают дискурсивные модели описания расового Другого в пространстве литературы. Особенно чувствительны авторы к предательству внутриобщинных уз и приобретению черт принимающего сообщества. Процесс трансформации идентичности рассмотрен через призму социального положения, этнического происхождения и гендерной дискриминации. Анализ произведений

свидетельствует об эволюции репрезентации Другого от демонизации и отторжения к принятию трансформированной идентичности. Формирование бикультурной «японо-бразильской» идентичности накануне Второй мировой войны было прервано всплеском японского национализма в военные годы. Однако принятие собственной инаковости и литературная репрезентация этого процесса станут фундаментом успешной интеграции японцев в бразильское общество в послевоенные десятилетия.

Ключевые слова: японская миграция, японская диаспора в Бразилии, *имин бунгаку*, *никкэйдзин*, национальная и локальная литература, межэтнические конфликты, трансформация идентичности.

Автор: *Алексеев Матвей Русланович*, студент бакалавриата НИУ ВШЭ г. Санкт-Петербург: 190068 г. Санкт-Петербург, Канала Грибоедова наб., д. 123.

E-mail: mralekseenko@edu.hse.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Identity Transformation in the Literature of the Japanese Diaspora in Brazil (1908–1941)

M. R. Alekseenko

Abstract

The article is devoted to revealing the mechanisms of depicting the process of identity transformation in the literary work of the Japanese diaspora in Brazil. The aim is achieved by studying small prose in the genre of naturalism using the material of the *Collection of Colonia Stories*. The time frame is limited by the arrival of immigrants in 1908 and the prohibition of foreign language printing in 1941.

The article describes the formation of the collective identity of the Japanese in Brazil from a historical perspective. The key features of the Japanese emigration, further reflected in the literary work of the diaspora in Brazil, are revealed: regional localization, migrants' belonging to the peasantry, the formation of a special *koroniago* dialect. Special attention is paid to the reasons for the split within

the diaspora, which became the main motif in the problems of literary works. Intragroup disunity has its roots in the social structure of the Japanese community and was stimulated by the urbanization of the 1930s.

The article analyzes the process of formation of a distinctive center of literary creativity in the Japanese emigration in Brazil. The mechanisms of alienation of literary works based on the opposition between “pure” and “mass” literature are revealed.

The transformation of Japanese identity in Brazil is evidenced by analyzing the problematics of the works. The painful process of integration into the host community gives center stage to the racial-ethnic issues of *imin bungaku*. The works depict the interaction between Japanese and Brazilians through inter-ethnic conflicts. The works studied reflect discursive patterns of describing the racial Other in the space of literature. The works are particularly sensitive to the betrayal of intra-community bonds and the acquisition of the traits of the host community. The process of identity transformation is examined in literature through the prism of social status, ethnicity, and gender discrimination. The analysis of the works shows the evolution of the representation of the Other from demonization and rejection to acceptance of the transformed identity. The change of perspective on the formation of a bicultural “Japanese-Brazilian” identity on the eve of World War II was interrupted by the outburst of Japanese nationalism during the war years. However, the acceptance of one’s own otherness and the literary representation of this process would become the foundation for the successful integration of the Japanese into Brazilian society in the postwar decades.

Key words: Japanese migration, Japanese diaspora in Brazil, *imin bungaku*, *nikkeijin*, national and local literature, interethnic conflicts, identity transformation.

Author: *Alekseenko Matvey R.*, Bachelor’s student of the National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg: 123 Griboedov Canal Embankment, Saint Petersburg, 190068.

E-mail: mralekseenko@edu.hse.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Миграция из Японии в к. XIX – н. XX вв. сопровождалась возникновением локальных очагов литературного творчества, объединяемых термином 移民文学, *имин бунгаку*. Литература диаспоры,

с одной стороны, сохраняла преемственность с японской литературой первой половины XX в., с другой – приобретала самобытные черты, отражающие трансформацию идентичности в ходе межкультурного взаимодействия. Так как бразильская диаспора японцев наиболее многочисленна, ее литературное наследие служит репрезентативным примером литературы японского зарубежья.

Акцент на зарубежном литературном творчестве японцев разрушает традиционное представление о японоязычной литературе как феномене, присущем исключительно Японии. Смещение внимания исследователя с центра на периферию выявляет многообразие литературы на японском языке и позволяет в перспективе сопоставить полученные результаты с другими региональными литературными явлениями. Современная трудовая реэмиграция этнических японцев 出稼ぎ, *дэкасэги*, сопровождается проблемами с их адаптацией в японском обществе. Изучение довоенной иммиграции объясняет предпосылки к трансформации идентичности современных этнических японцев 日系人, *никкэйджин*, которые запечатлены в *имин бунгаку*.

Временные рамки исследования ограничены прибытием первых иммигрантов в 1908 г. и запретом печати на иностранных языках в 1941 г. Трансформация идентичности изучена на материале малой прозы *тампэн сё:сэцу* 短編小説 направления натуралистического реализма. Методология строится на когнитивном подходе к изучению межгруппового взаимодействия в этнопсихологии. Теоретической основой стали концепция «суггестии / контрсуггестии» Б. Ф. Поршнева и теория аккультурации Джона Берри.

Источником служит «Сборник колониальных рассказов» (コロニア小説選集, «*Корониа сё:сэцу сэнсю:*») – собрание произведений, формирующих канон *имин бунгаку*. Впервые сборник был составлен в 1975 г. Колониальной литературной ассоциацией с целью сохранения литературного наследия диаспоры. В 2008 г. сборник был переиздан со значительными правками в области терминологии. Сборник содержит десять довоенных произведений, отобранных комиссией во главе с антропологом Маэяма Такаси 前山隆 (1933–2024). Период первой публикации произведений охватывает 1932–1940 гг. Сборник переведен на английский язык Э. Мэком [Mask 2022, p. 67–153].

Идентичность японцев в Бразилии в контексте истории миграции

Спецификой японской миграции следует считать высокую долю крестьянского населения. Отъезд за рубеж был вынужденной мерой преодоления безработицы, с которой столкнулось сельское население вследствие земельной реформы 1873 г. [Емельянова, Щербачев 2020, с. 160]. Принадлежность к крестьянству стала важной компонентой идентичности для бразильской диаспоры, тяжесть крестьянского труда составляет основу проблематики литературы мигрантов [Jacobowitz 2019, p. 18]. Трудоёмкость сельскохозяйственных работ обусловила доминирование малой формы в литературе: эссе, рассказов, а также поэзии *танка* 短歌 и *хокку* 発句 [Rivas 2015, p. 794]. Японцы видели себя отверженными 棄民, *кимин*, жертвами 犠牲移民, *гисэй имин*, поэтому труд был способом доказать «правомерность» возвращения на родину [Carvalho 2003, p. 55]. Другим объединяющим фактором служило идеологическое воздействие националистической Японии. Для довоенного периода японской диаспоре свойственна консервация традиций и сепарация от принимающего сообщества. Мигранты проживали в этнических анклавах, в которых административно-законодательными мерами поддерживалась связь с Японией и тем самым консервация японской этничности.

Тем не менее в рамках диаспоры имелось множество предпосылок для формирования локальных идентичностей, одна из которых – региональная локализация. И. Р. Савельев выделяет «эмиграционные» префектуры с наивысшей выездной способностью на юго-западе Японии и о. Кю:сю: [Савельев 1997, с. 36]. На общем фоне мигрантов выделялись выходцы с о-в Рю:кю:, сформировавшие изолированную от остальных японцев общину [Carvalho 2003, p. 70]. С другой стороны, необходимость противостоять ассимиляции в Бразилии нивелировала локальные различия и вела к поиску новой коллективной идентичности. В рамках литературного дискурса диаспоры встречается не национальный термин «японцы» 日本人, *нихондзин*, а более размытые обозначения общего происхождения – «братья» 同胞, *до:хо:*, или «соотечественники» 邦人, *хо:дзин* [Ibid., p. 10]. Из синтеза диалектов Западной Японии и о. Кюсю и бразильского диалекта португальского языка сформировался самобытный диалект, называемый

コロニア語, *корониаго*¹. Языковое разнообразие создавало смысловое пространство, недоступное вне японской диаспоры. Уникальность языка мигрантов подчеркнута использованием в литературе диалектизмов, иностранных заимствований, особой графики и фонетических подсказок [Nakato 2018, p. 61].

Среди прочих факторов, способствовавших расколу внутри диаспоры, следует выделить урбанизацию, затронувшую японскую общину в 1920–30-е гг. [Lone 2001, p. 80]. Смена традиционной сельскохозяйственной деятельности на предпринимательство привела к расслоению внутри диаспоры по степени дохода. С выделением из контрактных рабочих *колоно* (порт. *colono*) землевладельцев среди аграрного населения также возникла социальная иерархия [Carvalho 2003, p. 8]. Сохранялась и резкая разница в материальном положении городской и сельской общины. Произошёл разрыв преемственности традиционных для диаспоры ценностей. Появились межэтнические браки, нарушавшие принцип эндогамии, возросло число японцев, стремившихся влиться в принимающее сообщество. Заведомо неоднородная идентичность этнических японцев сталкивается с ассимиляционной политикой правительства Ж. Варгаса [Lesser 2003, p. 9]. Из конфликта самосознания исходит проблематика инаковости в литературе: осознания себя Другим, отождествления с принимающим сообществом, предательства «японскости» и этнической солидарности. Малая проза местных авторов является прямым отражением осмысления опыта взаимодействия с непривычной этнокультурной средой, что проявляется в изображении Другого, как правило через призму расы, гендера, языка и материального положения. Среди этнической проблематики особенно выделяются конфликты, связанные с «приобретенной» инаковостью и предательством внутриобщинных уз. Отхождение от общепринятой этнической идентичности и его осознание воспринимается как угроза внутригрупповой целостности, поэтому изображается в литературе с особой эмоциональностью и негативной окраской.

Поначалу литературная среда иммиграции была подчинена влиянию «культурного центра», но вскоре бразильская диаспора демонстрирует предпочтение местной литературы. Уже в первое десятилетие возник коммерческий рынок японоязычной печатной продукции

¹ От португальского *colonia*, общего обозначения японской общины в Бразилии.

[Mask 2005, p. 164], центром которого стала газета «Бурадзиру дзихо:» 伯刺西爾時報 («Бразильские известия») [Retis 2021, p. 259]. Периодические издания публиковали произведения, созданные в Японии, в основном на исторические темы. Концепция Б. Андерсона о формировании национальной идентичности посредством «печатного капитализма» наделяет газетную беллетристику эффектом интерпелляции, который транслирует через тексты общую национальную идентичность [Андерсон 2016, с. 87]. Однако историческая проза приобрела статус «популярной литературы», в то время как «чистой литературой» в среде японской эмиграции стало считаться местное творчество, символизировавшее отстранение *имин бунгаку* от национальной литературы. Центробежная тенденция достигает кульминации в 1930-е гг., когда в интеллектуальной жизни диаспоры утвердилось идея создания самобытного центра литературы. Этой идее были подчинены механизмы, аналогичные процессу складывания национальной литературы в Японии: учреждение литературных премий и создание антологий, то есть формирование литературного канона [Mask 2010, p. 181]. В 1932 г. была основана Колониальная премия за малую прозу [Mask 2022, p. 197], в 1975 г. – сформирован «Сборник колониальных рассказов»². Отчуждение от национальной парадигмы проявляется и в использовании языковых приемов, и в выборе проблематики, отражающей реалии жизни японской диаспоры в Бразилии.

Конфликты между японцами и принимающим сообществом

Рассказ Танабэ Сигэюки «Смерть одного поселенца», на первый взгляд, соответствует стереотипному представлению о расовом Другом как презренном и угрожающем. Расовый конфликт выражен в убийстве богатого плантатора Канэко Дайсукэ темнокожим рабочим. Мужчина приходит в усадьбу Канэко и просит работу, чтобы прокормить свою беременную жену и сына. Образ чернокожего сразу же обрастает чертами опасности, автор описывает его как «почти шестифутового мужчину, возвышающегося над Дайсукэ» [Tanabe 1975, p. 22]. Одновременно обездоленный рабочий поставлен в подчиненное положение по отношению к плантатору-японцу.

² Koronia Bungakukai (1975). *Koronia shōsetsu senshū* [Selected collection of Colonia novels]: <https://brasilnippou.com/ja/iminbunko>

Кульминацией межрасовой напряженности является эпизод, когда рабочие обедают и Дайсукэ, увидев жену рабочего в окне, презрительно называет ее попрошайкой, ведь разве есть «...какой-нибудь закон, который гласит, что тот, кто не работает, должен есть?» [Ibid., p. 24]. Рабочий вскакивает со стула, свирепо глядя на Дайсукэ со сжатыми кулаками. Осознав, что в сложившихся обстоятельствах остается только подчиниться, он вызывает к милосердию начальника. Дайсукэ остается непреклонным, но, достав из кошелька несколько монет, бросает их на стол. Мужчина встает и уходит со своей семьей, отказываясь принимать деньги.

Из рассуждений Дайсукэ о рабочих вырастет семантическое поле, обозначающее расовую принадлежность: темнокожих рабочих он называет *байано*³. Когда Дайсукэ вспоминает прошлое во время общего праздника, молодые японские рабочие описаны как «люди медного цвета» [Ibid., p. 29], а собственное лицо Дайсукэ называет «красно-черным» [Ibid., p. 29] – результат пребывания на солнце и опьянения. Упоминание непривычного цвета кожи указывает на приобретенную инаковость. Подобное описание встречается и в рассказе Фуруно Кикио «Перекасти-поле», когда главный герой Акита описывает пьяного отца детей мигрантов, Луизы и Жуана, как человека с «кожей цвета *terra goxa*» (пурпурно-коричневой почвы) [Furuno 1975b, p. 81]. Дайсукэ ассоциирует цвет кожи с опасностью *колоно*, их склонностью к насилию, что подтверждается в конце истории. Изменение телесности японцев грозит утратой «цивилизованности» и перенятием негативных качеств бразильцев. Не случайно изменение цвета кожи привязано к состоянию опьянения – тем самым метаморфозы идентичности героев приобретает еще большую негативную окраску. Сложно оценить дискурсивные модели описания темноты кожи, так как текст произведения редактировался с учетом нормативных установок относительно уместности терминов. Например, из финальной сцены убийства Дайсукэ исключено упоминание расы убийцы, хотя ранние версии намекают на оскорбительное слово 黒坊, *куромбо*. Подобное оскорбление используется и в рассказе Такэмото Ёсио «Пепел», когда главный герой Харута влезает в пьяную драку с темнокожим [Takemoto 1975a, p. 141].

³ *Байано* – выходец из штата Баия, термин перерос в расовую маркировку из-за преобладающего в этом штате темнокожего населения.

История «Смерти одного поселенца» направлена не на демонизацию Другого, а скорее на осуждение высокомерного и жестокого Дайсукэ. Насилие, которому подвергся Дайсукэ, неявно представлено как возмездие за его тщеславие и за те страдания, которым он подвергал рабочих. Возможно, обезличенная фигура убийцы является собирательным образом всех обиженных Дайсукэ, выходя за рамки расового дискурса. Конструирование негативного образа Другого происходит там, где чуждые этнические элементы вторгаются в закрытую японскую общину.

Расовую проблематику раскрывает и рассказ Сонобэ Такэо «Время рискованного земледелия». Его главная героиня Рурико не гнушается вступать в отношения с мужчинами других рас, подрывая традиционную для диаспоры важность эндогамии и сохранения «чистоты» происхождения. Не случайно сама Рурико смешанного происхождения, что еще больше демонизирует межэтнические связи. Автор констатирует, что «японская кровь, циркулирующая в гниющей плоти Ханаока Рурико, была не чем иным, как чудом» [Sonobe 1975, p. 19]. Даже имя героини записывается комбинацией *катакана* и иероглифа – ルリ子. Ненормативное произношение Рурико также выделено графическими средствами. В тех отрывках, когда она обращается к своему возлюбленному, О:мура, его имя транскрибируется азбукой *катакана* (オームラ), а в повествовательных отрывках оно появляется в иероглифике (大村). Таким образом, главная героиня является крайним воплощением Другого, находящегося на пути к необратимой утрате этнической идентичности.

Проблема взаимодействия с внешней по отношению к японской диаспоре группой вписывается в концепцию «суггестии» и «контрсуггестии». Концепция сводится к свойству контактирующих групп сближаться и отдаляться в восприятии членов группы. Обычно тенденция к сплочению (внутригрупповой суггестии) и отчуждению (внешнегрупповой контрсуггестии) – защитный механизм, исходящий из проблемы разобщённости ингруппы (группы, с которой связывает себя индивид) [Поршнева 2010, с. 192]. В рассматриваемом подходе важное место отводится историческому контексту. При обращении к истории японской диаспоры в Бразилии раскрывается проблема отсутствия внутригрупповой целостности: региональное, социальное и языковое разнообразие. Соответственно, необходимость защиты внутригруппового единства ведет к противопостав-

лению с аутгруппой (внешней по отношению к индивиду) и формированию неадекватного аутгруппового восприятия, которому свойствен этноцентризм, ингрупповой фаворитизм (предпочтение «своих» в ущерб «чужим») и интолерантность.

В рассмотренных произведениях отображены стратегии навязывания интолерантности посредством этнических стереотипов, что ярко выражено в рассуждениях Дайсукэ, который приписывает расам определенные качества, основываясь на цвете кожи. Рурико является воплощением крайней аутгрупповой суггестии – межэтнических браков, что открыто порицается автором. Подобные стратегии изображения расового Другого навязывали читателям негативное восприятие бразильцев. Однако главный фокус выбранных произведений направлен не на внешний, а внутренний стимул разрушения внутригрупповой целостности – приобретение аутгрупповых качеств членами ингруппы, расцениваемое как предательство.

Внутригрупповое предательство и трансформация идентичности

В сборнике можно выявить несколько проявлений приобретенной инаковости и внутригруппового предательства: связанное с социальным расслоением и эксплуатацией «своих», приобретение черт внешности или поведения «чужих» и женский вопрос.

Проблематика внутригруппового предательства раскрыта с наибольшей эмоциональностью в рассказе «Время рискованного земледелия». Действие разворачивается в г. Сан-Паулу, раскрывая реалии городской жизни японцев. Действующие лица – Ханаока Рурико и её богатый покровитель О:мура, парвеню, разбогатевший благодаря помидорным плантациям. О:мура ездит «на Форде новой модели» [Sonobe 1975, p. 6] – этот символ его расточительности неоднократно упоминается в тексте. Жадность и демонстрация богатства О:мура показывает отвращение к повествователю к городской жизни, чуждой традиционным ценностям, которые призывают к скромности [Carvalho 2003, p. 60]. Негативное отношение к горожанам прослеживается и в «Смерти одного поселенца», когда Дайсукэ корит старшего сына, уехавшего в Сан-Паулу: «...он сбежал в Сан-Паулу, сказав, что ему нужно учиться. Но что такой

*вагабундо*⁴ собирается делать с образованием? Ему следует поучиться у своего отца...» [Tanabe 1975, 37].

С точки зрения Дайсукэ, сын поступает предательски, нарушая семейные традиции; он опасается и за младшего сына: «Симбо: всего одиннадцать, но мы должны быть осторожны, чтобы он тоже не превратился в *вагабундо*...» [Ibid., p. 37].

В поведении О:мура и Рурико прослеживается страсть к городским благам и презрение к сельскому труду, хотя автор неявно намекает на их связь с деревенской жизнью: Рурико тайно испытывает влечение к «грязной плоти фермеров» [Sonobe 1975, p. 6]; О:мура сам является простым рабочим, разбогатевшем на наживе и эксплуатации равных себе японцев. Именно эксплуататорское отношение О:мура к соотечественникам становится главным объектом отвращения повествователя. Одержимый прибылью, О:мура нарушает трудовую этику и относится к сельскому хозяйству как азартной игре, что заложено в названии рассказа.

Вместо обеспечения стабильным заработком соотечественников и создания устойчивого производства, О:мура выбирает безрассудное удобрение почвы в угоду «расам, любящим мясо» [Ibid., p. 8], тем самым олицетворяя предательство внутригрупповой солидарности. Алчность О:мура получает возмездие в лице конкурента Куросэ, который в сговоре с другими плантаторами устанавливает необычно низкую цену на помидоры, когда О:мура собирает урожай. Однако крах О:мура затрагивает и японских рабочих, отражая их беспомощность в борьбе эгоистичных интересов предпринимателей.

Проблема эксплуатации рабочих возникает также в рассказе Фуруно Кикую «Поселение». Жена главного героя, господина Сё:да, тяжело болеет и ее муж не может убедить колониальную администрацию поменять место его размещения без взятки. В итоге Сё:да отправляется в колонию, а его жена умирает в одиночестве в госпитале порта Сантос. Автор рассуждает о коррумпированности миграционной системы: «Ситуация с Сё:да не кажется мне ни в малейшей степени необычной; напротив, она даже кажется похожей на обычный способ обращения с кем-либо в эмиграционной компании... некоторые были более жестокими и бесчеловечными...» [Furuno 1975a, p. 63].

⁴ Яп. ヴァガブンド, от португальского *vagabundo*, «бродяга». Так называли японцев, переезжавших в большие города.

Осознание собственной беспомощности ведет к апатии и отчаянию перед будущим. В рассказе Сакурада Такэо «После того, как мы поселились», повествующем о группе японских поселенцев, только что переехавших в Бразилию, амбиции новой волны мигрантов противопоставлены подавленности первого поколения, *иссэй*: «...там были первопроходцы, живые трупы, которые теперь были так далеки от надежд и страстей, которые наполняли их, когда они только поселились...» [Sakurada 1975, p. 75]. Похожее состояние упоминает Акита в рассказе «Перекасти-поле», действие которого разворачивается на корабле, идущем в Японию: «...я думаю, что решение каждого *иссэй* жить в Бразилии представляет собой печальную конечную остановку на пути человека, уставшего от поиска смысла жизни... невозможно выбрать постоянное место жительства за границей без некоторого трагического смирения...» [Furuno 1975b, p. 87].

Покорность судьбе сформировала в мировоззрении мигрантов безразличие к окружающей действительности. Чувство отчаяния в произведениях носит обезличенный характер, например, «Время рискованного земледелия» обрамляется сценами стороннего наблюдения неизвестного бродяги: история начинается с его описания главной героини, Рурико, и заканчивается его же безысходным криком, создавая впечатление крика души, которым связана вся японская диаспора.

Внутригрупповое предательство и приобретение инаковости проявляется и в женском вопросе. В произведении «Время рискованного земледелия» возникает женская проблематика, связанная с трансформацией сексуальности. Описание Рурико вызывает в читателе чувство неприязни: «...соблазнительное восточное насекомое. Она бесконечно проходит через город плоти, смешанной с плотью португальцев, итальянцев, французов, испанцев, немцев, русских и чернокожих... тайна её тела, видимая сквозь тонкую обертку...» [Sonobe 1975, p. 6]. В этом отрывке читается разложение традиционных взглядов на женскую привлекательность и телесность в городской среде, которая выставляет их напоказ. Другой взгляд на трансформацию роли женщины раскрывается в произведении Такэмото Ёсио «Водоворот». Главная героиня Митиё испытывает взаимное влечение к своему другу Мацуда, но отвергает его, сохраняя верность мужу, который охладел к ней после травмы. Невозможность быть с любимым мужчиной воспринимается героиней крайне болезненно [Takemoto 1975b, p. 116]. Она не переступает через социальные рамки, но оставшееся

вожделение и осознание неверности приносит еще больше страданий. Иное проявление предательства читатель встречает в рассказе Катаяма Ё:ко «Нацуё», где главная героиня эмигрирует в Бразилию, чтобы начать новую жизнь после измены мужа со служанкой [Katayama 1975, p. 42].

Женский вопрос приобретает и новый обертон, связанный с проблемой труда, в «Перекасти-поле», когда Акита описывает мать Жуана и Луизы: «У нее нет ни воспоминаний, ни надежд. У нее есть только гора работы, которую нужно сделать и которая нависает над ней. Женщина, которая даже не смотрит на небо, не говоря уже о том, чтобы вспомнить свой родной город, – это их мать» [Fugino 1975b, p. 82]. Автор распространяет образ изнуренной трудом домохозяйки на всех женщин колонии, работающих «как тягловое животное, утратив всякую сентиментальность, зная только мир девственных джунглей, хлопковых полей и хижин, крытых соломой» [Ibid.]. Женская участь контрастирует с образом жизни мужчин, которые могут уехать в город, где их ожидают «алкоголь, проститутки и игра в кости» [Ibid.]. Автор акцентирует несправедливость социальных ролей по отношению к женщинам, сравнивая трансформацию женской телесности с изношенным сосудом, в то время как мужская телесность обрастает чертами порока и символизирует предательство семейных уз.

«Перекасти-поле» предлагает иной взгляд на межэтнические взаимодействия и трансформацию идентичности. Действие развивается на борту корабля и фокусируется на группе японских эмигрантов, которые возвращаются в Японию, большинство из Бразилии, но некоторые из Аргентины и США. Как и в предыдущих произведениях, внимание сосредоточено на приобретенной инаковости и внутригрупповых взаимодействиях, отличием же является акцент на уважительном сосуществовании и ценности бикультурного опыта. Однако подобное поощрение новой идентичности натывается на отчуждение японских мигрантов не из Бразилии, несущее скорее насмешку, чем враждебность. Подобное отношение показано в эпизоде, когда герои подшучивают над студентом Тани из Калифорнии:

– Присаживайся, молодой человек из Калифорнии, насладись ностальгией и Расскажи нам истории о своих романах.

Тани, преувеличенно жестикулируя, ответил: “Романы? Я?”

– Sure!⁵ Макико передразнила говор Тани, отчего все, включая Тани, расхохотались» [Ibid., p. 74].

Впоследствии персонажи констатируют, что «дети, выросшие среди янки, конечно, шумные» [Ibid., p. 85] и проводят параллель с японскими детьми в Бразилии, которые слишком быстро взрослеют и рано берут на себя ответственность. Через противопоставление разного миграционного опыта формируется осознание внутригрупповой общности.

Значительное место в произведении уделяется подросткам Жуану и Луизе, которые отличаются от большинства японцев. Они носители португальского языка и почти не говорят по-японски, не умеют пользоваться палочками, отличается их внешность и жесты. Несмотря на издевки со стороны большинства «нормальных» японцев, главные герои заступаются за брата и сестру. Акита даже влезает в драку с официантом, который убедил Луизу, впервые в жизни увидевшую снег, что, если положить его в карман, можно будет взять его с собой в Японию, чему девочка и последовала, вызвав насмешки. Негодование и стремление защитить детей побуждаемо осознанием собственной инаковости. Так, Акита делится со своим приятелем, Вакабаяси: «У меня самого есть своего рода комплекс неполноценности как у мигранта» [Ibid., p. 71]. Акита выступает против унижения, которое Жуан и Луиза должны испытывать из-за нормативного представления о том, что значит быть японцем, призывая детей гордиться собственной идентичностью: «Гордо выпятите грудь, Жуан и Луиза! Выбросьте палочки и ешьте вилками. Громко говорите со всеми на языке своей родины, Бразилии» [Ibid., p. 72].

Другие персонажи также испытывают отчуждение от Японии. Макико описывает родину как «тяжелую для жизни страну» [Ibid., p. 71], где нельзя ослабить бдительность, а Вакабаяси завидует решению Акита остаться в Бразилии и сомневается, что на Хоккайдо их ждёт счастье. Герои осознают свою принадлежность к Бразилии, которая обретает статус дома.

Учитывая рассмотренные литературные репрезентации взаимодействия с чужеродной этнокультурной средой, можно отметить,

⁵ В оригинале シュア, калька с английского *sure*.

что у мигрантов различалось ощущение «японскости». Несмотря на освещение темы расового Другого, авторы концентрируют внимание на различии с членами собственной этнической группы. Основной формой, которую это различие приняло, была «приобретенная инаковость», при которой самобытность была утрачена из-за воздействия чужеродных факторов. Непохожесть в анализируемых рассказах имеет расовую, социальную и гендерную окраску и ощущается как предательство ценностей японской диаспоры. Предательство внутриобщинных уз воспринималось острее, чем враждебность со стороны принимающего сообщества. Подавляющее чувство, передаваемое рассказами, – отвращение и отчаяние: к изменению гендерных ролей, к разобщенности и враждебности среди японцев.

Трансформация идентичности связана с концепцией аккультурации Дж. Берри. Сбой в идентификации и вызванная им тревога, которые происходят в процессе адаптации мигрантов к чуждой культуре, связаны с понятием «стресса аккультурации» [Berry 2006, р. 44] – конфликта между сохранением культуры и вступлением в межкультурное взаимодействие. Дж. Берри выделяет стратегии аккультурации: маргинализацию, сепарацию, ассимиляцию и интеграцию [Ward 2001, р. 417]. Стрессогенная природа миграции и кризис этнической идентичности в довоенное время привели к выбору японскими переселенцами сепарации в качестве аккультурационной стратегии. Это подтверждается изолированным проживанием японцев в этнических анклавах и ограниченным характером взаимодействия с бразильцами. Сепарация ведет к позитивной этнической идентичности (положительное восприятие «японскости», противопоставленной принимающему сообществу) и интолерантности, что отчетливо применимо к большинству из представленных произведений.

Вместе с переселением в город и освоением португальского языка мигранты достигли экономической и социокультурной адаптации к жизни в Бразилии, проделывая путь к интеграции. Взгляды на трансформацию идентичности эволюционируют к постепенному принятию отчуждения от нормативной «японскости», что наиболее ярко отразилось в рассказе «Перекасти-поле». Однако всплеск национализма в годы Второй мировой войны прервал процесс зарождения «японо-бразильской» идентичности. Господство национальной идентификации в военные годы видно на примере более позднего

произведения Суги Такэо «Месть», созданного с началом японской агрессии в Китае [Sugi 1975, p. 105]. Репрезентация инаковости здесь основана на предательстве национальной идеологии и недостаточном патриотизме, за что главного героя публично унижают. В борьбе за внимание девушки Сатико противостоят Маэкава и Аида, участники молодежной патриотической организации, которая занимается сбором средств для помощи Национальному фронту Японии. Узнав, что Маэкава отправился в город с Сатико вместо строительных работ, Аида мстит ему, обвиняя в недостаточном патриотизме. Сильное переживание, которое Маэкава испытывает от обвинения, отражает возросшее значение национальной идентичности с началом экспансии Японской империи и внутреннюю борьбу между патриотизмом и осознанием отчуждения от Японии. Острота осуждения девиантных членов сообщества на почве национализма впоследствии вышла за литературные рамки. В первые послевоенные годы диаспора раскололась вокруг спора о поражении Японии на «союз победивших» (勝ち組, *кати-гуми*) и «союз побежденных» (負け組 *макэ-гуми*) [Maeyama 1975, p. 542]. Наиболее радикальным проявлением внутригруппового конфликта стало возникновение «Лиги верноподданных императора» 臣道聯盟, *Синдо: рэммэй*, – террористической организации, продвигавшей националистические идеи репрессивными мерами вплоть до убийства несогласных [Shibata 2021, p. 172].

Заключение

Имин бунгаку, являясь литературной репрезентацией жизни японской диаспоры в Бразилии, отражает метаморфозы ценностей и идентичности в ходе межкультурного взаимодействия. Литературное творчество воплощает коллективную память мигрантов, объединенных ощущением собственной «ненужности» в Японии и вынужденным изгнанием. Длительное пребывание в Бразилии неизбежно вызвало адаптацию к местной культурной среде и стимулировало трансформацию внутригрупповой идентичности. Подобное инакомыслие вызвало реакцию негодования. Конфликт традиционной системы ценностей и культурных заимствований составляет корень проблематики произведений, фокусируя внимание читателя на разрушении внутриобщинных связей и приобретенных отличиях,

воплотившихся не только в межэтническом взаимодействии, но и в социальном неравенстве и женском вопросе. Восприятие отличной от нормативной «японскости» идентичности эволюционирует от чувства предательства до принятия и позитивной оценки приобретенных качеств. К началу Второй мировой войны пропаганда патриотизма, с одной стороны, и усиление антияпонских настроений в Бразилии – с другой, определили победу национальной идентичности над зарождающимся бикультурализмом. В послевоенные годы наблюдается прямо противоположное явление – сближение с принимающим сообществом становится ключевой целью этнических японцев Бразилии во второй половине XX в., стимулированное чувством неполноценности от поражения Японии в войне и осознанием невозможности репатриации. Интеграция японцев в бразильское общество не завершилось ассимиляцией, их потомки идентифицируют себя термином 日系人, *никкэйдзин*, «японец по происхождению». Вместе с этим *никкэйдзин* осознают свою принадлежность к Бразилии, поэтому литературное творчество японской диаспоры в послевоенный период – продукт культурного симбиоза, зачатки которого видны еще в довоенной литературе. Период с 1908 по 1941 гг. заложил основу миграционного опыта и воспринимается с особым пиететом. Литературные репрезентации тяжёлого периода адаптации в Бразилии важны в сохранении коллективной памяти и передаче опыта молодому поколению этнических японцев.

Библиографический список

Андерсон Б. (2016). *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. – Москва: Кучково поле.

Емельянова О. Н., Щербakov Д. А. (2020). Земельно-налоговая реформа в Японии в эпоху Мэйдзи и ее значение. *Проблемы Дальнего Востока*. № 6. С. 155–166.

Поршнев Б. Ф. (2010). Контрсуггестия и история. *Историческая психология и социология истории*. Т. 3, № 2. С. 185–219.

Савельев И. Р. (1997) *Японцы за океаном: история японской эмиграции в Северную и Южную Америку*. – Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

References

Anderson, B. (2016). *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).

Berry, J. (2006). Stress Perspectives on Acculturation. In *The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology* (pp. 43–58). <https://doi.org/10.1017/CBO9780511489891.007>

Carvalho, D. (2003). *Migrants and Identity in Japan and Brazil: The Nikkeijin*. New York: Routledge, Taylor & Francis Group. <https://doi.org/10.4324/9780203220719>

Emelyanova, O. N., & Shcherbakov, D. A. (2020). Zemel'no-nalogovaya reforma v Yaponii v epokhu Meidzi i ee znachenie [Land and Tax Reform in Japan During the Meiji Era and Its Significance]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Studies], 6, 155–166. (In Russian).

Furuno, K. (1975a). Haikō [Dispersed Cultivation]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 54–64). (In Japanese).

Furuno, K. (1975b). Tenpō [Drifting weeds]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 65–87). (In Japanese).

Jacobowitz, S. (2019). A Bitter Brew: Coffee and Labor in Japanese Brazilian Immigrant Literature. *Estudos Japoneses*, 41, 13–30. <https://doi.org/10.11606/issn.2447-7125.v0i41p13-30>

Katayama, Y. (1975). Natsuyo [Summer night]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 42–52). (In Japanese).

Koronia Bungakukai. (1975). *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels]. (In Japanese). Retrieved from <https://brasilnippou.com/ja/iminbunko>

Lesser, J. (2003). Japanese, Brazilians, Nikkei: A Short History of Identity Building and Homemaking. In *Searching for Home Abroad: Japanese Brazilians and Transnationalism* (pp. 5–20). Duke University Press. <https://doi.org/10.1515/9780822385134-004>

Lone, S. (2001). The Japanese Community in Brazil, 1908–1940. In *Between Samurai and Carnival*. Macmillan UK.

Mack, E. (2005). Diasporic Markets: Japanese Print and Migration in São Paulo, 1908–1935. *Script & Print*, 29, 163–177.

Mack, E. (2010). *Manufacturing Modern Japanese Literature: Publishing, Prizes, and the Ascription of Literary Value*. Durham: Duke University Press. <https://doi.org/10.1215/9780822391654>

Mack, E. (2022). *Acquired Alterity: Migration, Identity, and Literary Nationalism*. Oakland: University of California Press. <https://doi.org/10.1215/00219118-10773771>

Maeyama, T. (1975). Imin bungaku kara mainoritī bungaku e [From Immigrant Literature to Minority Literature]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 513–545). (In Japanese).

Nakato, Y. (2018). Burajiru Nikkei imin shakai ni okeru “Koronia-go” no ichi [The Position of “Colonia Language” in the Brazilian Nikkei Immigrant Community]. *Okayama Daigaku Bungakubu Kiyō*, 53–70.

Porshnev, B. F. (2010). Kontrsuggestiya i istoriya [Counter-Suggestion and History]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical Psychology & Sociology], 3 (2), 185–219. (In Russian).

Retis, J. (2021). Understanding Ethnic Journalism in an Extinguishing Print News Media Landscape: Japanese-Language Newspapers in Brazil. In *Ethnic Journalism in the Global South* (pp. 255–273).

Rivas, M. (2015). Songs From the Land of Eternal Summer: Beyond Duality in Japanese Brazilian Publication and Colonia Man'yōshū. *Comparative Literature Studies*, 52 (4), 787–817. <https://doi.org/10.5325/complitstudies.52.4.0787>

Sakurada, T. (1975). Nyūshoku kara [From Settlement Onwards]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 89–104). (In Japanese).

Savel'ev, I. R. (1997). *Yapontsy za okeanom: istoriya yaponskoi emigratsii v Severnuyu i Yuzhnyuyu Ameriku* [Japanese Overseas: The History of Japanese Emigration to North and South America]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russian).

Shibata, H. (2021). Diaspora nationalism toshite no Kachimake kōsō saikō: Bastosu to Rejisutoro no hikaku o tsūjite [Reconsideration of the Kachimake Conflict as Diaspora Nationalism: A Comparison Between Bastos and Registro]. *Journal of the Japanese Overseas Migration Museum, JICA Yokohama*, 16, 171–189. (In Japanese).

Sonobe, T. (1975). Tobaku nō jidai [Era of Gambling Farmers]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 5–20). (In Japanese).

Sugi, T. (1975). Fukushū [Revenge]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 105–114). (In Japanese).

Takemoto, Y. (1975a). Shikai [Dead Ashes]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 133–143). (In Japanese).

Takemoto, Y. (1975b). Uzu [Whirlpool]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 116–132). (In Japanese).

Tanabe, S. (1975). Aru kaitakusha no shi [The Death of a Pioneer]. In *Koronia shōsetsu senshū* [Selected Collection of Colonia Novels] (pp. 22–40). (In Japanese).

Ward, C. (2001). The A, B, Cs of Acculturation. In *The Handbook of Culture and Psychology* (pp. 411–445).

Ежегодник Японии 2025. Т. 54. С. 382–410

Yearbook Japan 2025. Vol. 54, pp. 382–410

DOI: 10.55105/2687-1440-2025-54-382-410

**Столетняя история России глазами японского ученого.
Рецензия на книгу Окада Сусуму
«От советского социализма
к российскому капитализму.
Столетняя история общества
и экономики России»**

И. П. Лебедева

Аннотация

В 2022 г. издательство «Тосиндо» выпустило книгу известного японского ученого, почетного профессора Токийского университета иностранных языков Окада Сусуму. Книга охватывает огромный исторический период, на протяжении которого советское, а затем и российское общество, экономика страны пережили ряд полных драматизма трансформаций, аналогов которым не существует в человеческой истории. Будучи профессионалом высокого класса, профессор Окада вычленил наиболее важные события и проблемы в столетней российской истории, продемонстрировав глубокое понимание их сути. Для анализа происходивших на протяжении столетия изменений в экономике и обществе России профессор Окада использовал проблемно-исторический подход.

Книга состоит из трех разделов. В первом разделе «Два системных переворота» анализируются особенности экономического развития России от Октябрьской революции до развала Советского союза и начала становления новой России. Во втором разделе «Изменение экономической системы и положение трудящихся» рассматривается широкий комплекс вопросов, характеризующих ситуацию в различных сферах жизни общества при Советском Союзе и в постсоветской России. Наконец, третий раздел «Советский социализм и российский капитализм» содержит анализ сущности как советского социализма, так и современного российского капитализма.

Каждая глава снабжена обширным списком литературы (в основном русскоязычной), начиная с академических трудов и кончая периодикой.

В строгий академический анализ вплетены интересные детали, что свидетельствует о прекрасном знании автором российских реалий, причем не только советского и постсоветского периодов, но и более ранних времен. К сожалению, в короткой рецензии невозможно отразить все достоинства книги профессора Окада, но, несомненно, что она вносит важный вклад в изучение нашей страны, перипетий ее развития в Японии.

Ключевые слова: Россия, СССР, советский социализм, российский капитализм, революция, сталинизм, перестройка, номенклатурный капитализм.

Автор: Лебедева Ирина Павловна, д.э.н., главный научный сотрудник, Центр японских исследований Института востоковедения РАН, 103031 Москва, ул. Рождественка, 12.

E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0273-2689

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

**A Hundred-Year History of Russia Through
the Eyes of a Japanese Scholar.
Review of Okada Susumu's Book
From Soviet Socialism to Russian Capitalism.
*A Hundred-Year History
of Russian Society and Economy***

I. P. Lebedeva

Abstract

In 2022, the Toshindo Publishing House published a book by a famous Japanese scholar, Honorary Professor of Tokyo University of Foreign Languages Okada Susumu. The book covers a huge historical period, during which the Soviet and later Russian society and the country's economy went through a series of dramatic transformations, which have no analogues in human history. Being a high-class professional, Professor Okada identified the most important events and problems in the hundred years of Russian history,

demonstrating a deep understanding of their essence. Professor Okada used a problem-historical approach to analyze the changes in the Russian economy and society over the course of a century. The book consists of three sections. The first section, “Two Systemic Upheavals,” analyzes the features of Russia’s economic development from the October Revolution to the collapse of the Soviet Union and the beginning of the formation of a new Russia. The second section, “Changes in the Economic System and the Situation of Workers,” examines a wide range of issues characterizing the situation in various spheres of society in the Soviet Union and post-Soviet Russia. Finally, the third section, “Soviet Socialism and Russian Capitalism,” contains an analysis of the essence of both Soviet socialism and modern Russian capitalism. Each chapter is provided with an extensive list of literature (mostly in Russian), from academic works to periodicals. Interesting details are woven into the rigorous academic analysis, which indicates the author’s excellent knowledge of Russian realities, not only of the Soviet and post-Soviet periods, but also of earlier times. Unfortunately, it is impossible to reflect all the advantages of Professor Okada’s book in a short review, but there is no doubt that it makes an important contribution to the study of our country and the vicissitudes of its development in Japan.

Keywords: Russia, USSR, Soviet socialism, Russian capitalism, revolution, Stalinism, Perestroika, nomenklatura capitalism.

Author: *Lebedeva Irina P.*, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russia.

E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0273-2689

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Летом 2022 г. в издательстве «Тосиндо» вышла книга известного японского русиста, почетного профессора Токийского университета иностранных языков Окада Сусуму. Эта книга – своего рода итог многолетнего изучения профессором Окада России в разные периоды ее истории. Теоретической основой его трудов является марксистская политэкономия, с ее строгим категорийным аппаратом и безупречной логикой. Это сказалось и на качестве рецензируемой работы, которую отличает глубокий анализ исследуемых проблем, четкое и ясное изложение материала.

Написать столь объемный и емкий труд, охватывающий столетнюю историю России, вычленив наиболее важные проблемы и этапы в развитии ее экономики и общества профессору Окада помогло прекрасное знание российских реалий и блестящее владение русским языком. Достаточно сказать, что профессор Окада перевел на японский язык порядка десятка книг выдающихся советских и российских ученых-экономистов, не говоря уже о множестве статей. Книга прекрасно фундирована, как принято сейчас говорить. Каждая глава снабжена обширным списком литературы (в основном русскоязычной), начиная с академических трудов и кончая периодикой. В строгий академический анализ вплетены интересные детали, с которыми было бы любопытно ознакомиться не только японским, но и российским читателям.

Особую ценность книге профессора Окада придает тот факт, что в Японии, к сожалению, все меньше остается специалистов по России. Старшее поколение постепенно отходит от дел, а новых имен мы практически не знаем. Хочется надеяться, что времена изменятся, интерес к нашей стране вновь возродится, и книга профессора Окада, несомненно, сыграет важную роль в воспитании нового поколения японских русистов.

Для анализа происходивших на протяжении столетия изменений в экономике и обществе России профессор Окада использовал проблемно-исторический подход. Книга состоит из трех разделов. В первом разделе «Два системных переворота» анализируются особенности экономического развития России от Октябрьской революции до развала Советского Союза и начала становления новой России. Во втором разделе «Изменение экономической системы и положение трудящихся» – самом объемном разделе работы – рассматривается широкий комплекс вопросов, характеризующих ситуацию в различных сферах жизни общества при Советском Союзе и в постсоветской России. Наконец, третий раздел «Советский социализм и российский капитализм» содержит анализ сущности как советского социализма, так и современного российского капитализма.

Хотя изложение материала начинается с анализа характера Октябрьской революции, рассматривая ее предпосылки, автор описывает и реалии царской России, сделавшие неизбежными крах монархии. После освобождения крестьян в 1860 г. в России при поддержке правительства довольно быстро стал развиваться капитализм, но в целом

страна продолжала оставаться полуфеодальным государством, с господством архаичной системы помещичьего землевладения и сохранением абсолютной монархии. Автор приводит данные, иллюстрирующие ужасающие условия труда рабочих на вновь созданных капиталистических предприятиях. Полуфеодальные отношения, пронизывавшие всю систему общества, сделали невозможным осуществление прогрессивных по тому времени столыпинских реформ, и в целом вплоть до 1917 г. какие-либо значимые буржуазно-демократические преобразования не были осуществлены. В то же время, происходил рост численности рабочего класса, сопровождавшийся его концентрацией на ряде крупнейших предприятий, возникли политические партии, в том числе марксистского направления. Иными словами, началось формирование предпосылок для революции. Их вызревание сильно ускорила Первая мировая война, приведшая к падению монархии и Февральской революции 1917 г.

Что касается последующих событий, то профессор Окада подчеркивает важную роль Советов – возникших независимых органов власти рабочих, солдат и крестьян, на которые и призывал опираться Ленин, требуя передачи им всей полноты власти. В октябре 1917 г. Временное правительство было свергнуто, и власть перешла к советам во главе с Чрезвычайным рабоче-крестьянским правительством.

Далее профессор Окада анализирует первые шаги советской власти, справедливо отмечая, что особая сложность стоявших перед ней задач была связана с тем, что формально открывая путь к социализму, она вынуждена была решать задачи буржуазно-демократической революции. Последние были решены путем принятия целого ряда прогрессивных трудовых и социальных законов, Декрета о мире, Декрета о земле.

Была проведена национализация банков, введен рабочий контроль на предприятиях и предпринят целый ряд других мер, отвечавших интересам большинства населения. Однако, что касается дальнейших шагов, то в партии большевиков шла ожесточенная дискуссия по этому вопросу.

Анализируя эти внутривнутрипартийные противоречия, профессор Окада четко определяет причины их возникновения. Дело в том, что Маркс писал о социалистической революции применительно к странам, где уже созрели материальные предпосылки для нее. А что касается самого социализма, то на вооружении у большевиков были лишь самые

общие, абстрактные высказывания классиков марксизма. Наибольшую же сложность представляло то, что у классиков не было указаний, какими должны быть экономические отношения с возникшей огромной массой мелких крестьян-товаропроизводителей, составлявших порядка 80% населения России. В конечном итоге победила точка зрения сторонников Ленина, считавших, что для организации производства и налаживания контроля и учета необходимо пойти на временное сотрудничество с буржуазией и специалистами. Однако «реалии на земле» – интервенция, гражданская война и тяжелая экономическая ситуация – отложили на время реализацию этого курса, и был введен Военный коммунизм с его жесткой централизованной системой управления, отменой денег, бесплатным предоставлением товаров и услуг (с учетом классового положения), а главное – с системой принудительных поставок продовольствия крестьянами. Он просуществовал до 1921 г., когда на смену ему пришла новая экономическая политика – нэп.

Будучи ученым-марксистом, профессор Окада большое внимание уделяет теоретической стороне рассматриваемых вопросов. В частности, в контексте анализа изменений, которые привнес переход к нэпу, он обращается к идеям Ленина об «особом переходном периоде» и «обратном порядке». Понимая, что в такой крестьянской стране, как Россия непосредственный переход к социализму невозможен, Ленин обосновал необходимость «особого переходного периода», в течение которого народное хозяйство будет в целом управляться на основе товарно-денежных отношений, а отношения с крестьянством будут строиться на принципах паритетного обмена. Хотя этот чреват возрождением капиталистических отношений, сохранение командных высот в руках государства поможет сдерживать этот процесс. В то же время, осознавая, что в России отсутствуют экономические и культурные предпосылки социализма, он предлагал постепенно создавать их с опорой на советскую власть. Однако, как подчеркивает профессор Окада, детальных очертаний этого пути Лениным представлено не было.

Как известно, после смерти Ленина в 1924 г. власть начала все больше концентрироваться в руках Сталина, партийная демократия была фактически подавлена, одновременно шло выхолащивание советов, нарастала бюрократизация партийного и государственного аппарата. Был взят курс на ускоренную индустриализацию с упором

на импорт западных технологий, основным источником средств для которой стала принудительная коллективизация деревни. В 1936 г. была принята сталинская конституция, провозгласившая, что в СССР построен социализм. Перечисляя такие его характеристики, как функционирование народного хозяйства на основе плановой системы, господство общественной формы собственности, гарантии права на труд и на жизнь, предоставление всем гражданам доступа к бесплатному образованию и медицинскому обслуживанию и т.д., профессор Окада задается вопросом – можно ли эту систему считать социалистической? Поскольку более подробно он рассматривает этот вопрос в третьем разделе работы, отметим здесь лишь основной вывод профессора. Это была особая экономическая система мобилизационного типа, возникшая вследствие формального восприятия социализма как предельно централизованной системы и в результате преодоления «одним махом» всех тех трудностей, о которых говорил Ленин, выдвигая идею об «обратном порядке».

Эта система продемонстрировала свою силу в период войны и послевоенного восстановления. Однако, как показывает автор в подразделе с красноречивым названием «Советский социализм: от реформ к саморазрушению», уже с брежневских времен стали исчерпываться факторы, поддерживавшие экономический рост, по уровню жизни СССР все больше отставал от западных стран, у предприятий отсутствовали стимулы к техническому прогрессу, существовали одновременно затоваривание и дефицит. Всевластие бюрократии воспрепятствовало осуществлению реформ Косыгина, которые так и остались незавершенными. Что касается Перестройки, то профессор Окада видит основную причину ее неудач в следующем. Хотя в плане демократизации политической системы были приняты важные меры (признание гражданских свобод, запрет на цензуру, отделение партии от государства, введение многопартийной системы и т. д.), в области экономики четкого видения реформ не было, и, несмотря на определенные шаги (такие, как диверсификация форм собственности, демократизация управления предприятиями), перестройка так и не смогла выйти за пределы «советского социализма». На наш взгляд, здесь важно подчеркнуть тезис автора о том, что «советский социализм» саморазрушился, а не пал в результате заговора внешних сил, что стало модно проповедовать в нынешней России. Этому вопросу посвящена вторая глава первого раздела.

В ней автор приводит статистические данные, показывающие, как экономика страны все больше погружалась в застой, характеризуя систему, просуществовавшую, по сути, до краха СССР, как неосталинизм. Он убедительно доказывает невозможность расширения независимости предприятий в рамках плановой системы при значительном увеличении масштабов экономики, многократном росте числа производств и резком расширении номенклатуры выпускаемой продукции. При такой системе решающую роль играло распределение материальных ресурсов, приоритет отдавался отраслям военно-промышленного комплекса и тяжелой промышленности, а прочие отрасли страдали от постоянного дефицита средств. В рамках этой системы шло формирование личных связей между государственной бюрократией и директорами заводов, а между предприятиями через «толкачей» совершался обмен с целью реализации избыточных или получения недостающих ресурсов. У предприятий не было ни стимулов к расширению производства, ни стремления к научно-техническому прогрессу.

Что касается экономической перестройки, то причины ее провала, как уже отмечалось, профессор Окада видит в отсутствии четкого видения реформ. В целом Горбачев создал условия для реализации косыгинских реформ – расширения независимости предприятий в рамках плановой системы. За пределами выполнения обязательных плановых показателей предприятия могли проводить свободные сделки. Было также введено самоуправление на предприятиях, включая право выбора директоров, однако оно толком не заработало из-за сильного влияния сложившейся десятилетиями практики управления. Что касается диверсификации форм собственности (разрешение индивидуального предпринимательства и кооперативов), то не было ясного представления, каким образом решать различные проблемы, возникшие вследствие этого.

В обществе шли горячие дискуссии. Реформам сопротивлялась наиболее консервативная часть партийного и государственного аппарата. Лишь в декабре 1990 г. была одобрена Верховным советом программа «500 дней», предложенная сторонниками реформ. Тем временем экономическая ситуация быстро ухудшалась, нарастал дефицит самых необходимых товаров, процветал подпольный рынок. К 1991 г. ситуация резко ухудшилась, было очевидно, что плановая система не функционирует, а рынок не заработал. Из-за снижения цен на нефть и роста цен на импортные товары, а также из-за затруднений

со сбором союзных налогов в катастрофическом положении оказались государственные финансы. Начался парад суверенитетов, республики одна за другой стали провозглашать независимость.

Вывод, который делает профессор Окада, проанализировав детально ход экономической перестройки, объективен и точен. А именно: как единое экономическое пространство Советский Союз перестал существовать еще до того, как был официально распущен.

В заключительной части главы профессор Окада рассматривает вопрос о том, каким образом в период перестройки шло зарождение капитализма. Он полагает, что партийная и государственная бюрократия, директора заводов, воспользовавшись своими административными возможностями и связями, на волне «приватизации государственных предприятий», роспуска ряда министерств смогли превратить свои властные полномочия в капитал (через получение солидных пакетов акций, создание «карманных» банков и т. д.). При этом профессор Окада упоминает и «комсомольскую экономику», а именно получение лидерами комсомола ряда привилегий (в частности, доступ к валютным операциям и разрешение на создание совместных предприятий). Организовав импорт дефицитных товаров и их продажу по высоким ценам внутри страны, а также за счет сделок по сдаче в аренду недвижимости они смогли накопить огромные средства. (Одним из наиболее известных их представителей стал М. Ходорковский).

Иными словами, заключает профессор Окада, вместо того, чтобы дать второй шанс социализму, перестройка привела к зарождению «номенклатурного капитализма».

Как отмечалось, во втором разделе монографии автор рассматривает широкий комплекс проблем, показывающих, что представляло собой советское общество и какие изменения оно претерпело в постсоветское время. При этом те этапы развития страны, которые в предыдущем разделе были рассмотрены с точки зрения экономического развития, теперь автор препарирует с акцентом на вопросы, связанные с положением трудящихся. Этот раздел насыщен множеством деталей, цифр и фактов, которые подтверждают положения и выводы автора, одновременно свидетельствуя о его удивительной научной добросовестности, глубоком погружении в исследуемые вопросы. Ниже мы приведем лишь краткую выжимку из материалов раздела.

Что касается советского периода, то анализируя ситуацию в плане соответствия реального положения дел и формальных лозунгов, профессор Окада показывает, как по мере укрепления сталинской модели социализма расхождение между ними становилось все более и более очевидным.

Октябрьская революция действительно резко изменила положение рабочего класса. Из наемных работников, задешево продававших свой труд, они превратились в движущую силу революции и созидателей нового общества. Правда, направить их энергию в нужное русло было трудно с учетом специфического состава российского рабочего класса, а именно с преобладанием в нем вчерашних крестьян и крестьян-отходников, сохранявших приверженность общинному сознанию.

Сразу после революции был принят ряд прогрессивных законов в сфере труда: установлен 8-часовой рабочий день и ограничены сверхурочные, введена система соцзащиты труда, поддержки детей, женщин и инвалидов, до 100% повышены размеры компенсации в случае производственной травмы. Уровень заработной платы стал определяться на основе соглашений между нанимателями и работниками по принципу «равной оплаты за равный труд». Рабочие комитеты получили право выбирать управленцев, хотя это часто вело к дезорганизации производства.

Конечно, военный коммунизм привел к изменению ситуации – произошла централизация управления с урезанием прав рабочих комитетов и профсоюзов. Но в период нэпа трудовые отношения вновь стали регулироваться соглашениями между профсоюзами и нанимателями (включая и перешедшие на хозрасчет государственные предприятия), хотя профсоюзы не имели права напрямую вмешиваться в управление предприятиями. При этом уровень жизни рабочих оставался крайне низким: лишь к 1928 г. размеры заработной платы достигли показателей 1913 г. Численность безработных к 1929 г. достигла 1,7 млн человек. Поскольку запрещенные в период военного коммунизма забастовки вновь были разрешены, в период нэпа усилилась роль профсоюзов в защите прав трудящихся. По данным, которые приводит профессор Окада, за 1922–1928 гг. в стране прошло более 2 тыс. забастовок, в которых приняли участие 8,5 млн человек.

Однако ситуация с правами трудящихся начала быстро меняться с переходом к «подобной буре» индустриализации. В 1930 г. были введены трудовые книжки, без которых невозможно было устроиться

на работу, а также паспортная система, при которой без разрешения нельзя было сменить место проживания. Для обеспечения строек рабочей силой завозились бригады из колхозов и совхозов, члены которых не могли добровольно оставить работу. ГУЛАГ отвечал за поставку «политических преступников», которые включались в государственные планы как источник рабочей силы.

При этом материальное положение самих рабочих, численность которых увеличилась с 2,8 млн в 1928 г. до 11,7 млн в 1937 г., оставалось тяжелым. Так, за 1925–1937 гг. номинальная зарплата рабочих выросла в 5,5 раз, а цены на продовольствие – в 8,8 раза. Условия труда ужесточились. С целью повышения производительности труда были введены нормы выработки. С первого пятилетнего плана стало насаждаться социалистическое соревнование, началось движение за перевыполнение плана, наиболее яркой формой которого стало стахановское движение. Одновременно были установлены привилегии для партийной и государственной элиты.

Что касается профсоюзов, то, как отмечает профессор Окада, к концу 1920-х гг. они окончательно утратили свою независимость и были полностью подчинены государству. Их целью стала мобилизация трудящихся на строительство социализма. После 1935 г. уже не заключалось никаких трудовых соглашений, заработную плату устанавливало государство. Формально забастовки не были запрещены, но на практике не допускались. При этом происходила все большая бюрократизация центральных органов профсоюзов.

В 1936 г. было объявлено о построении в СССР социализма. Отмечая такие положительные изменения в положении рабочего класса, как гарантирование права на труд и отдых, права на жизнь, введение распределения по труду, доступ к системе социального обеспечения, профессор Окада в то же время подчеркивает, что рабочие не только были отстранены от участия в управлении, но и лишились права на самостоятельные действия через профсоюзы. Что же касается движения передовиков производства, призывов к перевыполнению плана, организации социалистического соревнования, то их профессор Окада справедливо называет насаждаемыми «сверху» квази-формами «участия рабочих в управлении», не имевшими отношения к тому, что вкладывали в это понятие классики.

Анализируя последующие этапы «советского социализма» с точки зрения изменений в положении трудящихся и их участии

в управлении производством, профессор Окада обращает внимание на следующие моменты.

После смерти Сталина и XX съезда КПСС предпринимались попытки ослабить жесткость сложившейся системы управления народным хозяйством. В частности, на это были направлены реформы Косыгина, которые привели к относительному росту самостоятельности предприятий, ослабили их зависимость от министерств, ввели хозрасчет. Однако, как отмечалось, из-за сопротивления бюрократии и опасений, что демократизация может привести к событиям, подобным «пражской весне», они не были завершены. Но в то же время произошло определенное усиление влияния профсоюзов. Так, без их согласия руководство не могло уволить работника, на предприятиях были созданы комиссии по охране труда. Кроме того, профсоюзы по-прежнему занимались распределением путевок, туристических поездок, предоставлением материальной помощи, культурной и образовательной деятельностью. Более того, через Центральную федерацию профсоюзов рабочие коллективы могли направлять правительству (в лице Госкомитета по труду и заработной плате) свои предложения.

Чтобы повысить мотивацию работников, их заинтересованность в делах предприятий в 1958 г. были возрождены производственные комитеты, которые выбирались работниками и состояли из представителей рабочих, руководства, партийной организации и профсоюза. Они занимались выполнением плана, организацией соцсоревнования, сбором предложений для руководства, что, по мнению профессора Окада, вряд ли можно считать «участием в управлении».

В 1977 г. был провозглашен переход от «диктатуры пролетариата» к «всенародному государству», в котором центральное место отводится человеку как главной движущей силе НТП. В 1983 г. был даже принят Закон о трудовом коллективе, который предоставлял последнему полномочия в принятии решений в отношении производственной и прочих сторон деятельности предприятия.

Что касается положения работников, то по сравнению со сталинскими временами по целому ряду показателей оно улучшилось. В 1960 г. была введена 41-часовая рабочая неделя с двумя выходными днями, с 1980 г. ее продолжительность была сокращена до 40 часов. Был разрешен свободный выбор работы (за исключением выпускников вузов, которые трудоустраивались по распределению). Размеры минимальной заработной платы устанавливались на уровне не ниже

прожиточного минимума, не было безработицы, хотя и существовала высокая текучесть кадров.

Но что касается уровня жизни, то, как уже отмечалось, экономика все больше деградировала, рост номинальных доходов населения не сопровождался адекватным ростом предложения товаров и услуг. На фоне все более обостряющегося дефицита самых необходимых товаров продолжала существовать система привилегий для верхушки партийного и государственного аппарата. Все это привело к перестройке, которая стала последней попыткой улучшить «советский социализм».

Что же она принесла трудящимся? С одной стороны, были приняты законы, создававшие условия для реального участия рабочих в управлении. Помимо разрешения на создание независимых от государства предприятий, в 1987 г. был принят Закон о государственных предприятиях, который возродил систему самоуправления. Так, по закону управление предприятием осуществляют совместно руководство и трудовой коллектив, который и выбирает руководителей предприятия. Все ключевые решения принимает собрание трудового коллектива, а назначенная им контрольная комиссия оценивает деятельность руководства. Однако этот закон заработал далеко не везде – как в силу нехватки знаний и опыта, так и вследствие сохранения плановой системы, дефицита ресурсов, отсутствия рыночной инфраструктуры. Но уже следующий закон – принятый в 1990 г. Закон о предприятии – постулировал, что управление предприятием осуществляется совместно трудовым коллективом и собственником средств производства, в компетенцию которого входит и назначение руководства. Ключевые решения принимает коллективный орган, состоящий из представителей трудового коллектива и лиц, назначенных собственником (в равном количестве). А в принятом в том же году Законе о предприятии РСФСР уже не было и речи о самоуправлении, управление предприятием передавалось в руки собственника, а функции контрольной комиссии ограничивались сферой социального обеспечения.

Иными словами, заключает профессор Окада, «рабочее самоуправление», «участие рабочих в управлении» остались нереализованной мечтой.

После распада СССР экономическая жизнь России оказалась дезорганизована, и положение трудящихся резко ухудшилось. Произошло обесценение вкладов, страну захлестнула гиперинфляция,

выросла безработица (до 13,2% в 1998 г.), обычным явлением стали невыплата зарплаты, сокращение рабочего дня и вынужденные отпуска, процветала бартерная торговля, в медицине и образовании расширилась доля платных услуг. В стране шла борьба за передел собственности, в том числе с участием мафии.

Что же касается трудящихся масс, то они вновь превратились в наемных работников, но при этом оказались лишены многих благ, которые воспринимали как «благоденствие» советской власти. Правда, важным шагом, многих примиривших с печальной действительностью, стала приватизация квартир, т.е. их безвозмездный переход в собственность проживавших в них людей.

Но если говорить о приватизации огромной государственной собственности, то основная масса обычных граждан оказалась в результате «за бортом» этого процесса. «Залоговые аукционы» и торги по продаже государственных предприятий были организованы, по сути, «для своих». Ваучеры, дававшие гражданам право на обладание частью государственной собственности, в конечном итоге разными путями перешли в руки финансистов и инвесторов. Единственной формой приватизации, открывавшей дорогу для превращения работников в собственников предприятия, была продажа акционированных предприятий их работникам. При этом 3/4 предприятий избрали схему, при которой трудовой коллектив получал 51% обычных акций по цене в 1,7 раза выше номинальной. Однако из-за тяжелого положения многих предприятий, перед угрозой банкротства руководство могло через ограничение заработной платы вынудить работников продать свои акции. Вот, например, как изменилась структура собственности на акционированных предприятиях. Если в 1994 г. внутренним акционерам принадлежало 62% акций, в том числе 53% работникам и 9% руководству, то в 2007 г. им принадлежал 51% акций, но при этом доля работников сократилась до 13%, а доля руководства поднялась до 38%.

В контексте рассмотрения проблемы участия работников в управлении профессор Окада обращается к еще одной форме предприятий – так называемым народным предприятиям, закон о которых был принят в 1998 г. Анализируя правила, регулирующие их деятельность (начиная с требования о том, что 75% акций должны принадлежать работникам, и кончая правом собрания акционеров принимать все ключевые решения, в том числе и в отношении размеров вознаграж-

дения руководства), он отмечает, что это наиболее прогрессивный вид предприятий в плане возможностей участия работников в управлении. Однако в силу целого ряда обстоятельств – как объективных, так и субъективных – он не получил сколько-нибудь существенного развития. В 2017 г. в России насчитывалось 85 тыс. акционерных компаний и только 40 народных предприятий. Характерно, что по данным одного из опросов, проведенных в 2015 г., среди российских управленцев 64% вообще не знали о существовании такой формы предприятий, и лишь 24% имели о ней представление.

Как известно, с начала 2000-х гг. в стране начался экономический подъем, который продолжался до середины следующего десятилетия (до введения западными странами санкций после крымских событий). Выросли зарплаты, повысился уровень жизни населения, снизилась безработица. Но новой реальностью стало колоссальное расслоение населения. По данным, которые приводит профессор Окада, в 2014 г. зарплата 10% получателей наивысших доходов в 14,1 раза превышала зарплату получателей наименьших доходов. При этом он отмечает такую особенность России, как значительная разница в уровне заработной платы работников между отраслями и регионами. Кроме того, он обращает внимание на колоссальный разрыв в оплате труда высших управленцев и рядовых работников. Так, по данным за 2003 г. по 20 холдингам годовой доход управленцев класса А в 360 раз превышал годовую заработную плату производственных рабочих, а доход управленцев класса В превышал ее в 104 раза, что значительно превосходит аналогичные показатели в западных компаниях.

Что же касается роли профсоюзов, то, как отмечает профессор Окада, произошло и ослабление их деятельности, и изменение их сущности. Число членов, входящих в Федерацию независимых профсоюзов, сократилось с 65 млн в 1992 г. до 20,7 млн в 2000 г., а число самих профсоюзных организаций – с 300 тыс. до 190 тыс. Он объясняет это ослаблением классового сознания, все большей индивидуализацией сознания работников, ростом недоверия к профсоюзам и осознанием необходимости полагаться, прежде всего, на собственные силы. В 2019 г. по данным Левада центра лишь 23% работников считали, что профсоюзам стоит доверять. Что же касается центральных органов, то они фактически действуют в русле государственных интересов, а не интересов трудящихся (пример – повышение пенсионного

возраста). Они превратились в бюрократившиеся структуры, утратившие доверие рядовых работников.

Таким образом, заключает профессор Окада, быстрый переход к капитализму, превращение номенклатуры в капиталистов не улучшили ситуацию для рядовых трудящихся. Они не только превратились в наемных работников, но и утратили многие из прежних «благodeяний».

Под «благodeяниями» профессор Окада имеет в виду бесплатное предоставление государством всем гражданам страны разного рода социальных благ и услуг. При этом он подчеркивает, что система социального обеспечения, существовавшая в СССР, оказала большое влияние на формирование в западных странах современной модели государства благосостояния или социально-ориентированного государства.

Как показано в монографии, ростки системы социального обеспечения зародились в России еще при Петре Первом (в виде пенсий для получивших ранение и уволенных из армии военных и возложенной на владельцев заводов обязанности бесплатно лечить рабочих). При Екатерине Второй в каждой губернии были созданы благотворительные фонды и различные благотворительные учреждения. При Александре Втором рабочие шахт и рудников, находившихся в государственном ведении, получили право на пособие по временной нетрудоспособности. На уральских шахтах были созданы товарищества, в которые отчислялись 2–3% зарплаты для выплаты пособий заболевшим или получившим увечье работникам. Постепенно учреждались пенсионные системы. В XX в. наиболее значимым событием стало введение в 1912 г. системы страхования рабочих по болезни и в случае травмы, причем в первом случае страховые взносы полностью выплачивались работодателем, во втором случае его доля составляла 2/3. Рабочие могли также создавать собственные страховые фонды. В целом, как отмечает профессор Окада, были застрахованы порядка 20% рабочих.

Первым шагом советской власти в социальной сфере стал пересмотр Закона 1912 г. Был расширен охват работников, подпадающих под страхование, уплата взносов была возложена на работодателей, были повышены размеры пособий, введено страхование по безработице, урезаны пенсии «спецам». Была также создана специальная система страхования красноармейцев и членов их семей. Средства

же страховых товариществ были переданы в единый государственный фонд, да и сам термин «социальное страхование» был заменен на «социальное обеспечение». Понятно, что в условиях гражданской войны эта система практически не работала (исключение составляли натуральные выплаты семьям красноармейцев).

В период нэпа система социального страхования вновь возродилась. Для организации этой работы были созданы местные страховые управления. На все предприятия была возложена обязанность уплаты взносов в определенной пропорции от заработной платы. Выплачивались пособия по временной нетрудоспособности (не меньше заработной платы) и по безработице (1/6 от зарплаты в течение 6 месяцев). В систему страхования были включены сезонные и сельскохозяйственные рабочие. Была введена пенсионная система для ученых, преподавателей, деятелей культуры и т. д.

В 1928 г. была учреждена пенсия по старости и установлен пенсионный возраст: для мужчин – 60 лет, для женщин – 55 лет (при стаже не менее 25 лет). К 1932 г. этой системой были охвачены уже все отрасли. Для некоторых профессий ввиду тяжести и сложности работы был установлен особый режим пенсионного страхования. Пособие по безработице было упразднено, повсюду открывались биржи труда.

В 1936 г. по сталинской конституции все граждане страны (за исключением колхозников) получили право на труд, отдых, а также на материальную помощь государства по старости, в случае болезни и проч.

Что касается послевоенного периода, то, как отмечает профессор Окада, достаточно высокие темпы роста в 1960-е – 1970-е гг. (6–7%) и благоприятная демографическая ситуация позволяли государству обеспечивать устойчивое развитие системы социального обеспечения. Размеры пенсий и пособий повышались, в 1964 г. была даже создана специальная пенсионная система для колхозников. Расширялась сеть больниц, санаториев, домов отдыха.

В целом, заключает профессор Окада, гарантирование права на труд, предоставление жилья, бесплатная медицина, регулирование цен, доступ к различным общественным благам, низкие цены на транспорт и т.д. делали жизнь советских пенсионеров вполне достойной. При этом финансирование этой системы полностью осуществлялось государством, в стране сложился своего рода государственный патернализм.

Конечно, условия холодной войны и постепенная деградация экономики не могли не сказаться на функционировании этой системы. Неудивительно, что еще в период перестройки высказывалось мнение, что пенсионную систему нужно отделить от бюджета и установить связь между размерами взносов и пенсий. Собственно с этого и начала реформирование системы социального обеспечения новая Россия.

Были созданы Пенсионный фонд, Фонд социального страхования (в 2023 г. они были объединены – прим. рецензента) и Фонд медицинского страхования. Основным источником средств системы социального обеспечения стали взносы. Очевидно, что дезорганизация экономической жизни, переход на бартерные сделки, рост теневого сектора экономики резко ухудшили положение этой системы. Достаточно сказать, что в 1999 г. пенсия составляла 70% от прожиточного минимума и 29,5% от уровня заработной платы.

С улучшением экономической ситуации с начала 2000-х гг., по мере повышения доходов населения начало улучшаться и положение системы социального обеспечения, хотя отягчающим фактором стал заметный рост числа пенсионеров. В результате в 2018 г. размер пенсии составил 30,7% от уровня заработной платы, что существенно ниже советских показателей. При этом, если пенсии неработающих пенсионеров ежегодно индексируются в соответствии с инфляцией, то в отношении работающих пенсионеров с 2016 г. индексации пенсий не производится. Более того, в 2019 г. был повышен пенсионный возраст: для женщин до 63 лет, для мужчин до 65 лет (правда, в дальнейшем из-за протестов для женщин пенсионный возраст был понижен до 60 лет).

Что касается медицинского страхования, то ОМС дает право на получение лишь определенного набора медицинских услуг, целый ряд услуг можно получить только на платной основе. Существуют частные системы медицинского страхования, но воспользоваться ими могут далеко не все граждане. При этом представители власти и их семьи имеют доступ к бесплатным высококачественным медицинским услугам не только в России, но и за границей. В целом же, как отмечает профессор Окада, по доле расходов на медицину в ВВП – 4% – Россия вдвое уступает развитым странам. При этом, замечает он, существует значительный разрыв в уровне медицинского обслуживания между регионами.

Отдельная глава второго раздела посвящена сфере образования¹. Ее открывают личные впечатления автора от посещения Советского Союза в 1980-е гг. В частности, он упоминает тот факт, что в метро практически все пассажиры читали, а молодые люди уступали места пожилым гражданам. На улицах ему бросилось в глаза то, как молодежь помогает незнакомым пожилым людям нести тяжелые сумки. Это свидетельствовало и о достижениях СССР в сфере образования, и об уровне культуры населения. Сейчас, с сожалением замечает профессор, этого практически не стало.

В советский период в сфере образования был достигнут огромный прогресс. Именно благодаря этому стали возможны достижения СССР в освоении космоса, развитии электроники и других направлений НТП. Сразу после революции началось движение по обучению грамоте взрослого населения, все граждане получили право на бесплатное образование, включая высшее, расширилась сеть школ. Уже к 1939 г. резко повысился уровень грамотности населения – до 87,4%, в том числе до 93,5% среди мужчин и 81,6% среди женщин (в 1917 г. соответствующие показатели составляли 43%, 58% и 29%). К 1959 г. уже стало возможным говорить о достижении всеобщей грамотности: в целом уровень грамотности составил 98,5%, в том числе среди мужчин – 99,3%, среди женщин – 97,8%.

Разумеется, изменилось и содержание обучения. Закон божий был отменен, акцент был сделан на изучении общественных наук, математики, физики, технических дисциплин, биологии, географии, литературы и языка, искусства. Недолгое время существовали школьные комитеты как надзирающие органы, но вскоре эта «вольница» была заменена на централизованную систему управления образованием.

Профессор Окада высоко оценивает вклад Н. К. Крупской в развитие системы образования, в частности ее идеи о необходимости объединить в школьном образовании учебу и производственный труд, а также об организации внешкольного обучения, где дети могут найти себе занятие по душе, реализовать свои творческие способности. Анализируя взгляды Н. К. Крупской, профессор Окада обращается и к работам прогрессивных западных авторов, чьи идеи послужили теоретической базой формирования ее взглядов.

¹ При написании этой главы автор опирался на работы известного японского социолога-русиста, почетного профессора университета Хитоцубаси доктора Сэки Кэйко.

Большой интерес представляют суждения автора о том, как в 1930-е гг. через систему образования происходило пополнение рядов номенклатуры выходцами из рядов рабочего класса и формирование новой элиты. Хорошая учеба и активная поддержка партийной идеологии, отмечает он, стали инструментом, использование которого позволяло сделать карьеру и продвинуться вверх по социальной лестнице, получить доступ к привилегиям. В то же время среди школ появились элитные, которые давали больше шансов на поступление в лучшие вузы и где обучались главным образом дети привилегированных слоев. Более того, появились и профессии, от которых номенклатура отгораживала обычных граждан.

По сути, эта система продолжала функционировать вплоть до развала СССР, хотя в период перестройки ставилась задача освободить систему образования от влияния партийной идеологии, предоставить школам большую свободу, усилить зависимость самореализации человека от его способностей.

В новой России школы действительно получили большую свободу. Усилилось разнообразие школ, появились частные школы, стал возможен свободный выбор учителями учебников и т. д. Правда, в то же время была введена платность высшего образования, даже в ведущих вузах страны количество бюджетных мест было ограничено. В этих условиях доступ к хорошему образованию стал все больше зависеть от материального положения семьи, ее социального положения и культурного капитала. При этом рост числа студентов, обучающихся на платной основе – в известных государственных университетах или вновь возникших частных вузах – не может не вести к общему снижению уровня высшего образования, так как среди них немало людей неспособных и нерадивых, получивших доступ к высшему образованию только благодаря деньгам родителей.

Одновременно профессор Окада указывает на такой недостаток системы школьного образования, как все большая бюрократизация системы управления ею, отмечая, что в современной России бюрократов стало в 2,5 раза больше, чем было во всем СССР. Упоминает он и о загруженности учителей из-за обязанности писать многочисленные отчеты, и о необходимости брать лишнюю нагрузку вследствие низкой зарплаты. Последнее относится, конечно, не ко всей России, а к определенным регионам и, прежде всего, к сельской местности.

В целом же ситуация в нынешней России характеризуется все большим разрывом шансов на получение хорошего образования детьми, проживающими в разных частях страны и принадлежащими к семьям с разным уровнем достатка.

Особое место во втором разделе занимает глава, посвященная крестьянству. Анализируя положение крестьянства до революции, автор отмечает, что освобождение крестьян от крепостной зависимости не привело к сколько-нибудь заметному улучшению их положения. Хотя земля стала их собственностью, из-за бремени займов и налогов многие из них вынуждены были наниматься на работу к помещикам или уходить на заработки в города. Хотя произошло расширение аренды и использования наемного труда, в большинстве деревень сохранялась община, преобладали рутинные методы ведения хозяйства.

Подчеркивая, что Октябрьская революция стала возможной благодаря поддержке крестьян, профессор Окада подробно рассматривает последующий ход событий. Сразу после революции был принят Декрет о земле, объявивший об обобществлении земли и передаче ее во владение крестьянам. Однако они так и не успели ощутить плюсы своего нового положения, поскольку вскоре последовало введение военного коммунизма с его принудительным изъятием продовольствия. Переход в 1922 г. к нэпу, который профессор Окада называет «недолгим периодом счастья», коренным образом изменил положение крестьянства. Продразверстка была заменена продналогом (сначала в натуральной форме, затем в денежной), а излишки крестьяне могли продавать на рынке по свободным ценам. Было даже разрешено использование наемного труда. Положение крестьянства улучшилось, но среди хозяйств преобладали хозяйства натурального типа, основанные на ручном труде, сохранялись общины (которые теперь должны были сотрудничать с сельскими советами).

С 1929 г. началась принудительная коллективизация с целью получения средств для ускоренной индустриализации. К 1930 г. в колхозах состояли уже 60% крестьян, к 1936 г. 90%. Параллельно шло раскулачивание. По данным, которые приводит профессор Окада, раскулачено было порядка 1 млн крестьян (3–5% от общего числа). Колхозники утратили право на перемещение, на них были возложены повинности по обновлению лесов, строительству дорог и т. д. Государство покупало их продукцию по заниженным ценам,

они также должны были платить натуральный и денежный налог. Как отмечает профессор Окада, крестьяне оказались, по сути, в феодальной зависимости.

Очевидно, что все это не могло не привести к падению производства: в 1932 г. его объем составил лишь 73% от уровня 1928 г., поголовье скота сократилось вдвое. Хотя государство создавало МТС, по-прежнему преобладал ручной труд.

Лишь при Хрущеве, отмечает профессор Окада, государство начало расплачиваться за 30-летнюю эксплуатацию крестьян. С крестьян была снята разного рода повинность, были понижены налоги и повышены закупочные цены, предпринимались попытки усилить материальное стимулирование. При Брежнев крестьянам было разрешено свободно уезжать из сельской местности, в 1964 г. были введены пенсии для колхозников. В этот период в сельское хозяйство начали вкладываться огромные инвестиции – в химизацию, механизацию, создание агрокомбинатов, однако они не вели к росту эффективности. Так, за 1970–1985 гг. объем фондов на одного занятого вырос в 3,5 раза, а производительность труда – лишь в 1,5 раза. Закупочные цены не поспевали за ростом себестоимости, и в результате у многих колхозов (в 1980 г. – у 53%) балансы сводились с дефицитом. Темпы роста производства затухали, возрастали объемы импорта, прежде всего мяса.

При Горбачеве была проведена реформа колхозной системы. Колхозы были превращены в независимые организации, выход из них стал свободным. После продажи продукции государству по договорам они могли распоряжаться ею по своему усмотрению, однако, как отмечает профессор Окада, прежде чем реформа дала результаты, пришел Ельцин.

В новой России в 1990 г. была ликвидирована монополия государства на землю, разрешены различные формы собственности. В 1991 г. было объявлено о роспуске колхозов и совхозов. На всю их собственность были выпущены ваучеры, которые члены колхозов и совхозов могли использовать по своему усмотрению. Колхозы и совхозы могли быть преобразованы в акционерные общества или товарищества (ваучеры использовались в качестве пая), желавшие выйти из них получали землю и средства производства (в обмен на ваучеры) для организации собственного бизнеса. Характеризуя эту реформу, профессор Окада использует термин «принудительная расколлективизация», имея в виду, что она была осуществлена стремительно

и без учета сложившихся реалий, т.е. так, как в свое время была проведена коллективизация.

В 2001 г. и 2002 г. были приняты законы, разрешившие продажу соответственно несельскохозяйственной и сельскохозяйственной земли, и в сельском хозяйстве начались процессы концентрации земли и производства. В целом в сельском хозяйстве сложились три формы собственности: сельскохозяйственные кооперативы, фермерские хозяйства, хозяйства сельских жителей и горожан (производство продукции на приусадебных участках и огородах). В 2019 г. на долю кооперативов приходилось 58,2% объема производства, на долю фермерских хозяйств – 13,6%, а приусадебные участки и огороды производили 28,2%. При этом профессор Окада обращает внимание на то, что в тяжелые времена (в частности, в 2000-е гг.) приусадебные участки и огороды обеспечивали до половины производства продукции.

В силу нехватки опыта, неразвитости необходимой инфраструктуры, отсутствия малой техники, нехватки средств и проч. число возникших поначалу фермерских хозяйств постепенно стало сокращаться: с 285 тыс. в 2006 г. до 175 тыс. в 2016 г. Такая же участь постигла и кооперативы: в 2016 г. их насчитывалось порядка 30 тыс., что на 60% меньше, чем десятилетие назад. Но при этом и среди фермерских хозяйств, и среди кооперативов резко усилились позиции крупнейших хозяйств. Вот как иллюстрирует эту ситуацию профессор Окада. Так, крупнейшие фермерские хозяйства, с площадью земли свыше 3 тыс. га, составляя лишь 1,2% от общего числа хозяйств, владеют при этом 1/3 земли. А 10% наиболее крупных кооперативов владеют 83,3% земли. Они представляют собой современные агрохолдинги, применяющие прогрессивные методы производства, имеющие налаженные каналы реализации продукции и сеть зависимых предприятий по переработке продукции.

Отмечая очевидные успехи России в развитии сельского хозяйства (ее превращение в экспортера пшеницы, восстановление к 2018 г. уровня потребления мяса до показателей СССР – 75 кг в год), профессор Окада в то же время обращает внимание на сохранение значительного отставания деревни от города по целому ряду важных показателей. Так, по данным за 2017 г., уровень бедности в сельских районах составил 29% (в городах – 9,6 – 16,0%), а уровень безработицы – соответственно 8% и 4,3%. Порядка 60% домов нуждаются в ремонте и столько же не имеют доступа к водопроводу

и газоснабжению, 2/3 дорог не имеют твердого покрытия, обеспеченность врачами (в расчете на 10 тыс. жителей) составляет 1/5 от уровня горожан. С 1990 г. по 2017/18 гг. число школ сократилось почти на 25 тыс., наблюдается нехватка детских садов, сокращается число больниц, магазинов, развлекательных учреждений, молодежь уезжает в города и т.д. Иными словами, заключает профессор Окада, происходит упадок российской деревни.

Как отмечалось, в третьем разделе работы дается оценка сущности как советского социализма, так и российского капитализма.

Что касается советского социализма, то его анализ профессор Окада начинает с рассмотрения данных опроса, проведенного в 2017 г. Левада центром относительно оценки гражданами различных сторон жизни при Брежневе, Ельцине и Путине. Оказалось, что многие позитивные моменты ассоциируются именно с брежневской эпохой (наличие идеология, сильная промышленность, социальное обеспечение, ощущение радости жизни, достижения в области науки и культуры), а отрицательные – с эпохой Ельцина и примыкающей к ней эпохой Путина (бюрократизм, отсутствие уверенности в будущем, социальная несправедливость, коррупция). Но при этом прослеживались различия в зависимости от возраста и материального положения: пожилые и менее обеспеченные граждане более позитивно оценивали брежневские времена, а более молодые и обеспеченные – путинские.

Анализируя взгляды ученых разных направлений на сущность советского социализма (на основе классификации А. Бузгалина), профессор Окада не соглашается с наиболее крайними из них. А именно с представлениями о том, что это был социализм (первая стадия коммунизма), развалившийся из-за предательства Горбачева, и с утверждениями о том, что это была «историческая случайность».

Рассматривая ситуацию в области экономики, отношения собственности, отношения по поводу производства и распределения, социальную структуру, политическую систему, позиции СССР в мире и подводя баланс плюсов и минусов, профессор Окада отмечает, что в разных областях ситуация складывалась по-разному, но что в любом случае советский социализм не был чем-то, не имевшим отношение к социализму, и что его 70-летняя история оставила яркий след в истории человечества. Более того, будучи ученым-марксистом, убежденным в неизбежности наступления социализма, он называет его «важной тренировкой» для перехода человечества к этому будущему.

Большой интерес представляет анализ автором причин неудач практически всех моделей социализма, возникших в XX в. По сути, везде (в СССР, на Кубе, в ряде стран ЮВА) он насаждался насильственно, в отсутствие реальных предпосылок для социализма. Методы его построения были разными, но везде было допущено много ошибок и порождено множество человеческих трагедий. В результате все возникшие в XX в. модели социализма оказались не реальным социализмом, а его «мутацией». Что же касается XXI в., то профессор Окада убежден, что условия для перехода к социализму, которые Маркс связывал с развитием производительных сил и все большим освобождением труда, уже сформировались в высокоразвитых странах. Это не только высокий уровень образования и квалификации работников, высокая степень концентрации производства, создающая основу для введения планового управления, достигнутый уровень производительности труда, позволяющий обеспечить материальные потребности, развитая система финансов, связи и информации, но и «обобществление» производственных отношений. Последнее профессор Окада усматривает в планировании, применяемом в крупных корпорациях, государственном регулировании экономики, развитой системе социального обеспечения, наличии профсоюзов. При этом он подчеркивает, что социализм XXI в. будет построен не в результате вооруженной борьбы, а через нормы гражданского общества и на основе принципов демократического государства. Но это будет непростой путь.

Что же касается российского капитализма, то его профессор Окада оценивает весьма жестко. Детально рассматривая этапы его становления, он отмечает, что в России переход к капитализму не стал результатом революционных политических сдвигов. Для несогласных с таким поворотом событий он был замаскирован под «экономические реформы». Саму «шоковую терапию» он оценивает крайне отрицательно, считая, что одной из главных ее целей было разрушение сложившейся плановой системы. Для этого была проведена полная либерализация цен, торговли, валютных операций, спешно создавался рынок труда и финансовая инфраструктура, под лозунгом «малого правительства» сокращались расходы на социальную систему, а для достижения макроэкономической стабильности осуществлялось сжатие денежной массы. При этом либерализация внешней торговли привела к краху неконкурентоспособной промышленности и сельского хозяйства.

На фоне катастрофического положения экономики, гиперинфляции, обесценения вкладов населения быстро шло формирование класса капиталистов.

К концу 1990-х гг. в России сформировался «номенклатурный капитализм» монополистического типа, господствующие позиции в экономике заняли финансово-олигархические группы и государственные концерны. Ростки же капитализма в виде мелкого и среднего бизнеса были чрезвычайно слабы. При этом, как справедливо отмечает профессор Окада, созданные в Советском Союзе средства производства и подготовленные работники в результате, по сути, насильственных действий перешли в руки вчерашней номенклатуры.

Изменилась ли природа российского капитализма в последующие годы?

Прежде всего, профессор Окада отмечает, что с начала XXI в. ситуация в экономике начала постепенно улучшаться. Огромные доходы сырьевых компаний (в результате резкого роста цен) через цепочки производственных связей частично перетекали в смежные отрасли (торговлю, финансы, транспорт), способствуя их оживлению. В то же время благодаря их возросшим отчислениям в бюджет удалось повысить пенсии, заработную плату бюджетников, социальные выплаты. Началась реализация крупных национальных проектов, прежде всего, в сельском хозяйстве. Темпы роста экономики повысились до 6–7% в год. Чтобы избежать рисков, связанных с колебаниями цен на сырье, был создан Фонд национального благосостояния, в который поступали налоги на экспорт нефти и на добычу ресурсов. Рост экономики происходил до 2014 г. (за исключением спада 2009 г., вызванного мировым кризисом), т.е. до введения санкций, после чего началось его затухание.

Что же касается политической системы, то с приходом В. Путина началось усиление централизации власти. Он ограничил возможности олигархов влиять на власть, но одновременно усилил позиции силовиков. Они заняли ведущие посты в крупнейших государственных корпорациях. При этом были узаконены результаты приватизации 1990-х гг. Усилилось социальное расслоение: в 2018 г. 1% семей получал 20% всех денежных доходов населения и владел 58,3% всех активов.

Характеризуя сложившийся в к. 2010-х гг. российский капитализм, профессор Окада выделяет следующие черты, отличающие его от западных моделей капитализма.

Рыночная экономика России характеризуется господствующими позициями вчерашней номенклатуры, ставшей крупными монополистами. Она не только получила жирную часть государственной собственности, но и через неформальные связи с властью имеет особый доступ к разработке ресурсов, получению важной информации, позволяющей ей наращивать свои прибыли. Что касается позиций МСП, которые действительно оперируют в рыночной среде, то в России их доля в ВВП не превышает 20-22% (против 50 – 55% в западных странах). Чтобы сохраниться, они вынуждены использовать неформальные отношения с бюрократами и правоохранительными органами.

Для российского капитализма характерна относительная неразвитость рынка труда и финансового рынка. Первая особенность проявляется, в частности, в том, что здесь очень низкая доля обращающихся за пособиями по безработице и высокая доля (13,6%) работников, получающих зарплату «в конвертах». (От себя мы бы еще добавили запредельный разрыв в оплате труда рядовых работников и высших управленцев в государственных корпорациях). Что же касается финансового рынка, то в 2019 г. по степени его развитости Россия заняла 107 место из 137. Стоимость акций составляет всего 15% от ВВП (на западе – 60-90%), объем сделок на Московской бирже составляет лишь 2% от объема сделок Лондонской биржи, причем они носят в основном спекулятивный характер.

Государственное регулирование экономики также отличается от практики западных стран. Если на западе государство регулирует деятельность частных предприятий косвенными методами, то в России президент, министр, губернатор напрямую могут вмешаться в эту сферу. Это создает основу для коррупции. Что же касается национальных программ и национальных проектов, то обычно они провозглашаются при очередном вступлении президента в должность. Поскольку часто планы и источники средств для их выполнения недостаточно проработаны, многие из них остаются невыполненными. При этом и никакого подведения итогов их выполнения не проводится.

Отношения собственности характеризуются следующими особенностями. На верхушке пирамиды располагаются крупные корпорации, холдинги, финансово-промышленные группы, которые через владение акциями или через личные отношения господствуют над множеством мелких и средних дочерних и зависимых

компаний. Под ними располагается слой паразитирующих посредников, а в основании – подвергающиеся эксплуатации рабочие, не имеющие никакой собственности. Кроме того, в России немало случаев, когда крупные акциевладельцы являются одновременно и высшими управленцами, которые контролируют всю деятельность компании (принятие ключевых решений, проведение инспекций, установление особых отношений с бюрократией, создание собственных служб безопасности и т. д.). В западных странах капитал-собственность и капитал-функция в большинстве случаев разделены.

Наконец, в качестве особенностей российского капитализма профессор Окада отмечает значительную роль государственного сектора и ориентированную на сырьевой экспорт модель экономики. Что касается государственного сектора, то он, прежде всего, обращает внимание на быстрый рост после 2003 г. числа государственных корпораций – со 100%-ной долей государства или с контрольным пакетом акций у государства (к первым относятся, например, Роснано, Росатом, Ростех, ко вторым – Газпром, Роснефть, Аэрофлот). Как отмечалось, высшие посты во многих из них заняли силовики, и в этом профессор Окада видит резкое отличие от функционирования государственного сектора на западе. Более того, он полагает, что эти корпорации действуют не столько в интересах государства и народа, сколько в интересах кланов, находящихся у власти.

Что касается модели экономики, ориентированной на экспорт сырья, то профессор Окада приводит целый ряд цифр, иллюстрирующих сложившуюся ситуацию, и одновременно показывает порочность ориентации на такую модель развития. Так, например, в 2018 г. доля сырья в экспорте России составляла почти 65%, а за счет налогов обеспечивалось 46,3% доходов бюджета. В то же время в новой России произошла деиндустриализация, производство станков и оборудования сократилось наполовину по сравнению с советским периодом, до 30% внутреннего спроса удовлетворяется за счет импорта. При этом доля России в мировом экспорте продукции высоких технологий составляет всего 0,5%, а доля затрат на НИОКР в ВВП (1,1%) – 1/3 от показателей западных стран. Такая модель, по мнению профессора Окада, не имеет перспектив. Во-первых, она порождает известную «голландскую болезнь»; во-вторых, в долгосрочной перспективе мировой спрос на энергетическое сырье может сократиться;

в-третьих, согласно расчетам, запасов нефти в России хватит лишь на 30 лет, кроме того, повышается себестоимость добычи нефти и газа.

Из анализа российского капитализма профессора Окада напрашивается вывод, что, как и советский социализм, он представляет собой некую «мутацию», по многим характеристикам весьма далекую от моделей, существующих в XXI в. в развитых странах.

Заключая рецензию, хотелось бы не только воздать должное уровню профессионализма и трудолюбию профессора Окада, позволившим ему написать столь масштабный аналитический труд, но и выразить ему благодарность за то, что, несмотря на непростые времена, он продолжает изучать Россию, знакомя японскую аудиторию с полной драматизма историей ее северного соседа.

References

Okada, Susumu. (2022). *Soren shakaishugi kara Roshia shihonshugi e. Roshia shakai to keizai-no 100 nen* [From Soviet Socialism to Russian Capitalism. A Hundred-Year History of Russian Society and Economy]. Tokyo: Toshindo. 260 p. (In Japanese).

**О верных вассалах и преданных спутниках.
Рецензия на альбом
«Расставаясь с жизнью.
Предания о верных вассалах из Аки
в иллюстрациях Итиюса Куниёси»**

А. В. Гудкова, Д. Д. Романчев

Аннотация

В 2025 г. свет увидел необычный труд, изданный усилиями петербургской галереи KASUGAI при содействии книжного магазина «Желтый двор». Галерея KASUGAI существует уже более 20 лет и выставляет предметы японского искусства. Данная статья представляет собой рецензию альбома «Расставаясь с жизнью. Предания о верных вассалах из Аки в иллюстрациях Итиюса Куниёси» (2025).

Идея данной работы возникла после того, как в коллекцию галереи попал оригинальный японский альбом XIX в. с гравюрами знаменитого художника конца периода Эдо (1600–1868) Утагава Куниёси (1798–1861). Альбом включает гравюры из серии «Жизнеописания преданных и верных вассалов» и «Жизнеописания преданных и верных сердец», посвященные одной из самых известных легенд о самураях – истории 47 *ронинов*. Эти гравюры, переведенные и снабженные комментариями, были опубликованы в рассматриваемом альбоме. К гравюрам дано подробное пояснение, благодаря чему с ними может познакомиться даже читатель, только начинающий свое знакомство с этим японским искусством.

История о *ронинах* из Аки: 1701–1703 гг. – эталонный образец легенды о самурайской преданности, доходящей до фанатизма, и одновременно – это классическая история о мести. Она завоевала любовь людей по всему миру, повлияв на формирование современного образа воинского сословия Японии.

Перевод скорописных текстов «Жизнеописания преданных и верных сердец» на русский язык приводится в данном альбоме впервые, что делает его самым удобным и доступным способом познакомиться с прекрасными гравюрами Утагава Куниёси сразу из двух сборников. Помимо гравюр, альбом

включает уникальные материалы: три вступительных диптиха и лист с описанием реликвий *ронинов*.

Кроме того, изобразительно-источниковую часть дополнили полностью оригинальные научные статьи, значительно усиливших погружение в контекст легенды о 47 *ронилах*. Авторами статей стали известные японисты Трубникова Н. Н., Щепкин В. В., Гусева А. В., Сеницын А. Ю., Мельникова И. В., Хомченкова В. В., Голда А. И., Тягунова Е. О., Кубасов Ф. В.

Ключевые слова: гравюры укиё-э, Утагава (Итиюсай) Куниёси, 47 *ронинов*, период Эдо, самураи.

Авторы:

Гудкова Александра Владимировна, лаборант-исследователь Центра японских исследований Института востоковедения РАН:

107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: alex.v.gudkova@mail.ru

ORCID: 0009-0000-9205-7677

Романчев Данила Дмитриевич, лаборант-исследователь Центра японских исследований Института востоковедения РАН: 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: nickname210366@gmail.com

ORCID: 0009-0007-2363-6051

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Of Faithful Vassals and Loyal Companions. Review of the Album *Parting With Life. Tales of the Faithful Vassals From Ako in Illustrations by Ichiyusai Kuniyoshi*

A. V. Gudkova, D. D. Romanchev

Abstract

In 2025, an unusual work was published by Saint Petersburg gallery KASUGAI with the assistance of the “Yellow Yard” bookstore. The KASUGAI gallery has existed for over 20 years and exhibits Japanese art. This article is a review of the album *Parting With Life: Tales of the Faithful Vassals From Ako in Illustrations by Ichiyusai Kuniyoshi* (2025).

The idea of publishing the album arose after the gallery's collection acquired an original 19th century Japanese album of prints by a famous artist of the late Edo period (1600–1868) Utagawa Kuniyoshi (1798–1861). The album included prints from the series “Stories of the True Loyalty of the Faithful Samurai” and “Stories of the True Loyalty of the Faithful Hearts,” dedicated to the story of the 47 *rōnin*, one of the most popular stories about Japanese warriors. These prints, translated and provided with comments, were published in this album. The prints are given a detailed explanation. Thanks to that, even a reader studying Japanese prints for the first time can explore them.

The story of the *rōnin* from Akō of 1701–1703 is a prime example of a romanticized legend of samurai devotion, reaching fanaticism. It is also a classic story of revenge. It won the love of people far beyond Japan, influencing the formation of the modern image of the Japanese warrior class.

The translation of the cursive texts of “Stories of the True Loyalty of the Faithful Hearts” into Russian is given in this album for the first time, which makes it the most convenient and accessible way to get acquainted with the beautiful prints of Utagawa Kuniyoshi from two collections at once. In addition to the prints, the album includes unique materials: three introductory diptychs and a sheet with a description of the relics of the *rōnin*.

Furthermore, the pictorial and source part was supplemented by completely original academic articles, significantly enhancing immersion in the context of the legend of the 47 *rōnin*. The authors of the articles are leading Japanologists Trubnikova N. N., Shchepkin V. V., Guseva A. V., Sinitsyn A. Yu., Melnikova I. V., Khomchenkova V. V., Golda A. I., Tyagunova E. O., Kubasov F. V.

Keywords: ukiyo-e prints, Utagawa (Ichiyusai) Kuniyoshi, 47 *rōnin*, Edo period, samurai.

Authors:

Gudkova Alexandra V., Research Assistant, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russia.

E-mail: alex.v.gudkova@mail.ru

ORCID: 0009-0000-9205-7677

Romanchev Danila D., Research Assistant, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russia.

E-mail: nickname210366@gmail.com

ORCID: 0009-0007-2363-6051

Conflict of interests

The authors declare the absence of the conflict of interests.

Период Эдо (1600-1868) – эпоха «Великого мира» в Японии. Этому периоду предшествовали столетия феодальной междоусобицы и гражданской войны. Теперь же доминирующей силой стали сёгуны из династии Токугава – лидеры военного сословия самураев. Обще-ственно-политическая система в период Эдо была тонко настроена таким образом, чтобы гарантировать мир, стабильность и незыблемость существовавших порядков. В 1700-е гг. период мира был в самом расцвете. Количество воинских контингентов сокращалось, большая часть самураев переквалифицировалась в администраторов и чиновников. Удивительно, но этот период господства воинского сословия стал для Японии, пожалуй, самым мирным. Начался расцвет искусств и самобытной японской культуры, в том числе городской. Одним из таких искусств по праву являются *укиё-э*, «картины плывущего мира». Наибольшего расцвета этот жанр городского изобразительного искусства достиг ко второй половине XVIII – первой половине XIX в. Ярким представителем этого жанра является Утагава Кунисаи (1798–1861), который в данном альбоме иногда упоминается под псевдонимом Итиюсай.

Помимо изящных искусств, период Эдо стал временем складывания «классического» образа самурая, как верного и доблестного вассала-воина. В период мира и в условиях нерушимости существующего порядка, для самураев верность одному господину становится главной ценностью. Именно в это время пишутся наиболее известные философские трактаты, ассоциирующиеся у большинства с полулегендарным кодексом «Бусидо» и самураями – «Книга пяти колец» Миямото Мусаси (1584–1645), «Хагакурэ» Ямамото Цунэтомо (1659–1719) и т. д.

На гравюрах, представленных в данном альбоме, соединились воедино сразу два продукта периода Эдо – эталонная история о самурайской верности, и прекрасные иллюстрации руки мастера Кунисаи.

Перед тем, как перейти непосредственно к содержанию работы, следует обратить внимание на её структуру. В начале альбома представлены вступительное слово от директора галереи японского искусства KASUGAI Миралюбовой В. В. Далее следует общее вступление ко всей работе – вводная часть, занимающая 4 страницы. Несмотря на небольшой объем, оно дает довольно хорошее представление о самой легенде о 47 *ронинах* из Ако:, о источниках, основных событиях и влиянии на культуру.

Страницы 15-120 занимают научные статьи от известных российских японоведов. На стр. 123–152 располагаются две статьи несколько иного характера: одна посвящена подробному описанию сборников работ Утагава Куниёси, который находится в коллекции KASUGAI (а также истории *укиё-э* в период Эдо), а вторая – комментариям переводчика касательно работы над этим альбомом. Итого, из 317 страниц 152 стр. занимает так или иначе научный текст. Это практически половина всего альбома. Несмотря на сравнительно небольшое количество страниц – 317 – благодаря крупному книжному формату 70х90/8 на страницу помещается достаточно много информации, будь то текст или иллюстрация.

Вторую половину альбома занимают гравюры, перевод их сопроводительного текста и комментарии к нему. Всего в альбоме, попавшем в распоряжение галереи KASUGAI, содержится 51 лист серии «Жизнеописание преданных и верных вассалов» и 18 листов «Жизнеописания преданных и верных сердец». В оригинальный альбом включены 6 листов с дополнительными изображениями, а также лист с описанием экипировки *ронинов*. Помимо самих гравюр, к научным статьям в качестве сопроводительного материала предоставлено более 60 иллюстраций, призванных глубже погрузить читателя в тему.

Таким образом, данный альбом представляет собой уникальную в жанровом смысле работу. С одной стороны, мы имеем прекрасно изданный и переведенный источник. С другой стороны, порядка половины книги – научные статьи от зарекомендовавших себя ученых-японистов. Статьи используют тему легенды о 47 *рони*нах из Ако:, как повод для более широкой дискуссии о истории воинского сословия Японии в период Эдо и не только. Статьи затрагивают как саму легенду, так и то, что её окружало.

Из подобного рода экспериментальных форматов можно вспомнить энциклопедию синто «Боги, святилища, обряды Японии» (2010), в которой сочетались научные, популяризаторские и справочные статьи, снабженные энциклопедическим словарем по каждой теме. Однако, альбом «Расставаясь с жизнью...» представляет собой уникальный формат, на который, возможно, стоит обратить внимание и другим коллективам историков.

Подобное «комплексное» издание, включающее и изобразительную и научную часть, придает еще большую ценность источнику, т. к. статьи дополняют контекст и раскрывают неочевидные смыслы,

заложенные в оригинальные иллюстрации. В данном альбоме источник (гравюры Куниёси) не находится в вакууме, а помещен в контекст эпохи. Например, завязка истории о мести *ронинов* Ако: тесно связана с жестким церемониалом, который существовал в замке Эдо в период Токугава. В этом плане альбом именно в нынешнем виде дает более полное представление о тех событиях.

Центральное место в альбоме занимают гравюры Утагава Куниёси, мастера *укиё-э*, отпечатанные в 1847–1848 гг. Куниёси творил в самых разных жанрах, но отдельно хочется заметить, что он был основателем «воинского» течения в гравюрах. О творчестве Куниёси написано очень много, в том числе на русском языке. Буквально в прошлом (2024) году вышло переиздание каталога Государственного Эрмитажа «Куниёси и его время. Японская гравюра XIX в. Школа Утагава. Каталог выставки» (1997), в своё время составленного хранителем японского отдела музея Государственный Эрмитаж М. В. Успенским (1953–1997). Работа была переиздана в формате красочной монографии и опубликована усилиями петербургского издательства «Арка» под названием «Куниёси и его время» (2024)¹. Вместе с другими работами Успенского, эта книга даёт достаточно полное представление о творчестве, жизни и эпохе Куниёси. В этом смысле составители не ставят перед собой цель повторять уже известное. В местах, где необходимо дать краткую историческую справку, в альбом могут цитировать слова Успенского, на что было получено разрешение его наследников. Однако, такие «повторения» всегда уместны, и призваны облегчить понимание творчества Куниёси для читателя.

Приведенные в альбоме гравюры снабжены подписями другого художника – Иппицуан. Под этим псевдонимом скрывается Икэда Ёсинобу (1790–1848), творивший в жанре исторической беллетристики. Он часто работал вместе с Куниёси, и снабдил его работы о *ронилах* из Ако: определенной биографической справкой. Правда, справка эта весьма необычна, если не сказать обрывиста. Автор не пишет о биографии *ронинов* в привычном смысле слова, вместо этого раскрывая происхождение персонажа, определенные положительные качества – его преданность, силу, мудрость, навыки владения тем или иным оружием. Как результат, в персонажах не так много индивидуальности. Героев в описании Иппицуан можно разделить

¹ О данной монографии см. подробнее рецензию: [Воробьева 2024].

на несколько подтипов: могучие самураи, старики и воины-интеллектуалы. Повествуя о каких-то небольших отрывках из боевых подвигов 47 *ронинов*, Иппицуан рассчитывает на то, что читатель уже знаком с этими персонажами. Он лишь напоминает нам образ героя, обозначает его типаж.

Безусловно, текст Иппицуан на гравюрах Куниёси не были бы понятны нам без качественного перевода. Гравюры из собрания «Жизнеописания преданных и верных вассалов» уже ранее были переведены на русский и опубликованы в каталоге «Куниёси и его время. Японская гравюра XIX в. Школа Утагава. Каталог выставки» и монографии «Самураи Восточной столицы, или Сорок семь преданных вассалов (*в гравюрах Итиюсая Куниёси и биографиях Иппицуана*)» (1998) усилиями М. В. Успенского. Однако, перевод «Жизнеописания преданных и верных сердец» публикуется на русском языке впервые, и выполнен историком-японистом и переводчиком Ф. В. Кубасовым. Ф. В. Кубасов зарекомендовал себя как профессиональный переводчик старинных японских текстов по теме военного искусства, а также как популяризатор науки – можно отметить его лекции об истории ниндзя на площадке форума «Ученые против мифов».

Куниёси писал свои гравюры в условиях жесткой цензуры. Например, в то время запрещалось изображать современные события и как-либо критиковать *бакуфу*. Многие персонажи фигурируют под вымышленными именами, а события и временные рамки иногда искажаются. В ответ художники и литераторы придумали жанр *мита-тэ-э*, где содержание передавалось намёками и скрытыми смыслами. В 1840-е гг. усиливается борьба за мораль, и запрещаются изображения куртизанок и даже актеров театра кабуки. Для того, чтобы продолжать работать, Куниёси переключается на другие сюжеты, и появляются серии «Жизнеописания преданных и верных вассалов» и «Жизнеописания преданных и верных сердец». В первом сборнике автор изображает 47 *ронинов* из Акио, а во втором – тех, кого *ронины* оставили позади, кто помог им.

Отличительной особенностью второго сборника является его качество. Тогда как первый сборник многократно перепечатывался, т.к. активно расхаживал по рукам, второй сборник продавался более скромно. В нем мы видим, что атрибуты персонажей прописаны намного четче и детальнее, а цвета – заметно ярче. По этому

сборнику можно судить о высочайшем уровне профессионализма художника Куниёси.

Нельзя не отметить внешний вид самого издания. Оригинальный альбом XIX в. был собран под дорожную обложку и имел очень нарядный вид, что удалось передать и в данном издании. Оно красочное, презентабельное, можно сказать премиальное. Альбом – украшение любой книжной коллекции, и прекрасное дополнение фонда отечественного японоведения. Сами гравюры имеют высококачественную и четкую полиграфию, и знакомиться с источником в таком формате одно удовольствие. Диалектически, высочайшее качество издания обусловило и главный минус данной работы – ее цену. Однако, необходимо понимать, что создание подобного рода альбома потребовало труда целого коллектива авторов, переводчиков, редакторов и корректоров.

Далее следует перейти к рассмотрению первой части альбома, состоящей из научных статей. После предисловия директора галереи KASUGAI следует введение **«Среди цветов – сакура, среди людей – сагurai». Легенда о ронинах из Аки»**.

История о мести *ронинов* из Аки: – это настоящий вызов для историков. Большая часть источников – нарративная. Когда дело касается точной хронологии, причин инцидента и мотивов участников, то у исследователя и простого читателя возникает сразу много вопросов.

В 1701 г. замке Эдо происходит инцидент: князь Аки: Асано Наганори (1667–1701) совершает покушение на жизнь церемониймейстера Кира Ёсинака (1641–1703). Со стороны это нападение казалось спонтанным, но за ним скрывалась, скорее всего, глубокая обида Наганори на Ёсинака.

Ранее молодому князю небольшого удела Наганори и князю Цувано Камэй Корэтика (1669–1731) в рамках сложившейся традиции было поручено провести церемонию обмена подарками с делегацией императорского двора. Было принято, что в первом месяце каждого года от имени сёгуна двору преподносятся подарки, благие вести и пожелания, а через три месяца делегация двора наносит ответный визит в Эдо. Такие порядки действовали вплоть до января 1868 г., когда новый год в отношениях уже бывшего 15-го сёгуна Ёсинобу (1837–1913) и императорского двора начался не с поздравлений, а с взаимных обвинений в вероломстве.

Наставлять князя Наганори в тонкостях церемонии назначили мастера церемониала – Кира Ёсинака (1641–1703). При не вполне ясных

обстоятельствах, между двумя мужчинами испортились отношения, и Ёсинака, скорее всего, испортил работу Наганори, и тот опозорился в процессе церемонии. В гневе, он напал на Ёсинака в коридоре замка Эдо, нанеся несколько ударов клинком. Обнажить меч в стенах замка Эдо считалось ужасным преступлением, и приговор мог быть лишь один. Наганори совершил ритуальное самоубийство *сэппуку*, будучи уверенным, что Ёсинака погиб. Однако, церемониймейстер выжил.

Помимо самого князя, был наказан и весь его род. Княжеский род Асано упразднился, а все его вассалы автоматически переходили в разряд *ронинов*. Замок и земли передали другому роду – до 1706 г. Нагаи, в 1706–1871 гг. Мо:ри.

Феномен *ронинов* – самураев без хозяина – был известен в Японии достаточно давно. Но свою особенную форму он приобрел именно в период Эдо. В начале этого периода феодалов часто снимали с земли, меняли местами или вовсе лишали всего. В этих условиях появлялась масса *ронинов*. Однако, в отличие от былых времен, они не могли найти себя на войне, а жили в условиях мира. Одновременно, лишаясь сюзерена, *ронин* терял и возможность владеть землей, а значит не имел с неё доходов. Феномен воина без хозяина, потерявшего смысл жизни в условиях «Великого мира» – один из центральных мотивов легенды о 47 *ронинах*.

Самурай как таковой – один из самых растиражированных образов массовой культуры современности. Этот образ со временем сильно разошелся с тем, что представлял собой настоящий самурай. Часто источниками информации о воинском сословии Японии для среднестатистического человека служат не исторические источники или научные монографии, а легенды и романтические истории. А значит, крайне важно в этих условиях изучать именно источники, проявлять научный подход. В этом смысле альбом «Расставаясь с жизнью...» является огромным подспорьем для отечественного японоведения, предоставляя для ознакомления перевод оригинальных гравюр в удобной и эстетически привлекательном формате. Тем не менее, в альбоме гравюры оцениваются критически, и их содержание проходит проверку на соответствие действительности.

Серию научных статей открывает статья «**“Верный слуга не служит двум господам”**». Понятие «**тюсин**» в истории японской словесности», автором которой выступила российский философ, востоковед и японовед **Н. Н. Трубникова**. Научному перу

Н. Н. Трубниковой принадлежат многочисленные статьи по традиционному буддизму и японскому средневековью. Несмотря на то, что тема данного сборника стоит особняком от основных научных интересов Надежды Николаевны, статья предлагает интересный взгляд на одно из основных понятий, конструирующих нарратив инцидента в Аки: – «*тю:син*» (верность, преданность). Работа Н. Н. Трубниковой расположена сразу после краткого вступления о легенде о *ронинах*, и является в некотором смысле вводной: она знакомит читателя с основными элементами истории о самопожертвовании сорока семи *ропинов*.

В своем исследовании Н. Н. Трубникова анализировала термин «*тю:син*» путем сравнения этого понятия с аналогичными ему понятиями, обозначающими вассальный долг в культурах других стран. Автор вскользь упоминает особенности схожего нарратива в западноевропейских произведениях, чтобы в дальнейшем сфокусировать внимание на противопоставлении японского «*тю:син*» китайскому «*чжунчи*» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 17]. Безусловным преимуществом данной статьи может считаться то, что Н. Н. Трубникова опирается как на древнекитайские источники (например, «Жизнеописания» Сыма Цяня), так и на множество средневековых японских источников, что представляет определенную сложность даже для профессионала, но тем самым доказывает научную ценность статьи. Важный вывод, который удалось сделать автору, заключается в том, что главная разница двух, казалось бы, синонимичных понятий в японской и китайской культурах связана с самим источником отношений власти и подчинения: если в Китае вопрос родства не стоял так остро, как в Японии, и поэтому право властвовать по «мандату» мог иметь и знатный человек, и человек из народа, то в островном государстве долгие века царили иные порядки, чьим фундаментом стали родственные связи по крови. «В японских рассуждениях о “верности” «акцент смещается: служа господину, человек сам отказывается быть господином, хотя и имеет на то права» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 18].

Отдельная часть статьи посвящена детальному разбору значения выражения «Верный слуга двум господам не служит», рассматриваются как его эстетическая, так и его прагматическая интерпретации. Если эстетическое восприятие долга можно часто встретить в сочинениях японских средневековых поэтов, то прагматическое

(«прозаическое») – на поле боя, поскольку, как утверждает Н. Н. Трубникова, реальность была далека от поэзии и «нередко (воину) действовать приходилось по собственному разумению, не дожидаясь приказа» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 21], что резко контрастирует с общепринятым пониманием вассальной верности, которая трактуется как безусловное подчинение господину.

Интересно, что вышеупомянутое выражение сохраняло свою значимость вплоть до Реставрации Мэйдзи 1868 г.: когда было провозглашено возвращение всей полноты власти императору Японии, а сёгунат был официально упразднен, многие князья-прямые вассалы Токугава отказались давать присягу новой власти, говоря, что «Лучше быть верным вассалом сёгуна, чем вероломным вассалом императора». Речь здесь шла не об отказе признавать власть императора – это было для всех очевидно – а именно об отказе признавать сюзеренитет императорского двора над вассалами Токугава. Они желали, чтобы их расценивали, в первую очередь, как слуг своего господина. Таким образом, средневековые воззрения на чувство долга просуществовали в Японии до середины XIX в.

Н. Н. Трубникова не обошла стороной и восприятие «женского долга». Ее заметка была краткой, поскольку отдельную главу о женщинах в этом сборнике подготовила И. В. Мельникова, однако Н. Н. Трубникова проиллюстрировала любопытную особенность: если прежде в японской литературе были популярны сюжеты о безутешных, но доживающих свои последние годы до естественной смерти, вдовах, то спустя время участились истории, в которых жены самураев совершали суицид и нередко умерщвляли собственных детей [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 21]. Это считалось демонстрацией посмертной преданности хозяину-мужу.

Автор убедительно продемонстрировала, как понятие «*тю:син*» повлияло на социальные реалии самурайского общества, включая аспекты женской преданности. Таким образом, статья Н. Н. Трубниковой внесла ценный вклад в сравнительные исследования этических норм лояльности в странах Дальнего Востока.

Статья старшего научного сотрудника Института восточных рукописей РАН, доцента кафедры японоведения НИУ ВШЭ, видного японоведа и популяризатора японской истории **В. В. Щепкина** «**Замок, стена и ров**» посвящена структуре воинского сословия в период Токугава. В своей статье автор даёт достаточно краткий, но крайне

точный анализ той структуры, которая существовала внутри воинского сословия Японии. Слишком часто в научной и популярной литературе можно встретить упрощенную картину иерархии в период Токугава, и статья Василия Владимировича в данном смысле отлично справляется со своей задачей.

Автор приводит историю формирования воинских домов (яп. *букэ*) от периода Камакура до периода Эдо, разъясняет разницу между прямыми вассалами сёгуна *хатамото* и *гокэнин*.

По нашему мнению важной частью статьи является анализ различий внутри феодалов *даймё*:, их отношений с сёгуном Токугава. Т.н. «система *бакухан*» была не просто системой распределения полномочий, а скорее системой разделения хозяйственной ответственности. Приводится характеристика разницы между *фудай* и *тодзама даймё*:, заключающаяся в земельных отношениях. Князья *фудай* получили свои удельные землевладения напрямую от рода Токугава, тогда как *тодзама* обязаны своими землями предшественникам Токугава Иэясу – Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси, либо же они завоевали свои земли сами. В этом заключался статус князей, основанный на их отношениях с сёгуном Токугава.

Однако, как верно подмечает автор, статус князя не ограничивался лишь этим. Значимость того или иного князя, помимо прочего, определял его доход. Например, среди князей *тодзама*, которых часто определяют, как притесняемых сёгуном, были богатейшие князья Японии. С другой стороны, в управлении *бакуфу* могли принимать участие лишь *фудай даймё*:, зачастую имевшие скромный доход.

Разумеется, автор не стал бы писать об этом, если бы это не было важно в контексте истории о 47 *ронинах*. *Тодзама* княжество Акого: имело доход в 50 000 *коку* и было достаточно небольшим. Тем не менее, Асано Наганори, правитель Акого:, был князем. Так почему же он оказался унижен простым служащим замка Эдо ранга *хатамото*?

Во-первых, князь Акого: был низкого статуса. Для него не было места ни в одной из основных комнат для аудиенции с сёгунами Токугава. Во-вторых, Кира Ёсиаки был главой дома *хатамото*, прямых вассалов сёгуна, представители которого считались знатоками в области церемониала при сёгунском дворе. Несмотря на скромный доход в 4 200 *коку*, Ёсиаки происходил из одного из самых знатных родов *хатамото*. В частности, это выражалось в том, что Ёсиаки имел более высокий придворный ранг, чем, например, князья

Асано. По сути, по своему положению Ёсинака был равен крупному *даймё*; и стоял выше Асано Наганори на 3 ступени. Ёсинака состоял в родстве с родом Уэсуги, правителями крупного северного домена Ёнэдзава, а его мать была из влиятельного рода Сакаи. Старший сын Ёсинака был усыновлен родом Уэсуги и стал 4-м правителем Ёнэдзава под именем Уэсуги Цунанори (1663–1704). Считалось, что род Кира, как и Уэсуги, имел древние связи с сёгунами династии Асикага (1333–1573).

Зная эти нюансы, о которых в том числе повествует автор в данной статье, конфликт двух мужей становится гораздо более понятным и человеческим.

Наказание, которому подвергся род Асано, также входило в число «инструментов влияния» сёгунов Токугава на удельных правителей. Среди них самыми часто применяемыми были конфискации, сокращение или обмен земель. Как указывает автор, вопреки расхожему образу сёгуната Токугава, как жесткой карающей силы, конфискации, сокращения и прочие наказания чаще происходили не из-за проступков князя, а из-за неожиданной смерти правителя, неподходящем наследнике (малолетнем, болезненном) и т.д. Однако, случай Асано Наганори входит в число редких, когда наказывали по проступку.

Неизбежным следствием конфискации всех земель и ликвидации военного дома стал феномен *ронинов* – самураев без сюзерена. Хотя они не лишались самурайского статуса, они становились, по сути, лишними. Возникшее в период Токугава представление о верности, о том, что слуга «не служит двум господам», как у жены не может быть двух мужей, привело к моральной дилемме. Что следует делать верному слуге, если господин погиб?

История о *ронинах* из Аки: преподносится, как эталонный пример самурайской верности. Однако, само представление о самурае, как до фанатизма верном вассале, это тоже продукт эпохи Токугава. В этот период произошло переосмысление самурайством своей роли. От орудия войны, они стали хранителями мира. Этот самый «Великий мир» – «*Raх Tokugawana*» – стал огромным достижением после веков внутренней смуты. Общественно-политический строй гарантировал самое главное: стабильность и неизменность общественных порядков. Сёгуны Токугава выступали главными хранителями и арбитрами в деле поддержания мира. В этом смысле верность самурая своему

господину, будь то князь, сёгун или *хатамото*, передающаяся из поколения в поколения – один из столпов этой стабильности.

Статья не ограничивается лишь историей о *ронинах* из Ако:. В частности, для понимания сложной иерархической системы в период Токугава, основанной на земле, автор упоминает, что «храмовое управление» *дзися-бугё*:, не просто управляло храмами, как может показаться из названия. Помимо прочего, это был орган управления храмовыми землями, которые имели своих крестьян, а значит собирали налоги. Кроме того, храмы служили, как своего рода «ЗАГСы» Японии периода Токугава.

Наравне с *ронинами* из Ако: персонажами легенды выступают места действия – замок Эдо, усадьба Кира Ёсинака и т. д. Структура замка Эдо четко соответствовала статусному разделению внутри воинского сословия, и отражала сложный этикет периода Эдо. Местам действия легенды посвящена статья Гусевой А. В. **«Архитектура места действия. Замки, дворцы и усадьбы эпохи Эдо».**

Как и в предыдущей статье, автор не ограничивает себя лишь событиями 1701–1703 гг., предлагая анализ эволюции жилищ, дворцов и замков от периода Камакура к периоду Эдо. Автор, обладая значительной компетенцией в области японской архитектуры, анализирует процесс эволюции японских воинских жилищ, и как менялся облик дворцов сёгунов, князей, а также усадеб воинских домов.

Чётко прописанный церемониал замка Эдо – одна из первопричин конфликта Асано Наганори и Кира Ёсинака. Автор приводит краткую историю становления этого замка, начиная от твердынь предшественников Токугава Иэясу – Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси.

Сам замок Эдо, как известно, утрачен, и наши представления о нем основываются на сохранившихся источниках и аналогичных строениях-современниках. Например, как справедливо указывает Анна Валентиновна, ориентиром может служить внутреннее убранство замка Нидзё: в Киото, который выступал резиденцией сёгунов в столице. Интерьеры замка Нидзё:, как и замка Эдо, чрезвычайно богаты и эстетически красивы. Можно вспомнить картину художника Мурата Танрё: (1872–1940) под названием «Возвращение власти сёгуном императору» (яп. *тайсэй хо:кандзу*)². На ней изображены прекрасные

² Вопреки расхожему мнению, на этой картине изображено не оглашение решения Токугава Ёсинобу вернуть власть императору старшим вассалам каждого княжества в главном зале О:хирома замка Нидзё: 8 ноября 1868 г., а оглашение этого решения

росписи ширм и стен зала Куросёин. Дворец был разделен на несколько основных залов. Самый важный – О:хирома, зал приёмов и крупных церемоний. Эпоха «Великого мира» поспособствовала расцвету множества искусств и ремёсел, в том числе искусства интерьеров.

В статье приводится план замка Эдо, созданный в тот же временной период, когда произошел инцидент с 47 *ронинами*. Глядя на этот план, мы можем оценить масштаб дворца в Эдо, который был похож на лабиринт из коридоров, комнат и залов. В настоящее время на месте дворца располагаются восточные сады императорского дворца, открытые публике. Строения замка в период Токугава исполняли уже не столько военную функцию, сколько выступали резиденцией, административным объектом, столицей и центром концентрации самураев. Замок – внешне военная постройка – внутри представлял собой подобие двора. Твердыня Токугава была символом могущества сёгуна, и вся его структура отражала разницу между сёгунами, князьями и слугами. Как указывает автор статьи, во многом здесь прослеживается влияние неоконфуцианства и его стремления к стандартизации и формализации отношений между людьми и сословиями.

Автор также описывает место, где произошло нападение на Кира Ёсинака – коридор Мацу-но-о:ро:ка. До наших дней дошли лишь описания и изображения этого длинного 50 метрового коридора, украшенного изображениями сосен и птиц-ржанок. В частности, малое количество изображений внутреннего убранства можно объяснить существовавшим запретом на изображение сёгунов.

Второе по важности место в истории о *ронинах* – усадьба Кира Ёсинака, которую в финале штурмуют *ронины* Ако: . Усадьба воинского клана, это не просто жилище, а небольшая крепость. Для понимания того, откуда возникли подобного рода усадьбы, Гусева А. В. приводит историю развития архитектурного стиля *сёин-дзукури*, описывает комнаты и их функции. Это развитие подчеркивало собой трансформацию самурайского сословия, его переход к мирной жизни. Усадьбы – небольшие лабиринты, в которых сложно разобраться, не зная плана. В этом смысле становится понятно, почему для *ронинов* из Ако: так важно было заранее получить план усадьбы Ёсинака, что и было сделано.

вассалам сёгуна и чиновникам 7 ноября в зале Куросёин. В главном зале Нидзё: находится ширма с изображением сосен, а в зале Куросёин и на картине изображены ширмы с цветущей сакурой.

Если замок Эдо выступал центром жизни сёгуната, центр жизни обычного князя или влиятельного вассала сёгуна располагался в его усадьбе. В период Эдо вокруг большинства замков разрастаются т.н. *дзё:ка-мати*, «призамковые города», рост которых обуславливался концентрацией самураев в городах. Более всех городов расцвел Эдо. Благодаря система «поочередного прибытия на службу» (яп. *санкин-ко:тай*), в городе строились сотни резиденций для *даймё*: и их вассалов. Приток самураев вызвал приток обслуживающего персонала – купцов, ремесленников, торговцев, а также рост т. н. увеселительных кварталов.

Особенно хочется отметить анализ истории замка Ако:, приведенный автором. История этого замка позволяет заглянуть за кулисы жизнь среднерангового феодала. Автор статьи приводит теорию, согласно которой отличительной особенностью этого замка являлось то, что его строение было вдохновлено западной фортификационной наукой. Действительно, фотографии 1930-х гг., сделанные с высоты птичьего полёта, позволяют нам увидеть определенные звездообразные черты. Когда замок строили в его нынешнем виде в 1640-е гг., Япония уже какое-то время вела обмен с западными странами, а официальная политика *сакоку* («страна на замке», период внешней изоляции) начнется только в 1641 г.

Замок Ако:, несмотря на свою кажущуюся заурядность, стал центром сразу нескольких инцидентов в период Эдо. Например, в 1863 г. в ходе внутривассалитического конфликта 13 самураев из радикальной фракции *сонно:-дзё:и*³ убили старшего вассала княжества Мори Кадзунори (1836–1863) и ученого-конфуцианца Мураками Синсукэ (1798–1863). Еще ранее, во время правления рода Икэда в княжестве Ако:, князь Икэда Тэруоки (1611–1647) сошел с ума и убил свою наложницу и несколько служанок. Ввиду этого, замок Ако: имеет длинную историю «инцидентов».

К сожалению, до наших времен сохранилось лишь небольшое количество японских замков. Часть погибла в войнах XIV–XVII вв., часть срыли в начале периода Токугава, часть уже после Реставрации Мэйдзи 1868 г. Многие сохранившиеся до XX в. замки были уничтожены пламенем Второй Мировой войны.

³ «Почитание императора, изгнание варваров» – политический лозунг периода *бакумацу* (1853–1868), требовавший от сёгуната Токугава большего уважения к императору и императорскому двору в Киото, а также изгнания иностранцев из Японии.

Далее следует статья «В союзе мстителей. Оружие сорока семи ронинов», написанная японистом и знатоком материальной культуры воинского сословия Японии – **Синицыным А. Ю.**, старшим научным сотрудником МАЭ РАН. В своей статье автор анализирует ту экипировку которую использовали *ронины* из Акого, а также углубляется в вопрос принадлежности тех или иных образцов клинкового оружия *ронинам*. Как уже упоминалось, в XVIII в. Япония находилась в эпохе мира, и воевать самураям не приходилось. Тем не менее, для них имелись и занятия иного рода. Так, самурайские отряды выступали как пожарные, выходя на тушение пожаров в настоящей самурайской экипировке. Многие элементы этой «пожарной» экипировки переняли и *ронины* из Акого. Характерными элементами обмундирования *ронинов* были кольчужные доспехи, облегченная защита головы (налобные пластины), скрупулёзно подобранное оружие и инструменты.

В частности, последние два элемента подбирались конкретно под нужды штурма усадьбы Кира Ёсинака. Например, вместо больших луков предпочтение дали маленьким, из которых удобнее стрелять в узких пространствах. Для взлома защитных укреплений усадьбы использовались штурмовые инструменты: кувалды, пилы, секиры, крючки на шесте и т. д. Все это указывает на наличие четкого и продуманного плана действий у *ронинов*. Что касается гравюр Утагава Куниёси, представленных в альбоме, то автор статьи констатирует, что на них оружие *ронинов* изображено достаточно схематично, с допущенными искажениями. Более мелкие декоративные элементы изображены детальнее. Синицын А. Ю. высказывает обоснованные сомнения, что *ронины* обладали *катана* от знаменитых мастеров-кузнецов, о чем часто пишут в нарративных источниках.

В статье хочется особенно отметить сравнительный анализ доступных нам источников о том, каким оружием владели те или иные *ронины*. На стр. 66–75 располагается таблица, где указаны герои повествования на гравюрах и сопоставляется их оружие на гравюрах и в реальности. С помощью этой таблицы можно сравнить образ *ронинов* из Акого: с изобразительных источников с их возможным реальным обликом. Далее автор приводит уникальный в своем роде список кузнецов, которые могли быть причастны к изготовлению клинков *ронинов* из Акого. Список содержит 34 имени, и под

каждым именем могло скрываться от 1 до 25 кузнецов. То, что автор смог определить многих из них и описать – достойно всяческой похвалы.

Статья **И. В. Мельниковой «Во внутренних покоях. Женщины самурайского сословия в XVIII–XIX вв.»** – логичное дополнение статьи Н. Н. Трубниковой, но теперь рассуждение о долге переместилось на «другую сторону»: в фокусе исследования Ирины Витальевны – женский образ и восприятие женского долга. Автор изучает разные роли, которые играли женщины самурайского сословия в XVIII–XIX вв., с опорой на дидактические тексты Кайбара Экиэн (1630–1714) и других японских мыслителей, и более современные японские и западные труды по теме. Несмотря на сравнительно скудное число сохранившихся до нас деталей повседневного быта женщин самурайского сословия, И. В. Мельниковой удалось «написать» портрет «типичной» для эпохи женщины – девушки, жены, матери, – героини гравюр Утагава Куниёси.

Разброс тем для изучения в одной статье достаточно велик – от особенностей образования и морального воспитания девочек в начале XVIII в. до деталей регламентации практически всех аспектов их социальной, культурной и личной жизни. Крайне любопытно замечание автора о том, что существовали различия между семейным обучением девушек в самурайских семьях высшего ранга и рангами ниже. Одно из главных – отцы могли учить дочерей тому же, чему учили сыновей. Это значительно поднимало уровень образованности женщины из «высших слоёв» в сравнении с «низшими» и открывало для женщины больше возможностей. Статья проливает свет на то, какие действительно были права у женской части населения в семьях разного происхождения и достатка, что тем более ценно сейчас, когда тема недостаточно раскрыта в отечественном японоведении и находится на стадии активного изучения. В тексте главы также есть вставка из первоисточника [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 91–92]: перевод двенадцати из двадцати трех предостережений книги «Заветы Имагава для женщин» (другое название «Онна Имагава», автор – Савада Кити, впервые издан в 1687 г.). Это дополнение ярко характеризует образ «правильной женщины», к которому девочкам эпохи Токугава следовало стремиться с раннего возраста.

И. В. Мельникова, как бы расширяя краткий фрагмент статьи Н. Н. Трубниковой, добавляет, что «Даже в книгах такого дидак-

тического жанра, как жизнеописания образцовых женщин, вплоть до начала XIX в. не было японских героинь, которые бы покончили с собой из чувства долга» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 92]. Этот тезис отражает эволюцию в восприятии понятия женского долга: от защиты семейной репутации к разрушительному самопожертвованию. С другой стороны, сказать наверняка, были ли истории о женских самоубийствах идеологическим мифом или реальной тенденцией в обществе того времени, затруднительно.

В статье отведено особое место анализу женской мемуарной традиции в Японии (на примере мемуаров Исэки Такако) и судьбам героинь вроде Ямамото Яэко (1845–1932), чьи действия иллюстрируют переход от пассивной преданности мужу-господину к активной социальной роли. Как пишет сама Ирина Витальевна, «всего же известно приблизительно двенадцать тысяч женщин, которые оставили после себя творческое наследие, главным образом стихотворное» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 83]. Она также отмечает, что до второй половины XX в. изучение воспоминаний и документальных свидетельств быта женщин не было распространено. Вероятнее всего, подвижкам в этой области способствовал рост феминистических настроений как в Японии, так и в мире в целом. Ирина Витальевна тоже внесла свой вклад в изучение женской истории своей примечательной статьей в данном сборнике.

«Тюсингура: Сюжет о сорока семи преданных вассалах в театре кабуки» – еще один этап в исследовательской карьере специалиста по изучению становления и развития театра кабуки **В. В. Хомченковой**. Ранее Варвара Валентиновна публиковала исследования на смежные темы [Хомченкова 2024, Хомченкова 2022, Хомченкова 2020]. В «Расставаясь с жизнью...» В. В. Хомченкова приняла участие как театровед и рассмотрела влияние постановок сюжета «Тю:сингура» на культуру периодов Эдо и Мэйдзи.

Автор выделяет в статье несколько ключевых аспектов, которые раскрывают исторический и культурный контекст сюжета о 47 *ронидах* из Ако:. Варвара Валентиновна подробно анализирует эволюцию нарратива от версий реального инцидента, произошедшего в самом начале XVIII в. (которых было несколько) до их сценических адаптаций. В этом анализе В. В. Хомченкова подчеркивает конфликтное положение театральной традиции, находящейся под контролем цензуры *бакуфу*. Кабуки был «зеркалом»

общественной жизни и, несмотря на запреты, реальные исторические события спешно перемещались на сценический подиум с измененными именами персонажей и в декорациях более старых эпох. Как пишет сама В. В. Хомченкова, после инцидента стали выходить первые тексты о происшествии, их можно разделить на две категории: записи реальных людей, связанных с *ронинами*, то есть достоверные хроники *дзицуроку* (яп. 実録), и художественные произведения, созданные для сцены (бунраку, кабуки) и печати, они изобиловали неправдоподобными деталями, которые были заимствованы из слухов *фусэцу* (яп. 風説). Чтобы обойти цензуру, драматургам приходилось переносить реальное событие в прошлое, создавая таким образом новую вселенную, или *сэкай* (яп. 世界) — мир художественного произведения. Так и возникали две параллельные истории [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 101].

Особое внимание в работе уделяется мести как культурному феномену. Статья сравнивает «Тю:сингура» с европейскими «трагедиями мести» и явлением «сандай адаути» (три великие мести). В. В. Хомченкова указывает на противостояние двух полярных друг другу философско-этических понятий: *ниндзё* (человеческие чувства) и *гири* (нравственный долг). «Общественное-внешнее» конфликтует в повседневной жизни японцев с «внутренним-личным» и этот дуализм хорошо прослеживается в сюжете «Тю:сингура». В статье сделано ценное в этой связи замечание – в основе конфликта лежит не только моральная, но еще и общественная причина: по законам времени, когда произошел инцидент, не все из сорока семи самураев имели право на месть. Детали этих ограничений представлены в настоящей статье.

Но самое важное, что читателю предлагает статья – краткое, но структурированное «обозрение» одного и того же сюжета в нескольких отличных друг от друга адаптациях. Варвара Валентиновна рассматривает несколько постановок: «Атака братьев Сога на исходе ночи» (Ёути Сога акэбоно, 1703 г.), «Сказание о великом мире на доске для игры в го» (Гобан Тайхэйки, 1710 г.), «Стремена необъезженной лошади из Мусаси» (Оникагэ Мусаси абуми, 1710 г.), «Золотая поэтическая карта вассальной верности» (Тю:син коганэ-но тандзаку, 1732 г.) и «Сокровищница вассальной верности» (Канадэхон тю:сингура, 1748 г.), выделяет их отличительные особенности

и сходства. Если о последней отечественному читателю ранее доводилось слышать, то все остальные известны гораздо меньше и в этом – безусловная новизна статьи. Исследователь также дает ссылку на переводы «Сокровищницы...» на западные языки; в числе переводчиков – Фредерик Дикинс (1838–1915) и Дональд Кин (1922–2019). Более подробно автор рассматривает, конечно же, «Тю:сингуру» – от смыслов, заложенных в элементы инвентаря и костюмов актёров до ролей (которые, кстати, удобно вынесены в отдельные таблицы в конце статьи) [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 106–110].

Статья **А. И. Голда «“История о цветке, история о снеге”: Образ ронинов из Аки в кинематографе, анимации и комиксах»** органично дополняет сборник краткой ретроспективой визуальных адаптаций сюжета о 47 *ронинах* из Аки. Автор детально изучил то, как один и тот же нарратив трансформировался под влиянием быстро сменяющихся друг друга эпох и находил разные воплощения в кинематографе и анимации. Подчеркивая преемственность и плавный переход истории о *ронинах* от сцены театра к декорациям кино, Анна Ивановна отмечает, что «сложно найти другую страну, где игровое кино имело бы так много точек соприкосновения с театральной традицией и являлось ее органичным продолжением» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 115]. Автор отмечает также то, что сюжет «о вассалах из Аки:» – одна из «вечных» тем японского кинематографического искусства. Его продолжают переосмысливать и сегодня, одна из самых последних адаптаций – 2022 г. («Клинок 47 ронинов», Netflix, 2022 г.)

Безусловная ценность данного исследования в том, что А. И. Голда удалось проследить все этапы эволюции сюжета 47 *ронинов* от театра к кино, ТВ, аниме и манге в XX–XXI вв. Первый этап: прямое влияние цензуры в милитаристской Японии в 1930–1940-х гг. В этот период фильмы о 47 *ронинах* использовались как инструмент идеологической пропаганды долга, чести и самопожертвования. Как пишет сама Анна Ивановна, «...ленты этого времени представляют собой довольно близкие к первоначальной легенде произведения, полностью сконцентрированные на вопросах долга и чести воина, концепции оправданного отмщения и моральных нормах, присущих самурайскому сословию» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 117]. Второй этап: послевоенный переход к цветному кино и ТВ в 1950–1970-х гг. (яркий пример – многосерийный проект «Великая тю:сингура»

(Дай тю:сингура), 1971). Это время расцвета разнообразных сериалов и мультсериалов по мотивам истории о 47 *ронинах*. Смещается также ценностно-смысловой фокус с идеологического на развитие характеров персонажей (в том числе и персонажей второго плана). Третий этап: вольные адаптации последнего десятилетия XX – первых десятилетий XXI в. Анализируется западное восприятие сюжета, во многом основанное на непонимании ключевых аспектов японской драматургии. А. И. Голда подытоживает анализ описанием процесса деконструкции самого жанра «героя-мстителя» в современных анимационных проектах, вдохновленных «Тю:сингура». Произошел постепенный отказ от восхваления ритуалов традиционной мести в пользу гуманизма и романтизации благородного компромисса.

Статья также выявляет еще одну примечательную и при этом не самую очевидную особенность сюжета о «вассалах из Акого» – он практически не нашел адаптации «в чистом виде» в манга или анимэ. Существует множество так называемых «отсылок» на какие-то основополагающие элементы «Тю:сингура», но, по словам А. И. Голда, анимация менее охотно, чем кинематограф, принимает в производство историю о вассальной преданности и кровной мести. Автор считает этот факт «парадоксальным», но с этой точкой зрения можно согласиться лишь отчасти: неоднозначная мораль оригинальной «Тю:сингура», связанная с местью и саморазрушительным поведением, на Западе не приветствуется, а значит и жанр «анимэ», значительная часть произведений которого ориентирована и на западную аудиторию, вряд ли бы пропустил через собственную «цензуру» практически полностью повторяющую суть оригинала адаптацию. Каждый из разделов статьи логично продолжает предыдущий, поэтому у читателя при прочтении возникает чёткая картина того, как рассматриваемый сюжет развивался, трансформировался и деконструировался на протяжении более чем ста лет.

В своей статье **«“Предания о верных вассалах из Акого...” Альбом Итиюся Куниси в коллекции галереи KASUGAI»** Е. О. Тягунова представила обширный и подробный анализ творческой деятельности художника Утагава Куниси (1798–1861). Указывая самые известные фамилии японских художников жанра *укиё-э* и самые популярные сюжеты гравюр эпохи Эдо и Мэйдзи, автор статьи вводит читателя в культурный «бэкграунд» того времени: это необходимо для более близкого знакомства с жанром и рабо-

тами мастеров школы Утагава. То, что данная статья не обделяет вниманием предшественников и продолжателей традиции Куниёси само по себе ценно, ведь эта научная работа предлагает логично и последовательно представленный срез художественного искусства XIX столетия.

Краткая биографическая справка отвечает на некоторые вопросы, которые могут возникнуть у читателя данной работы, такие как, например, почему на протяжении всей книги Утагава Куниёси носит псевдоним – Итиюсай Куниёси. Кроме того, статья не сосредотачивается исключительно на теме «*ронинов* из Акого», а также рассматривает более ранние серии гравюр кисти мастера Куниёси, что выходит за тематические рамки сборника. Жанровое разнообразие работ Куниёси включает в себя такие жанры, как *гига* (юмористическая гравюра), *митатэ-э* (соединение классики и повседневности в гравюре), *сюнга* (эротическая гравюра) и др.

Поскольку альбом-сборник фокусируется на истории «вассалов из Акого», в статье детально рассматривается структура листов гравюр «Сэйтю: гиси-дэн» и «Сэйтю: гисин-дэн» (в частности нумерация и особенности оформления листов). Автора интересуют распространенные типы персонажей и сюжетов в этих двух сериях, приводится уже упомянутая типология М. В. Успенского. Примечательно также и то, что кроме основных серий у Куниёси были и побочные, не дошедшие до отечественного читателя – «Зерцало преданных вассалов» (Гиси тю:син кагами, 1848 г.) и «Сравнение знаменитых преданных вассалов» (Тю:син гиси комё курабэ, 1848 г.): Е. О. Тягунова выделяет динамичность и выразительность гравюр этих серий в сравнении с известными нам сериями.

Помимо ссылок на работы М. В. Успенского, автор также обращается к музейным каталогам (ГМИИ им. Пушкина, Эрмитаж), выставочным изданиям и исследованиям коллекций (например, коллекции А. С. Орлов-Кретчера и К. Г. Данелии).

Отдельное внимание автор уделяет вопросам цензуры – как в случае с *ронинами* из Акого, так и с другими сюжетами, были такие темы и проблемные области, отражение которых в творчестве критически не приветствовалось. Авторы прибегали к множеству средств выразительности, чтобы «завуалировать» смысл своих работ (шифры, подмена имён персонажей, вымысел и т. д.). Исследователь отмечает, что, «...Пытаясь обойти цензуру, художники

обращались к героям периода, который предшествовал эпохе Воюющих провинций (вторая половина XV начало XVII в.)» [Расставаясь с жизнью..., 2025, с. 123]. Такая практика пережила даже Реставрацию Мэйдзи 1868 г. Например, изображая сцену гражданской войны в провинции Этиго в 1868 г., художник Утагава Ёсимори (1830–1885) в своей работе «Этиго-куни Синаногава Такэда-Уэсуги дай кассэн-но дзу» изменил стороны конфликта: вместо правительственных войск и войск мятежного княжества Нагаока указаны воинства родов Такэда и Уэсуги, отсылая таким образом к событиям период Сэнгоку.

В заключение можно сказать, что Е. О. Тягунова представила очень подробный обзор представленных в альбоме серий гравюр как с искусствоведческой (профессиональной) точки зрения, так и с точки зрения заинтересованного наблюдателя, для которого произведения Утагава Куниёси – источник вдохновения и маленький портал в японскую традиционную культуру.

Закрывает серию научных работ в альбоме статья историка-япониста **Ф. В. Кубасова** – «**Стоя на плечах гигантов. Вместо предисловия переводчика**». Как видно из названия, это не столько научная статья, сколько комментарий-эссе к переводу «Жизнеописаний...». Ф. В. Кубасов взял на себя непростую задачу – перевести ранее не переведенную на русский язык серию работ «Жизнеописания преданных и верных сердец». Основная серия была практически полностью переведена на русский язык М. В. Успенским. Данный перевод также представлен в альбоме, но, благодаря усилиям Ф. В. Кубасова, дополнен теми гравюрами, к которым у русского читателя прежде не было доступа. Кроме того, переводчик смог «закончить» то, что не смог его предшественник, а именно – представить перевод шести листов «Жизнеописания преданных и верных вассалов», которые М. В. Успенский не перевел «в силу отсутствия их в собрании Государственного Эрмитажа» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 145]. Ф. В. Кубасов отмечает, что не стремился полностью подражать уникальной манере его предшественника.

Переводчик не останавливается подробно на биографии художников и автора текстов. Автор начинает с рассмотрения особенностей (и трудностей) перевода и текста первоисточников, с которыми он работал. Таким образом, статья делится на несколько смысловых частей: краткий обзор сюжетов переведенных текстов,

размышления о работе с поэтическим материалом и другие детали рабочего процесса, о которых переводчик счёл необходимым упомянуть отдельно.

Анализируя сюжеты гравюр «Жизнеописания преданных и верных сердец», Ф. В. Кубасов предлагает вниманию читателя несколько конкретных примеров, которые считает показательными – все они иллюстрируют образ «идеальной женщины из самурайского сословия». Для каждого сюжета указан соответствующий лист альбома, поэтому читателю при работе с книгой не составит труда сопоставить заметки Ф. В. Кубасова и соответствующие страницы с гравюрами. Одной из сильных сторон данной статьи может считаться то, что Ф. В. Кубасов пристально изучает содержание текстов первоисточников на предмет несоответствия текста и иллюстрации и, несмотря на то, что на часть вопросов переводчик пока не нашел ответ, его комментарий даёт более полное представление о деталях рассматриваемых сюжетов. Исследователь также справедливо заметил, что «некоторые тексты из двух серий описывают одну и ту же историю с разных ракурсов – например, лист из “Сэйтю гиси-дэн” с изображением воина Онодэры Дзюная (лист 9 “вассалов”) и лист из “Сэйтю гисин-дэн” с изображением его жены (лист 4 “сердец”))» [Расставаясь с жизнью... 2025, с. 148].

Резюмируя, можно с уверенностью утверждать, что Ф. В. Кубасов проделал впечатляющую работу по переводу, таким образом открыв для будущих исследователей новое поле для более углубленного изучения творчества Утагава Куниёси и автора сопроводительных текстов гравюр Иппицуан.

При прочтении трудно не отметить, что, на контрасте с остальными статьями сборника, эта подглава включает заметный автобиографический аспект и научный стиль изложения здесь чуть менее выражен, чем в предыдущих фрагментах. Это объясняется спецификой данного сборника. Тем не менее, особенности стиля не лишают заметку первой научной ценности.

В завершение рецензии, безусловно не передающей всю глубину и богатство рассматриваемого альбома, хочется еще раз отметить уникальный формат данной работы. Альбом «Расставаясь с жизнью...» находится на стыке сразу нескольких сфер: научной, живописной, культурной, и даже области библиофилии – страсти к коллекционированию ценных и дорогих изданий. Во всех этих

сферах альбом выступает отлично: научные статьи имеют свою ценность и новизну, представляя собой хоть и небольшие, но полноценные научные исследования, изображения гравюр приносят эстетическое удовольствие, а качество издания не может не вызывать восторг.

Сложно привести какие-то минусы, которые относились бы непосредственно к содержанию работы. Тем не менее, хочется еще раз отметить малую доступность данного альбома – цена достаточно высока, а количество библиотек с данной работой ограничено.

В остальном, авторы данной рецензии констатируют успех первой издательской инициативы галереи KASUGAI, и надеются в будущем увидеть новые издания от этого коллектива.

Библиографический список

Воробьева Д. И. (2024). Мастера укиё-э школы Утагава: Куниёси и Кунисада. Рецензия на переиздание монографии М. В. Успенского «Куниёси и его время». *Ежегодник Японии*. Т. 53. С. 431–444.

Расставаясь с жизнью: предания о верных вассалах из Аки в иллюстрациях Итиюся Куниёси. (2025) – Санкт-Петербург: Издательство галереи KASUGAI

Хомченкова В. В. (пер.) (2020). Пьеса театра кабуки «Повелитель грома» («Наруками»). Предисловие, перевод и комментарии. *Ежегодник Японии*. Т. 49. – Москва: Наука. С. 454–495.

Хомченкова В. В. (2022) О переводе и комментарии пьес театра Кабуки. *История и культура Японии. Orientalia et Classica. Вып. 14*. – Москва: НИУ ВШЭ. С. 95–99.

Хомченкова В. В. (2024) «Свиток пожертвований». Пьеса театра Кабуки «Кандзинтё:». *Японские исследования*. 2024. № 1. С. 16–43.

References

Khomchenkova, V. V. (transl.) (2020). Pyesa teatra kabuki “Povelitely groma” (“Narukami”). Predisloviye, perevod I commentarii. [“The Thunder God”. The Kabuki Play *Narukami*. Introduction, translation, and comments]. *Yearbook Japan*. Vol. 49. P. 454–495. (In Russian).

Khomchenkova V. V. (2022) O perevode I kommentarii pyes teatra Kabuki. [Translation of and Commentary on the Kabuki Drama]. *History and Culture of Japan. Orientalia et Classica. Issue 14*. – Moscow: HSE University. P. 95–99. (In Russian).

Khomchenkova V. V. (2024). “Svitok pojertvovaniy”. Pyesa teatra Kabuki “Kanjinchō” [“The Subscription List.” The Kabuki play Kanjinchō]. *Japanese Studies in Russia*. № 1. P. 16–43. (In Russian).

Rasstavayas' s zhizn'yu: predaniya o vernykh vassalakh iz Ako v illyustratsiyakh Itiyusaya Kuniesi. (2025). [Parting With Life. Tales of the Faithful Vassals From Ako in Illustrations by Ichiyusai Kuniyoshi]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo galerei KASUGAI. (In Russian).

Vorobeva D. I. (2024) Mastera ukiyo-e shkoly Utagawa: Kuniyosi I Kunisada. Retsenziya na pereizdaniye monographii M. V. Uspenskogo “Kuniyoshi I ego vremya” [*Ukiyo-e* Masters of the Utagawa School: Kuniyoshi and Kunisada. Review of the Second Edition of M. V. Uspensky's Monograph «Kuniyoshi and His Time»]. *Yearbook Japan*. Vol. 53. P. 431–444. (In Russian).

С. В. Венская

**О японоведческих конференциях
(декабрь 2024 – февраль 2025).
XVII ежегодная конференция
Ассоциации японоведов
и XXVII конференция
«История и культура Японии»**

20 декабря 2024 г. в здании Института Китая и современной Азии РАН (г. Москва) прошла XVII ежегодная конференция Ассоциации японоведов. В этом году она была разделена на 4 секции, и на ней были затронуты как проблемы современного японского общества, так и вопросы, связанные с изучением истории и культуры страны.

Пленарное заседание открылось приветственным словом директора ИКСА РАН, д. ф. н. К. В. Бабаева. Обозначив значимость проведения научных мероприятий японоведов, он выразил надежду на улучшение взаимоотношений в исследовательской сфере между Японией и Россией. Затем традиционно прозвучала речь председателя Ассоциации японоведов, заведующего кафедрой востоковедения МГИМО, проф. Д. В. Стрельцова. Он подвёл итоги работы Ассоциации в этом году, подчеркнув высокую оценку журналов, выпущенных под её эгидой, со стороны научного сообщества.

Пленарное заседание продолжили три доклада. Директор ЦЯИ ИКСА РАН В. О. Кистанов представил видение положения Японии на международной арене в условиях перемен во внешней политике США. Об основных тенденциях демографии и семейной политики японского общества рассказала главный научный сотрудник Института Востоковедения РАН И. П. Лебедева. Японская сфера кибербезопасности была освещена в докладе профессора НИУ ВШЭ Г. Ю. Никипорец-Такигава.

Дальнейшая конференция разделилась на следующие секции: «Внешняя и внутренняя политика современной Японии», «Экономика

и общество современной Японии», «История Японии», «Культура Японии». Всесторонность направлений позволила собрать большое число слушателей не только из числа исследователей-специалистов, но и студентов-востоковедов из ведущих университетов как Москвы, так и других городов России.

Модератором секции политики выступил председатель Ассоциации японоведов, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО, проф. Д. В. Стрельцов, продолжив тему пленарного заседания о возможных изменениях японо-американских отношений. Геополитическую трансформацию раскрыли и чрезвычайный и полномочный посланник 1 класса, советник Дипломатической академии МИД России В. Н. Добровольский, а также научный сотрудник ИВ РАН Д. А. Милеев.

В то же время были охвачены отношения и перспективы сотрудничества Японии со странами Азии, АТР, Африки и Большого Ближнего Востока. Так, научный сотрудник ЦЯИ ИКСА РАН Ю. А. Домахина проанализировала дальнейший диалог Японии и КНДР после вступления Исиба Сигэру в должность премьер-министра, а доцент кафедры востоковедения МГИМО А. А. Киреева рассмотрела треугольник США-Япония-Южная Корея через призму внешней политики Китая. Ассистент кафедры японоведения СПбГУ А. В. Леленкова подошла к роли Китая в политике Японии с исторической стороны через отношения Японии и Индии.

Важность стран АТР для Японии подтвердили выступления старшего научного сотрудника ИМЭМО РАН и ИКСА РАН Л. А. Гамза, соискателя ЦЯИ ИКСА РАН К. В. Щуплецов и аспиранта кафедры востоковедения МГИМО И. В. Рахматуллина. Также важно отметить доклад старшего научного сотрудника ЦЯИ ИКСА РАН, Ю. А. Крячкиной о стратегии предоставления официальной помощи Японии развивающимся странам мира, в первую очередь странам ЮВА и Тихого Океана.

Внимание на японское военное присутствие в Африке на примере базы в Джибути обратила преподаватель Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ (г. Санкт-Петербург) А. В. Коробочкина. Острый вопрос отношений Японии с Израилем осветила старший преподаватель кафедры международных отношений и политических процессов стран Азии и Африки Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ (г. Санкт-Петербург) М. П. Чижевская. Наконец,

старший научный сотрудник ЦЯИ ИКСА РАН О. А. Добринская рассказала о японо-афганских отношениях в условиях власти движения «Талибан (запрещенная организация в РФ)».

Секция «Внешняя и внутренняя политика современной Японии» показала масштабный уровень влияния страны в развивающихся регионах, рассмотрела изменения позиции страны на политической арене и коснулась вопросов дальнейших перспектив развития отношений Японии с соседями и странами-союзниками.

Секцию «Экономика и общество современной Японии» открыла модератор, профессор ИСАА МГУ, РАНХиГС И. Л. Тимонина с подробным и графическим анализом динамики экономических показателей Японии. Помимо тенденций, И. Л. Тимонина выявила основные проблемы и вызовы, с которыми сталкивается экономика страны. Старший научный сотрудник ЦЯИ ИКСА РАН, Г. Д. Паксютов рассмотрел некоторые из этих проблем (в частности – обозначенная И. Л. Тимониной проблема конкурентоспособности экономики) с точки зрения монетарной политики Японии.

Вопросам бизнеса было посвящено два доклада. О преемственности среднего и малого бизнеса и вытекающих из этого проблемах рассказали доцент Высшей школы бизнеса НИУ ВШЭ С. В. Шапошников и профессор экономического факультета Университет Мэйдзё (Япония) Садои Юри. Работу и механизмы управления крупного бизнеса представил директор Центра современной политэкономии Института проблем управления С. Э. Юрков.

На тему цифровизации Японии выступила доцент Географического факультета МГУ И. С. Тихоцкая. Обрисовав этапы развития и распространения цифровых технологий в стране, И. С. Тихоцкая представила концепцию «Государства цифровых сельских городов» и общества цифрового симбиоза.

Два доклада секции были посвящены экологической политике. Первый из них представил из себя сравнительный анализ содержания национальной водородной стратегии Японии 2017 и 2023 гг. за авторством старшего научного сотрудника ЦЯИ ИКСА РАН К. А. Корнеева. В следующем докладе младший научный сотрудник ИНИОН РАН О. Б. Рамеев рассказал о проблемах и перспективах реализации программы Азиатского сообщества нулевых выбросов (AZEC).

Данные о психологическом благополучии учителей Японии представила аспирантка Института психологии РАН М. В. Федотова,

а психоаналитик Центра психологии и психоанализа «Selfhood» Н. И. Скрыльникова углубилась в вопросы стигматизации жертв Хиросимы, Нагасаки и Фукусимы. Была затронута и тема женского вклада в японскую науку в совместном выступлении доцента кафедры мировой экономики МГИМО С. М. Ребрей и соискателя МГИМО Н. Е. Балашовой.

В конце экономической секции участники поделились приятным впечатлением от многообразия возможных тем исследований.

Историческая секция, модератором которой стал доцент Школы востоковедения ФМЭИМП НИУ ВШЭ С. В. Гришачёв, открылась докладом аспиранта ИВ РАН, Д. Д. Романчева. В своей работе он изучил фортификационные сооружения на о. Хоккайдо сер. XIX в. Анализом действий святителя Николая Японского в ходе православной духовной миссии занялась преподаватель ВКИЯ ВАВТ Н. А. Ерофеева, рассмотрев конкретные мероприятия, повлиявшие на успех миссионеров.

В ходе доклада члена центрального правления Общества «Россия – Япония» В. Г. Пясецкого были продемонстрированы сканы письма неотправленного письма Николая II императору Японии. О значимой фигуре в русско-японской и советско-японской дипломатии начала XX в., Каваками Тосицунэ, рассказала старший преподаватель Школы иностранных языков НИУ ВШЭ С. А. Михайлова. А кандидат исторических наук Е. В. Яковкин представил реакцию русской миграции в Маньчжоу-го на торжества, посвященные 2600-летию Японской империи.

Увлекательными историями из автобиографии Фукудзава Юкити во время поездки в США поделилась младший научный сотрудник ИВ РАН А. Б. Шарова. Записи Фукудзава Юкити позволили лучше понять не только менталитет японцев, но и американцев того времени.

Отдельного внимания удосуживается блок докладов, посвященных проблеме исторической памяти. Рефлексию о японском военном присутствии на примере музеев и экспонатов Индонезии и Сингапура представил доцент ВШЭ С. В. Гришачёв. А об экспозиции музея военной истории «Юсюкан» рассказал доцент Кафедры востоковедения МГИМО-Университета В. В. Нелидов.

Память о тайваньских женщинах утешения *вэйаньфу* была рассмотрена на примере музея «Ама» в докладе научного сотрудника

ИБ РАН В. А. Перминовой. В конце работы секции ассистент Кафедры истории и философии ИРНИТУ К. Е. Кузьмин рассмотрел действия бывшего премьер-министра Японии Коидзуми Дзюнъитиро в вопросах исторической памяти с Китаем событий 1931–1945 гг., влияющие на отношения двух стран и в наши дни.

В результате работы секции «История Японии» участники смогли взглянуть на общеизвестные события под другим углом и открыть для себя совершенно новые факты о прошлом как Японии, так и остальных стран.

Наконец, секция, посвященная культуре Японии, была представлена десятью докладами. Модератором секции выступила директор ЦЯИ ИВ РАН Е. Л. Катасонова. Её работа о японизме и неояпонизме позволила составить хронологическую картину влияния японского искусства на мир, что можно увидеть и по сей день. Продолжив эту тему, преподаватель РГГУ Л. Р. Усманова рассказала о влиянии японского искусства оформления цветов на Западе. Г. Б. Дуткина, научный сотрудник ЦЯИ ИВ РАН рассмотрела вопрос адаптации японской демонологии через призму искусства кино, литературы, затронув научные и переводческие работы на эту тему. Взгляд китайского общества на японскую анимацию и его ценности был раскрыт в докладе аспиранта РУДН, Ли Сяомина.

Историю культа Сарасвати-Бэндзайтэн обрисовала в своём докладе ведущий научный сотрудник Центра «Государство и религии в Азии» ИКСА РАН Е. С. Лепехова, а лаборант-исследователь ЦЯИ ИВ РАН А. Г. Шехтер погрузился в историю *дзэн* в США первой половины XX в. Религиозную жизнь японцев и интерпретацию *синто* в современной массовой культуре показала лаборант-исследователь отдела Сравнительного Культуроведения ИВ РАН М. Е. Архипова.

Кроме того, часть культурной секции была отведена анализу японской литературы и мемуарам о Японии. Так, старший преподаватель кафедры японской филологии ИСАА МГУ М. А. Кириченко положила начало изучению поэзии *дока* школы фехтования *Ягю синкагэ-рю*. На примере книги Изабеллы Берд «Нехоженные тропы Японии» преподаватель Смоленского государственного медицинского университета С. П. Мальчикова показала реалии Японии конца XIX в. со всеми её достоинствами и недостатками. Подробный анализ первого японо-американского писателя Мори Тосио и специфических черт его произведений провела старший преподаватель

Кафедры гуманитарных и инженерных дисциплин Государственной художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица (г. Санкт-Петербург) К. А. Вихрова.

Соединяя историческое и современное, секция «Культура Японии» обратила внимание на наличие множества культурных феноменов и литературных памятников, которые требуют изучения. XVII ежегодная конференция Ассоциации японоведов вновь показала высокий уровень подготовки учёных-японоведов. Масштаб мероприятия подтвердил, что уровень заинтересованности научного сообщества в японских исследованиях продолжит расти и впредь.

17–19 февраля 2025 г. в Институте классического Востока и Античности (ИКВИА) Высшей школы экономики состоялась XXVII научная конференция «История и культура Японии». В течение 3 дней работы конференций проводилось три поочерёдных заседания: утреннее, дневное и вечернее.

Результатом конференции стал семнадцатый выпуск «Истории и культуры Японии» в серии *Orientalia et Classica*. Избранные научные работы, посвященные главным образом XIX–XX вв., были помещены в сборник, разделенный на 6 частей. Первые четыре части охватывают исследования архивных материалов, философской мысли, литературы и искусства Японии, пятая часть раскрывает японскую культуру в международном контексте, а в шестой расположились «Японоведческие миниатюры».

В начале конференции прозвучало приветственное слово от директора ИКВИА НИУ ВШЭ профессора Д. В. Волкова. Затем с обращением выступил профессор А. Н. Мещеряков, который является организатором данного мероприятия уже на протяжении более чем четверти века. В первую очередь он отметил большой «урожай» заявок и поблагодарил доцентов ИКВИА Е. Б. Сахарову, С. А. Родина и студентов за помощь в организации конференции.

Утреннее заседание первого дня модерировал профессор А. Н. Мещеряков. Доклады секции в основном относились к буддийской философской мысли. Так, Н. Н. Трубникова охарактеризовала предисловия рассказов *эцува*, а А. А. Петрова проанализировала образ монаха Дзо:га. Образ женщины и их путь к просветлению были рассмотрены в докладе М. С. Коляды. А Л. М. Ермакова представила рассуждения о некоторых категориях *дзэн* на примере стихов

из сборника «Дзиккинсё». Подробный анализ экономического состояния и жизни храма Тодайдзи составила О. К. Матвеева благодаря материалам хранилища *Сёсоин*. Иллюстрации дзэнского мастера Хакуина приложила Е. Е. Малинина, подчеркнув важность художника для философии того времени. О движении Второго Пришествия Христа в Японии рассказала А. Д. Бертова. Последним докладчиком заседания стала Е. Э. Войтишек, продемонстрировав связь буддийских божеств с японскими шахматами *сё:ги*.

Ведущим дневного заседания стал В. В. Щепкин. Главным фокусом секции стала литература Японии. Творчество писателей М. Юкио и Н. Сосэки нашли своё отражение в докладах И. Ёмота и Е. С. Абрамовой. Результатами археологических раскопок поделились японские исследователи Х. Баба и С. Кунитакэ (последний работает вместе с Е. Э. Войтишек). Под новым углом рассмотрела прозу эпохи Токугава И. В. Мельникова, а А. А. Ясинский с её помощью углубился в историю японской медицины. Зарождение автобиографического жанра можно было проследить вместе с профессором А. Н. Мещеряковым через сочинения Фукудзава Юкити. А. А. Дудко поделилась методами исследования *дзуйхицу* периода Эдо. Наконец, М. М. Громова пролила свет на повесть Л. Чарской о русско-японской войне.

Первый день конференции закончился вечерним заседанием, модератором которого выступила Е. К. Симонова-Гудзенко. Секция объединила в себе множество культурных направлений и эпох. Докладчики М. В. Грачёв, С. О. Онишук и Д. В. Трухан представили быт эпохи Хэйан. Провинция Овари и город Киото прошлого были рассмотрены с помощью *мэйсё дзуэ* в работах А. А. Максимова и К. А. Десятниковой соответственно. О чайных традициях и способах постижения «Пути Чая» рассказала А. В. Кудряшова. Истории дома Мори, отражённой в одной из книг «Нихон гайси», был посвящен доклад С. А. Толстогузова. А. Ю. Борькина поделилась японским взглядом на будущее и искусственный интеллект на страницах романа Кудан Риэ «Токийская башня сочувствия», получивший премию Акутагава в 2023 г. Последним докладчиком стал К. М. Карташов. В его сообщении раскрывался потенциал японских корпоративных историй *сяси* как современных исторических источников.

18 февраля ведущим утреннего заседания стал Е. М. Османов. Открыл секцию доклад А. В. Климова на тему медвежьего праздника на Хоккайдо в описании Мацуда Дэндзюро. Заглядывая в историю

XV в. Е. Б. Сахарова сопоставила литературный памятник «Дзэнрин кокухо:ки» с происходящей реальностью того времени. О восприятии японцев глазами офицера Генерального Штаба М. А. Соковина сделала сообщение Е. И. Нестерова. К терминологии военной сферы, *бутоку* и *синоби*, обратились докладчики А. М. Горбылёв и Н. В. Ожегов. Продолжая тему, А. Ю. Синицын задался вопросом типологической классификации самурайских доспехов. Анализом иллюстративного материала занялись Д. Кикнадзе (рекламные карточки The Liebig Company) и Е. О. Тягунова (ронины Аки в коллекции галереи KASUGAI). Закончил секцию стендовый доклад И. А. Дегтева, повествующий о режиме содержания советских дипломатов в Японии в период 1939–1941 гг.

Модератором дневного заседания на следующий день была М. В. Торопыгина. Доклады этого заседания сосредоточились на исторических взаимоотношениях России и Японии, СССР и Японии. На примере третьего свитка «Росия ибун» О. В. Климова рассмотрела потенциал источника в изучении российско-японских отношений н. XIX в. О том, как Россия могла повлиять на *Мэйдзи исин*, рассуждал В. В. Щепкин, остановившись на биографиях Аидзава Сэйсисай и Хирата Ацутанэ. Сотрудничеству в военно-морской сфере России и Японии в годы Первой мировой войны был посвящён доклад С. В. Гришачёва. Формирования российско-японских контактов с японцами Приморья через газету «Урадзю ниппо» коснулась М. С. Болошина. На колониальный режим губернаторства Карафута и реакцию местного населения обратила внимание А. А. Мартынова. Возвращаясь к газетам, М. С. Чистякова проследила, как складывались отношения между СССР и Японией на примере журнала «Техническая эстетика». Тему российской эмиграции в Маньчжурии 1930–1940-х гг. затронул Е. В. Яковкин. Завершающим стал доклад П. Э. Подалко на тему русских послов в Японии.

Вечернее заседание прошло под руководством И. В. Мельниковой. Большинство докладов секции касались японского театра и японской музыки. Помимо этих тем затрагивались вопросы организации издательского дела периода Токугава в сообщении М. В. Торопыгиной, культура и практика женского чтения конца XIX и первой половины XX вв. в докладе В. С. Фирсовой и истоки современного искусства каллиграфии А. П. Беляева. Изображению «Шести бессмертных поэтов» в театре Кабуки посвятила доклад А. С. Борисова,

а В. В. Хомченкова подробно разобрала монолог-скороговорку из пьесы Кабуки, «Сукэроку». О сохранении традиций театрального жанра комических сцен *кёгэн* рассказала Л. П. Тимофеевна. О музыке и изображении музыкальных инструментов в японской демонологии сообщила М. В. Есипова. Работа секции закончилась докладом Н. Ф. Клобуковой об особенностях восприятия мира через призму музыки слепыми музыкантами.

Последний день конференции, 19 февраля, открыла утренняя секция, ведущим которой выступила М. Н. Малашевская. Заседание началось с доклада К. А. Спицыной, в котором было обрисовано развитие геологии периода Мэйдзи. Секция продолжилась описанием исторического эпизода взаимодействия французов и японцев в сфере развития военно-промышленного комплекса в Коисикава в сообщении С. С. Наумова. О фигуре Андреаса Клейера и его вкладе в распространении медицинских знаний в Японии конца XVII в. рассказал Дж. Боррьелло. Истоки морального воспитания Японии осветила А. В. Козачина, а Е. М. Османов проанализировал историю рекрутингового плаката Сил самообороны Японии. Необычным показалась тема, выбранная С. А. Родиным, – он описал, как и почему зародилась история игрушек в послевоенной Японии. Влияние японского права на территории Маньчжоу-Го раскрыл П. Н. Дудин. Тему экологического сознания японского общества первой половины XX в. затронула О. И. Лебедева.

Ответственным за проведение дневного заседания стал С. А. Родин. Секция началась с двух докладов на географическую тему от Е. К. Симоновой-Гудзенко и А. Б. Шаровой про восприятие Японии на карте Урбана Монте и восприятие США в сочинении Утида Масао соответственно. Слою обценной лексики Средневековой Японии была посвящена работа И. А. Тюленева. В то же время О. А. Забережная рассмотрела средства выразительности в *нихонго бунгаку*, литературе на японском языке. Обращая внимание на понятия *гэмба* и *икигай*, М. Н. Малашевская раскрыла тему японского харизматического лидера через кинокартину «Фукусима» 2020 г. Гастродипломатия и продвижение *васёку но тиикисэй*, японской региональной кухни, был посвящен доклад О. А. Наливайко. Современная дискуссия о новом этапе развития японской эстетики через взгляд японских и иностранных специалистов была предложена докладчиком Е. Л. Скворцовой. Последний доклад секции Л. В. Овчинниковой

показал работу японской полиции в период японского колониального управления Кореей.

Последнюю вечернюю секцию провёл профессор А. Н. Мещеряков. Она открылась докладом Н. С. Братухина о влиянии буддизма на жизнь иностранцев в эпоху Мэйдзи. Связь между японским и китайским фольклором на примере Небесной Собаки *тэнгу* проследил докладчик В. И. Демидов. Восприятие советской власти на Южном Сахалине японцами в первые годы после Второй мировой войны отметил Е. В. Лузин. Особенности повествования об атомных бомбардировках и вопросы памяти в творчестве Сэйрай Юити проанализировала А. В. Палагина. На примере иллюстраций «The Illustrated London News» середины XIX в. Д. Д. Романчев обрисовал образ японского воина в глазах европейцев. А. А. Судакова посвятила доклад изучению японского паломничества с антропологической точки зрения и поделилась материалом, собранным в ходе собственной экспедиции. Конференция закончилась докладом А. Г. Шехтер о религиозной секте *Сэйтё-но Иэ* и собственным полевым исследованием.

За время работы XXVII конференции «История и культура Японии» было зачитано более 60 докладов.

Прошедшие мероприятия, вызвавшие волну бурных обсуждений, ещё раз доказали неугасающий интерес к японоведческой науке как среди состоявшихся исследователей, так и среди тех, кто только начинает пробовать себя в этом ремесле студентов. Мы выражаем надежду на сохранение этого тренда и желаем коллегам успехов в нелёгком научном пути.

Уважаемые авторы Ежегодника!

Для того, чтобы направить свою статью на публикацию в Ежегодник Япония, необходимо на сайте **www.yearbookjapan.ru** осуществить следующие действия:

- войти в раздел «Отправить статью»,
- зарегистрироваться и создать личный кабинет,
- в личном кабинете заполнить форму для подачи статьи.

Дата подачи статьи на данном ресурсе является датой ее поступления в редакцию. Сбор материалов для очередного номера осуществляется в первом полугодии, крайний срок подачи на номер текущего года – **15 мая**.

На сайте Ежегодника Япония **www.yearbookjapan.ru** вы можете ознакомиться с архивом предыдущих выпусков журнала, а также с информацией, которая необходима для подачи рукописи и прохождения всех условий публикации – обязанности авторов, порядок рецензирования, основные требования к оформлению статей, примеры ссылок и библиографического описания.

Журнал «Ежегодник Япония» издается с 1972 г. по решению, принятому 26 февраля 1971 г. на заседании Секции по изучению Японии при Научном совете по координации научно-исследовательских работ в области востоковедения Президиума АН СССР.

«Ежегодник Япония» является трибуной и коммуникационным каналом всего российского японоведческого сообщества. Концепция Ежегодника предполагает освещение самого широкого круга научных проблем японоведения, включая вопросы внутренней и внешней политики Японии, ее экономики и общества, истории, литературы и языкознания, культуры и религии. Публикуемые статьи систематизированы в рубриках, посвященных внутренней и внешней политике, экономике и обществу, истории и культуре.

ISSN 2687-1432 (печатный)
ISSN 2687-1440 (электронный)

Прежний ISSN, применявшийся до 2019 г. включительно, –
0235-8182 (печатный)

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77-83873 от 30.09.2022

Издание входит в следующие наукометрические системы:

- Научная электронная библиотека
и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
- Ядро РИНЦ
- Russian Science Citation Index (RSCI)
- Международный каталог журналов открытого доступа DOAJ
<https://doaj.org/toc/2687-1440>__
- Ulrich's Periodicals
- DOAJ
- Cyberleninka

**Иллюстрации к статье Д. В. Стрельцова
«Самый похожий на премьера» глава кабинета министров:
к 50-летию со дня смерти Сато Эйсаку»**

Рис. 1. Сато с женой (слева) и детьми. 1931 год.

Источник: Wikimedia Commons

Рис. 2. Сато Эйсаку.

*Фотография в журнале
«The Photo. 15 октября 1961 г.».*

Источник: Wikimedia Commons

Рис. 3. Эйсаку Сато

*после церемонии вручения
ему Нобелевской премии мира.*

Источник: www.nobelprize.org

*Рис. 4. Сато встречается
с министром иностранных дел СССР А. Громыко. 27 января 1972 г.
Источник: inosmi.ru*

*Рис. 5. Сато Эйсаку встречается
с советскими космонавтами В. Терешковой и А. Николаевым
в своей резиденции 28 октября 1965 г.
Источник: RIA Novosti archive*

*Рис. 6. Сато Эйсаку с президентом Р. Никсоном
во время официального визита в США 5 января 1972 г.
Источник: U.S. National Archives and Records Administration*

Иллюстрации к статье Д. Г. Кикнадзе
«О коллекции рекламных карточек The Liebig Company
«История Японии» 1938 г.»

Карточка 1. Государь Дзимму в походе
под предводительством солнечного ворона

Карточка 2. Государыня Дзингу (169–269 гг. н. э.)
указывает мужу направление на Запад

Карточка 3. Принц Сётоку издает «Уложение о культуре»

Карточка 4. Святой Ку:кай отправляется в Китай

GESCHIEDENIS VAN JAPAN.

5. Twee Samurai, naar een oude prent.

LIEBIG PRODUCTEN: HET BESTE VAN HET VLEESCH

Nadruk verboden

Jo Liebig

Uitleg op keerzijde.

Карточка 5. Два самурая

GESCHIEDENIS VAN JAPAN.

6. Yoritomo doet zich tot eerste Shogun uitroepen.

LIEBIG PRODUCTEN: NUTTIG EN PRAKTISCH

Nadruk verboden

Jo Liebig

Uitleg op keerzijde.

Карточка 6. Ёритомо объявляет себя первым сёгуном

GESCHIEDENIS VAN JAPAN.

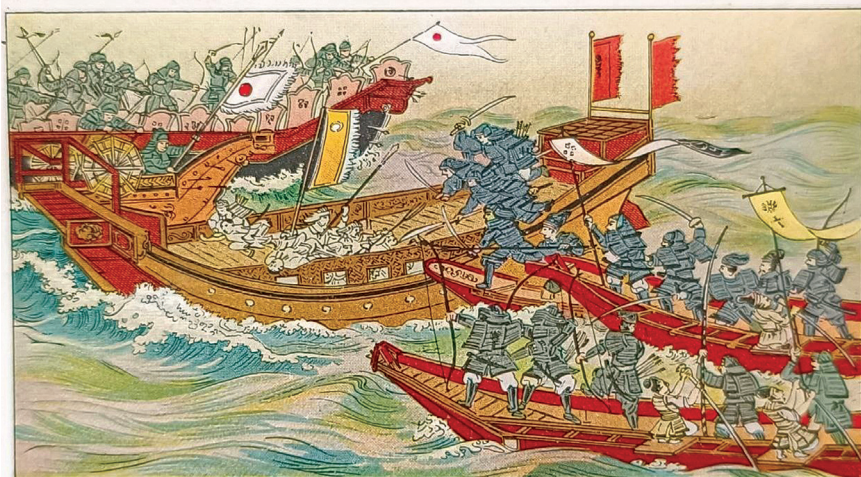
7. Voorstelling van een veldslag, naar een oude prent.
LIEBIG PRODUCTEN: VERBETEREN DE KEUKEN

Nadruk verboden

L. Liebig

Uitleg op keerzijde.

Карточка 7. Сцена битвы

GESCHIEDENIS VAN JAPAN.

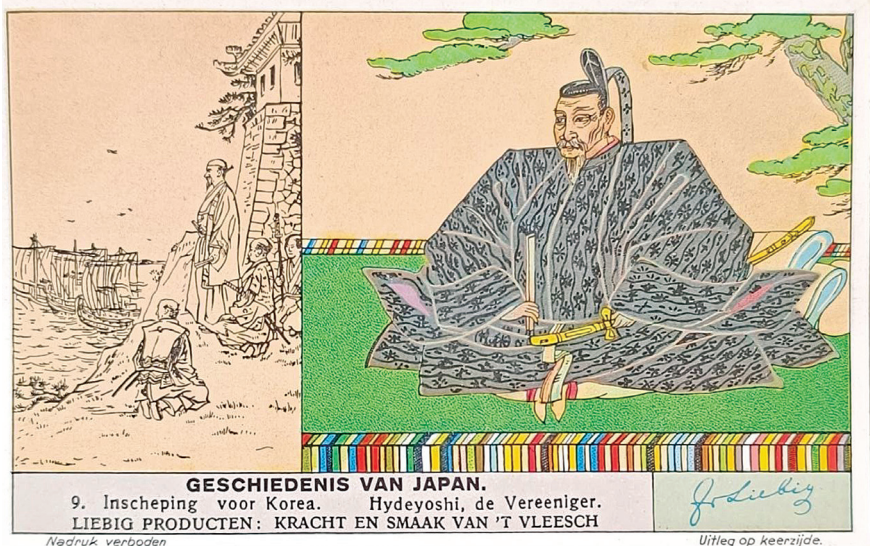
8. Vernieling van de Mongoolsche vloot.
LIEBIG PRODUCTEN: VERMINDEREN DE UITGAVEN

Nadruk verboden

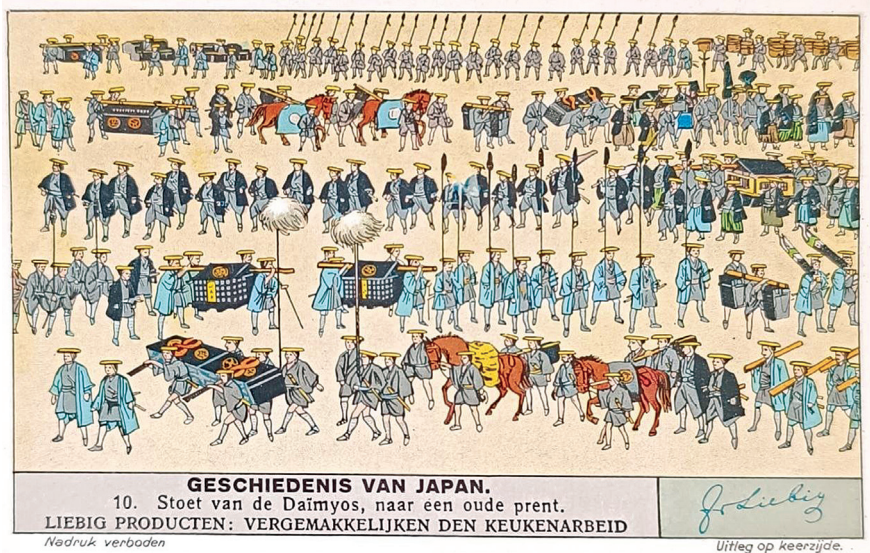
L. Liebig

Uitleg op keerzijde.

Карточка 8. Уничтожение монгольского флота

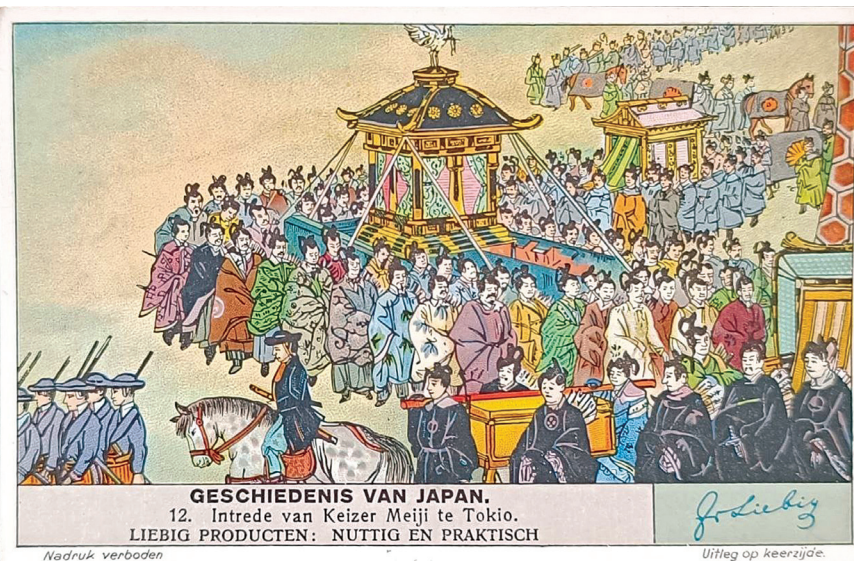
Карточка 9. Поход в Корею. Хидэёси, объединитель

Карточка 10. Кorteж даймё:

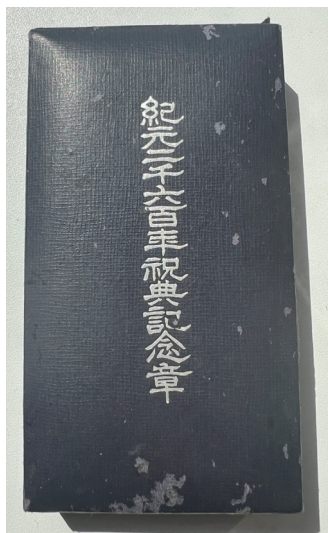

Карточка 11. Переговоры по японо-американскому договору

Карточка 12. Въезд в Токио императора Мэйдзи

Иллюстрации к статье Е. В. Яковкина
«2600 лет Японской империи и русская эмиграция в Маньчжурии»

Илл. 1. Медаль в честь 2600 летия Японской империи

Илл. 2. Специальный выпуск
журнала «Луч Азии»
(№ 1 за 1940 г.)
посвященный 2600 летию
Японской империи

Илл. 3. Образ первого
японского императора
Дзимму. «Луч Азии»,
1940, № 1

[illegible]

E. B. TEHHOO,

E. B. 200700.

Е. И. В. НАСОВ: НОВЫЕ ДРУЖИНЫ

Г. В. ИММОРАТОР, МЕНДЖИ

ИМПЕРАТОР ДЗИНГУ
охранитель Императорской Японии

Б. В. ИМПЕРАТРИЦА ШОКЭН.

Эмиграція и Японія.

[illegible]

В СТРАНѢ НИППОН.

Восстание — восстание, звучит над дымными
 копейками феодалов в страсти Наполеона,
 Лизуны, Истринки, гад, жеман, утконоса,
 Страны, прерывания, как великий сон,
 Вся Европа — в дыму, в дыму, в дыму,
 дымящий алмазов, Восходный Сад,
 Деревья обвали — привет, счастье! привет!
 Деревья алмаз — и нам привет!

Легкий дымок возмущения-свиста,
 Пыльный свисток и чаша горькая —
 Не гадать, не гадать, не гадать, не гадать,
 Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой,
 Непонятный, страшный ребенок
 В пестром платке, в пестром платке,
 Голосок — голосок, присядь и спой,
 И вот отбегавшие гаденыши
 Морячество, воячество, воячество,
 Про страну с усталыми глазами

Оля-сан поет, поет...
Про твои голубые заливны,
О, Ниппон, затата островов,
Про цветущую айву снами
И о минир, красе садов.
Цвет камелий, твой маленький
Оля-сан, Оля-сан, стрекоза,
Ах! На самой высокой ноте
Опускаешь ты скромно глаза.

Много стран есть в морях чудесных,
Где немолчат птиц и зверей,
Но чудесней всех стран чудесных —
Счастливейший остров Ниппон.
Много где в городских ворота
Входит тихо и ночной туман,
Но прекрасней всех город Киото,
И прекрасней всех где — Ой-си-и.

Ойх-сиз.
В. МАСАННОВ.

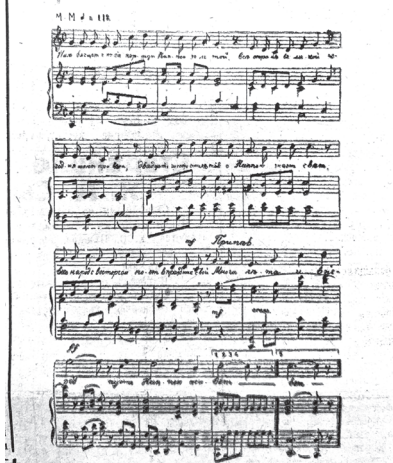
ЕВГ. НАУМАН.

Илл. 5. Русский участник Всеазиатских спортивных игр в Токио от Манчжоу-дого. Октябрь 1940 г.

ПЕСНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ ТОР- ЖЕСТВЕННОМУ ДНЮ.

Монархическое объединение отмечает 2600-летний юбилей со дня основания Империи Ниппон выпущком в свет «народной песни», посвященной в Страну Восходящего Солнца по поводу этого юбилея. Сопоставляющая ноты, полученные из Нип-
пон, сопровождаются русским текстом песни. Построенный по револ японского текста слоган П. П. Такеучи и Л. Н. Греланин и переведен на русский стихи автором С. А. Недоляным (Полерез).

Илл. 6. Ноты песни «2600 лет основания империи».
Газета «Заря», 4 февраля, 1940 г., № 31. С. 9

**Иллюстрации к статье Е. Л. Катасоновой
«Комаки Курихара: актриса, сохранившая верность Москве
и русской культуре (к 80-летию)»**

Фото 1 и 2. Комаки Курихара

Фото 3. Комаки Курихара в традиционном кимоно

*Фото 4. Комаки Курихара
и члены японской правительственной делегации.
Октябрь, 1973 г.*

*Фото 5. Елена Леонидовна Катасонова
и Комаки Курихара в городе Цуруока после спектакля,
в котором играет актриса, 1995 г.*

*Фото 6. Комаки Курихара во время церемонии закрытия
11-го международного кинофестиваля стран АТР
«Меридианы Тихого» во Владивостоке, 2013 г.*

Научное издание

ЕЖЕГОДНИК ЯПОНИЯ
2025. Том 54

Главный редактор	Стрельцов Д. В.
Научный редактор	
Научный редактор	Лебедева И. П.
Научный редактор	Мещеряков А. Н.
Научный редактор	Дьяконова Е. М.
Научный редактор	Трубникова Н. Н.
Ответственный редактор	Гришачев С. В.
Редактор	Нелидов В. В.
Вёрстка	Заболотникова М. Е.

